

кс. Иосиф Свидницкий

Это повествование написано по рукописям и устным рассказам священника Иосифа Свидницкого. Многие пересказано из книги священника Яна Палыги "Лагерь за Фатиму", вышедшей на польском языке в издательстве "Apostolicum" в 1997 году и издания воспоминаний о. Иосифа «Воспоминания узника», изданных в Омске в 2003 году. В редактировании текста принимали участие священники Андрей Удовенко (Москва) и Сергей Голованов (Омск)

Детство

Я родился 25 декабря 1936 года. Моя малая родина - Винницкая область в Подолье на Украине. Я появился на свет в деревне Пеньковка, расположенном недалеко от местечка Мурафы.

Моя мама рассказывала в детстве, что наши предки по ее линии были крепостными крестьянами. Мой дед рано остался сиротой и был вынужден в 15 лет наняться на строительство железной дороги Киев-Одесса. Позже он поступил работником в семью немецкого инженера-железнодорожника, скопил немного денег. Он мог уехать вместе с немцами в Германию, но решил вернуться в родные края. На заработанные деньги он купил несколько гектаров земли с дубовой рощей вблизи станции Пеньковка. Здесь, на хуторе и родилась моя мама София.

Из родственников отца мама вспоминает какого-то образованного и известного человека своего времени. В юности я узнал об украинском писателе и православном священнике Анатолии Свидницком (1834-1871). Может быть, его и имела в виду мама, подумал я тогда.

Мои родители много трудились, обрабатывая землю. Мама ездила верхом, косила на косилке, складывала печки, белила хаты. Всех детей она родила вне больницы. Но не потому, что пренебрегала медициной, а из-за того, что

постоянно работала. Отец с 14 лет подрабатывал на извозе, покупал и продавал лошадей. Революция и Гражданская война прокатилась красным колесом по Подолью. Отца чуть было не расстреляли чекисты, когда он возвращался из больницы домой. Была устроена облава на поездах, и ликвидировали всех подозрительных. Он нам рассказывал, как всю ночь из подвалов Чека группами выводили людей на расстрел под звуки духового оркестра. Смерть прошла мимо него и в 1937 году. Моя мама с детьми обхватили его со всех сторон, когда за ним пришли. Оперуполномоченные отступили и не стали его арестовывать. По своему характеру отец был упрямым и любопытным, чем отличался от матери. Мать была глубоко набожной католичкой, а отец только соблюдал религиозные обряды, как это делали его знакомые.

Мурафа в годы моего детства представляла собой большое еврейское местечко, к которому примыкало со всех сторон с десятков сел. Сейчас там живет около 20 тысяч человек, евреев практически не осталось. Живописный вид центру Мурафы придавало множество еврейских лавочек и мастерских. Все называли центр Мурафы городом. По-украински “місто”. Летом в Мурафу приезжали на отдых жители больших городов, можно было даже встретить приехавших из Москвы и Ленинграда.

В центре местечка до революции жили наиболее уважаемые и состоятельные евреи: врачи, учителя, аптекари, купцы. Ближе к окраинам селились кузнецы, мясники, жестянщики, олейники (выжимальщики растительного масла). В годы моего детства еще стояла синагога и еврейская школа. Я даже помню молящихся евреев в покрывалах в домах моих школьных друзей.

Центр Мурафы лежит как бы на дне глубокой чаши. Со всех дорог при въезде в местечко открывался величественный белоснежный доминиканский костел, вознесший в небо, словно руки в молитве, свои башни. С

обеих сторон от костела находились две православные церкви, которые встречали приезжающих со стороны районного центра и станции Ярошенка. По своим размерам костел намного превосходил церкви. Спеша в школу, каждый день проходил мимо костела и церкви. Многие мои товарищи, снимали шапки, отдавая честь Божьему дому. Так происходит и сейчас, хотя Мурафа сильно изменилась. Сегодня вместо опрятных домов центр городка встречает одиноким и пустым универмагом. Бор около костела, посаженный 200 лет назад, вырублен. Много развалин, где скрываются бездомные собаки и кошки.

Во время коллективизации наша семья была выселена из своего дома за то, что отец отказался идти в колхоз. Он лишился заработка. В конце концов, он устроился на кирпичный завод, а мать начала белить хаты. Мать, работая, сажала меня в конскую кормушку. С этого времени очень люблю лошадей. Кони нюхали меня, а когда я плакал, облизывали мои слезы. Я хлопал их по мордам и хватал за губы. Они фыркали, но никогда не обижали.

Во время Отечественной войны, когда немцы оккупировали Подолье, наша семья вернулась в свой дом. После отхода немцев Советская власть снова выселила нас из дома. Родители решили поселиться неподалеку в совхозе, где ухаживали за скотом и выращивали сахарную свеклу.

Окрестности были пустынные. Небольшие известковые горки были покрыты степной травой и разными цветами, которые во время весеннего цветения смотрелись как огромные, наклоненные к солнцу ковры. Между пригорками тянулись яры, заросшие кустами. Много в них было берез и других небольших деревьев и кустов. Росла там малина и ежевика, а летом было много земляники. На полянках скакали зайцы. А из-за кустов, обычно утром и вечером, выходили на охоту лисы. Берега текущей неподалеку реки Мурафы, притока Днестра, были покрыты

зарослями камыша и бурьяна, где роились болотные птицы. В реке было много рыбы, которая под вечер плескалась, выскакивала на поверхность, чтобы ловить стрекоз и комаров.

Невдалеке были руины дворца, а также подвалы и склепы, принадлежавшие когда-то графам Потоцким, которые манили нас своей темной прохладой и поражали наше детское воображение. Ходили слухи об огромных богатствах, скрытых там бывшими владельцами и о приведениях и скелетах, чьи кости светились, когда кто-то входил в склеп. Ходили слухи о духах, которые стерегли подземелье. Кроме того, уцелел еще запущенный сад, заросшие аллеи и несколько экзотических деревьев.

После войны мы часто посещали костел в Мурафе. Хотя священника не было, мы пели там польские духовные гимны и "служили" без священника "Святую Мессу". Это заключалось в том, что клали на алтарь орнат и миссал, произносили литургические молитвы, а также читали Слово Божье и Евангелие.

В нашей семье родилось семеро детей, но выжило только трое. Две сестры и я. Остальные умерли в детстве. Средняя сестра умерла, уже будучи взрослой. От тяжелой работы на торфоразработках в 16 лет у нее заболело сердце и начался ревматизм.

Летом 1941 года Подолия была оккупирована немецкими войсками. Во время их правления преследование церкви почти прекратилось, и в костел стали приезжать священники. В 1943 году в приходском костеле Мурафы меня крестил священник из Польши. До него мы не видели настоящего служителя церкви почти 15 лет. Я помню, что тогда была большая очередь на крещение. Наверное, более двухсот человек.

Моя старшая 16-тилетняя сестра Нина, ходила с подругами в костел на катехизацию. Тогда я влюбился в одну из ее подруг (мне было семь лет) и долго тосковал по

ней даже тогда, когда мы переехали на новое место жительства. Иногда я плакал, думая о ней. Но об этом никто не знал.

Помню домашние разговоры во время оккупации, часто называли слова “Латвия”, “Литва”, “мадьяр”, “кацап”(русский), “западенец”(галичанин), “киргиз”, “узбек”. Позже это стало моим своеобразным жизненным путем, начатком вселенского мировоззрения.

Страшно было в 1944 году, когда у нас шли бои немцев с наступающими частями Советской армии. Было разрушено довольно много домов. Обстреливали также и наш дом, но снаряды в него не попали. Когда вошли красноармейцы, они очень удивлялись, что он уцелел, ведь он был целью обстрела: на чердаке нашего дома сидели немецкие наблюдатели, корректирующие стрельбу своей артиллерии. Их заметили советские войска и пытались уничтожить. Мы же сидели в погребе и молились.

После войны на Подолье был страшный голод. Причиной был неурожай, а также то, что по "контингенту", то есть по плану, у селян забрали половину продовольствия. В это время от голода умер мой отец и много других жителей нашей деревни. Мы выжили только благодаря тому, что я и моя сестра работали в совхозе. Там два раза в день мы получали немного еды и сто граммов хлеба. Кроме того, мать подкармливала нас сладковатыми выжимками сахарной свеклы, которую привозили в качестве корма для скота. По весне мама начала готовить еду из листьев деревьев и всякой зелени. Позднее стало легче, особенно для больной сестры. Мама начала ездить на Западную Украину, откуда привозила немного муки и картошки. Это были весьма небезопасные поездки. Всегда, когда она уезжала, мы прощались с ней так, как будто она уже никогда не вернется. Люди ехали на платформах, а бандиты, натягивали шнур над поездом, и таким образом стаскивали пассажиров. Те падали, часто замертво, а

бандиты отнимали их пожитки. Таким образом, погибло много из жителей нашей деревни.

После войны в наш городок приезжали командированные из Татарии для работы в совхозе. Несколько татар подселили к нам на квартиру. От них я узнал об исламе.

Моя больная сестра, которая за три года не вставала с постели, много читала религиозных книг и часто молилась о здравии, особенно перед образом Матери Божьей Неустанной Помощи (т.е. Страстной). Когда никого не было дома, я созывал соседских детей, и она много говорила нам о Боге, о святых и разных чудесах.

В конце 1947 года к нам приехал ксендз Мартын Высокинский. Ранее он был униатским священником, но после запрета Греко-католической церкви, стал служить в латинском обряде. В течение двух дней он совершал богослужения и исповедовал. Когда сестра у него исповедовалась, он предсказал ее выздоровление. И действительно сестра вскоре начала ходить. Так как я и сестра были единственными кормильцами семьи, я был вынужден пасти скот весной, летом и осенью, из-за чего долго не мог ходить в школу. Сестра учила меня читать и писать. Мы прошли программу первого класса

Первый раз я переступил школьный порог в тринадцать лет. Пошел я сразу во второй класс. Вначале мне было тяжело, но вскоре я догнал других учеников. В это время мама продала корову и купила небольшой дом близ костела. Она сделала это для того, чтобы отвязаться от местных властей, представители которых часто приходили к нам и ругаться, утверждая, что мы не имеем права жить в доме, который занимали ранее, потому что никто из нас не работает в совхозе. Я продолжал пасти скот и коней, а деньги за это получал кто-то другой, нам же говорили, что я работаю за жилье.

В детстве и юности у меня было мало друзей: те, с кем вместе пас скот, школьные приятели, у которых списывал или давал списывать. К сестрам же ходило множество подруг и друзей, которые по праздникам и воскресеньям наводняли наш дом. По вечерам были танцы. Мне очень нравилась музыка, которую исполняли наши сельские музыканты. Счастьем было постоять рядом с ними. Музыка казалась мне непостижимой притягивающей силой, к которой я сохранил благоговение всю жизнь.

Через год после покупки дома умерла моя больная сестра. Самая старшая сестра работала в совхозе. А я, учась и работая, закончил среднюю школу в 1958 году.

Интересоваться религиозной жизнью я стал во многом потому, что жил рядом с костелом. Наша семья, как и другие благочестивые католические семьи, ходила в храм. Больная сестра научила меня немного читать по-польски. Я понимал немного в этом чтении молитвенника, но много молился на свой лад по-украински. Кроме того, начал прислуживать в костеле

Юность

В 1952 году, когда мне уже исполнилось шестнадцать лет, воспользовавшись случаем поехать с матерью в Винницу, где был ближайший действующий католический храм, я решил исповедоваться у ксендза Высокинского. К исповеди я готовился очень тщательно, своими грехами я исписал целую тетрадку. Перед поездкой я не спал всю ночь. Мама оставила меня в церкви, и поехала по своим делам. Я пропустил всех стоящих в очереди и последним подошел к исповедальне. Моя исповедь длилась больше двух часов. Я ощутил себя великим грешником. Вместе с друзьями я часто хулиганил, пугал людей идущих по шоссе. Когда кто-то приближался, мы бросали камни на асфальт.

Идущий с криком убежал в сторону домов. В школе я часто дрался.

Исповедуясь, я боялся, что не получу отпущения. В конце к моему великому изумлению исповедник сказал мне, что я буду священником. Это его утверждение я не принял всерьез. Я еще не закончил школу. Ничего не знал о духовной семинарии. Когда я об этом спросил, он спокойно ответил: "Придет время, и ты пойдешь в семинарию". Я вернулся с мамой в Мурафу и по-прежнему ходил в школу, пас скот и копал торф.

Когда к нам в конце концов приехал ксендз Дажицкий в 1953 году, тогда моя религиозность стала углубляться. Но когда я грешил, я боялся идти к Дажицкому к исповеди и ездил в Винницу, чтобы исповедоваться отцу Высокинскому. После исповеди он всегда говорил мне, что я буду священником.

Вскоре нашла на меня какая-то апатия. Друзья с их хулиганскими выходками перестали меня интересовать. Пропало желание ходить в клуб на танцы. Иногда я даже плакал от одиночества. В это время передо мной встал вопрос: кем я буду? Сначала воображал себе, что стану большим начальником, буду иметь прекрасную машину и красивую жену, что буду жить на высшем уровне. Потом, когда приехал ксендз Дажицкий, что-то во мне переломилось. Я стал читать духовные книги. После прочтения "О подражании Христу", во мне случился какой-то перелом. Я решил стать священником или монахом.

Ксендз Дажицкий был в Мурафе три года. Он относился ко мне достаточно сдержанно, зато больше ценил и выделял моего приятеля, которому я очень завидовал. У нас сложились добрые отношения. Он тоже хотел быть священником. Позже, когда я уехал в семинарию мы часто с ним переписывались, мне хотелось, чтобы он последовал за мной. Одно из писем было перехвачено КГБ и за ним стали следить. Он попросил мою

мать написать мне под его диктовку письмо, в котором он оговорил себя. Это он сделал, рассчитывая, что чекисты прочитают письмо и снимут с него подозрения в неблагонадежности. Позже он женился, но ничего мне не сообщил. Он получил хорошее образование, работал инженером, посещая храм, крадучись, как и все люди его положения в советское время. Когда я его встретил после своего посвящения в сан, то меня словно льдом сковало. Ни с кем в жизни я не был столь холоден и официален как с ним тогда. Он остался лично благочестивым, до сих пор, наверное, молится больше меня, священника.

В десятом классе я решил, что буду тридцать дней молиться Матери Божией, чтобы выпросить себе благодать священнического призвания, перед статуей, которая была на кладбище. Я вставал в шесть часов утра, ибо не хотел, чтобы меня кто-то увидел. На кладбище я садился в кустах перед статуей Матери Божьей и пел службу часов по молитвеннику. Люди, однако, заметили, что я рано встаю и хожу на кладбище. Они сказали об этом моей матери. Она спросила меня, зачем я это делаю, но я не признался. В конце концов в этом не было ничего чрезвычайного. Наши люди часто приходили на кладбище молиться о душах умерших. Такой был обычай. В июне я начал читать литанию Сердцу Иисуса. Я говорил себе, что явным знаком того, что Бог хочет, чтобы я шел в семинарию, будет то, что мне удастся уехать в Ригу, где и была семинария.

Чтобы воспитать в себе стойкость к испытаниям, которые предвещало мое призвание, я истязал себя по голой спине поясным ремнем с пряжкой на конце. Ежедневной нормой было 10 ударов. По весне я бил себя молодой крапивой. Три года спал на голых досках, даже хотел сделать себе ложе из гвоздей как Рахметов из романа Чернышевского “Что делать”. Меня остановило лишь опасение заражения крови. Ел невкусную и неприятную пищу едва не до рвоты.

Когда в школе узнали о моем прислуживании в костеле, директор вызывал меня к себе и отругал. В школьной стенгазете появилась на меня карикатура: на коленках со сложенными руками и нимбом над головой. Я стал осторожным. Перед тем как войти храм, я осматривался на все 4 стороны: нет ли кого из учителей и начальствующих. Затем мигом исчезал в церковных воротах. При выходе, я вначале высовывал голову из дверей, озирался и мигом и растворялся среди ближайших домов.

В мурафской больнице долгое время лежала без движения Янина Кулик, которая много страдала в предсмертных борениях. Мы с другом пришли к ней. Вид чужого страдания потряс меня так, что всю ночь не мог заснуть. Я молился Богу, что если она останется жива, то буду посещать ее каждый день. Потом в течение трех лет я старался прийти к ней хотя бы на 5 минут. У постели больной мне казалось очень мелким и нестоящим то, что я часто стеснялся бедности нашей семьи и то, что ходил в самой дешевой и немодной одежде.

Я познакомился с некоторыми сверстниками, которые мечтали о монашестве. Вначале нас было пятеро, потом добавилось еще двое. Они стали моими самыми близкими друзьями: Стефания Радынская, Юзефа Курманская, Елена Генеськая, Виктор Боднарь. Мы часто собирались вместе молиться вдали от любопытных глаз. Часто ходили в паломничество в соседние храмы. Я вспоминаю о нашем духовном союзе с большой нежностью, хотя и не все наши мечты сбылись. Трое вступили в брак и счастливо живут в разных местах бывшего СССР.

В это время власти выслали из Мурафы ксендза Дажичко, и нам пришлось ездить в церковь в Жмеринку, которая находилась от нас на расстоянии около 30 километров, где служил священник Войцех Ольшевский, недавно вернувшийся из лагеря. Однажды я заговорил с ним о моем намерении поступить в семинарию в Ригу.

Священник познакомил меня с сестрами гоноратками из Риге. Сестры обещали мне помочь и действительно, помогли приехать туда. Когда настали школьные каникулы, я вместе с двумя приятелями Яном Помаранским и Франеком Карасевичем отправился в Ригу. Вначале я хотел пойти пешком, но вовремя понял, что мать будет сильно волноваться. После длительной беседы один на один Франек сознался, что хочет поступить в семинарию. У родителей отпрашиваться не стали, они уехали за 30 километров на престольный праздник. Мы сели в поезд на Львов, чтобы там пересесть на рижский. В поезде мы полатыни пропели вечерню. Какая-то женщина стала к нам приставать, прося, чтобы мы спели еще какую-нибудь песню. Франек записывал в блокнот название станций. Ян не мог долго прожить без сладкого и на каждой станции покупал себе что-нибудь вкусное. А в Риге даже купил мороженое. Для нас с Франеком это было изменой высоким аскетическим принципам. Мы, ригористы, осуждали низменные пристрастия нашего недостойного спутника. Часто мы обсуждали каким по характеру и жизненным принципам должен быть священник. Мы считали, что жизнь духовного лица должна быть полна ограничений: одежда – только одна; еда – постная, постель – жесткая.

Приехав в Ригу, мы поселились у гостеприимных сестер гонораток. Мы постоянно мысленно осуждали их за то, что в их доме стоят мягкие диваны, что они едят вкусные обеды. Особенно возмутил их тихий час после еды. Поразились, узнав, что священники бывают в отпусках.

Когда я кончил десятый класс, директор советовал мне, чтобы я поступал в строительный институт в Киеве, где учился его сын. Вскоре я, однако, сообразил, что дело было не в его симпатии ко мне и желании помочь, но наказ власть предержащих, чтобы я ненароком не поступил в

семинарию, ибо они догадывались о моем истинном желании.

С 20-тью рублям в кармане я поехал в Киев сдавать вступительные экзамены в инженерно-строительный институт, расположенный на бульваре Шевченко. 25 дней я ходил туда без особого желания на сдачу экзаменов. Меня больше интересовали достопримечательности города, я посещал музеи и театры. В свой 21 год я впервые увидел балет, оперу, услышал симфонический оркестр. Долго не мог прийти в себя от восторга. К своему удивлению, в институт я поступил и учился там с сентября по март 1959 года.

Рига

Позднее я ушел из института и уехал в Ригу. Там поступил работать на железную дорогу. Потом меня забрали в армию, в которой я был только год, потому что моя мама пенсионерка просила о моем увольнении из армии, ибо я был единственным кормильцем. Действительно, меня уволили к маме. Погостив дома, я вернулся в Ригу и поступил в морской торговый порт грузчиком. Позже я перешел в машинисты порталного крана, добился 1-го разряда квалификации, работая в течение семи лет. Продолжал свои аскетические упражнения: старался не разговаривать ни с кем даже на работе, сохраняя полное каноническое молчание, которое иногда длилось более месяца. Ходил по городу, стараясь ни на кого не глядеть.

Вскоре после прибытия в Ригу, я подал прошение в семинарию. Ректор готов был принять меня, но местный уполномоченный по делам религии не согласился. В то время такое разрешение было, безусловно, необходимо. Моим друзьям повезло поступить. Стал петь в церковном хоре на приходе, где ректор был настоятелем, чтобы

добиться его расположения и договориться о сдаче экзаменов экстерном. Мне говорили, что ректор был против того, чтобы готовить священников вне семинарии. Когда я заговорил с ним, то он ответил, что это абсолютно невозможно. "Чтобы стать священником, - сказал он, - кроме веры необходима еще формация", то есть духовная подготовка и жизнь по уставу в стенах семинарии.

Я пошел к семинаристам, спросил конспект латинского языка, и через полгода проштудировал больше материала, чем семинаристы. Со мной поделились конспектами, отчисленные из семинарии по требованию КГБ Викентий Витко и Иван Крапак. Потом я попросил ректора меня проэкзаменовать. Он преподавал латынь. Экзамен прошел хорошо. Отец ректор сказал даже, что я владею материалом лучше, чем некоторые семинаристы. Потом семинаристы достали мне фотокопию учебника. Было это "Intriductio Generalis in Scriptura Sacra" (Общее введение в Священное Писание). Этот экзамен нужно было сдавать на латыни. Когда я подготовился к экзамену, то снова пошел к отцу ректору, чтобы он меня проверил. Экзамен этот я вынужден был пересдать, потому что я говорил по-латыни плохо, вставляя латышские слова. К переэкзаменовке я подготовился так, что практически весь учебник знал наизусть. Таким образом, я сдал уже два экзамена. Третьим была философия: онтология, логика и критика. На этот экзамен я пошел к приятелю отца ректора, которого хорошо знал.

- Почему хочешь сдать этот экзамен? - спросил профессор.

- Вы знаете, отец профессор, - сказал я, - что я не могу поступить в семинарию обычным путем, но, может быть, в будущем такая возможность появится, и тогда я буду уже иметь несколько зачтенных экзаменов.

- Но я не могу дать тебе никакого свидетельства. Ты ведь знаешь, чем это кончится для меня и семинарии, если об этом узнает КГБ?

Тогда я понял, что моя настойчивость грозила семинарии закрытием, а отцу профессору ссылкой.

- Мне не нужно никакого свидетельства, - сказал я, - просто проверьте мои знания.

Тогда он принял у меня экзамен по всем своим предметам. Я сдал экзамены на отлично. Потом я по очереди ходил ко всем преподавателям. И так в течение нескольких лет я сдал все дисциплины. Я интересовался новостями из Рижской епископской курии, стараясь быть в курсе церковной жизни.

Латвия пробудила во мне интерес к православию. Я видел, что на многие римские праздники в наш собор приходили также православные батюшки и даже местный владыка. Среди моих приятелей был Саша Кудряшов, с которым мы вместе посещали православные храмы и монастыри в Прибалтике. Ныне он стал Архиепископом Рижским и всея Латвии, но меня, слава Богу, не забыл и встречает радушно, когда захожу к нему.

Работал я в три смены. Обычно вставал в пять часов и занимался перед тем, как пойти на работу. Когда была возможность, я брал с собой учебник на подъемный кран и в минуты простоя или слишком сильного ветра, когда необходимо прервать погрузку, готовился к экзаменам. Кабина находилась на высоте 17 метров над землей. Я был один. Никто меня ни видел и не знал, что я делаю. Никто не мешал.

К несчастью, вскоре в КГБ узнали про мою подпольную. Скорее всего, сообщил какой-нибудь семинарист. Сотрудники этой организации стали вызывать и допрашивать преподавателей, не готовят ли они экстерном некоего Станислава к посвящению в сан. Преподаватели честно говорили, что Станислава не знают.

В КГБ знали, кого ищут. В документах, которые мне выдали, когда я уезжал из дома по ошибке, вместо "Иосиф" было написано "Станислав".

Допросы преподавателей ничего не дали, офицер КГБ пришел ко мне на работу и сказал, что ему нужно поговорить. Он повел меня в гостиницу, где ждал его коллега - капитан госбезопасности, который для начала мне сказал:

- Мы знаем, что ты ходишь в семинарию. По всей видимости, ты учишься тайно.

Я отрицал, что сдаю экзамены, но признался, что хожу в семинарию, потому что там у меня приятели, с которыми время от времени встречаюсь.

- Ты хотел бы поступить в семинарию? - спросили они меня.

Я ответил утвердительно. Тогда они предложили мне свою помощь для поступления в семинарию при условии, что я буду с ними сотрудничать. Это предложение я отверг. Еще несколько раз они вызывали меня на встречи. Однажды они допрашивали меня с двух часов дня до двенадцати. В конце я сказал им, что я не могу приходить к ним, ибо я должен быть на работе. И тогда они оставили меня в покое, продолжая наблюдать.

Через год после того, как я начал работать на кране, случился несчастный случай. Загорелся склад с хлопком, который располагался вблизи нескольких кранов. Идя в столовую вместе с рабочими, мы заметили, что из склада валит дым. Мы начали кричать. Как выяснилось позже, склад подожгла женщина. Она надеялась, что во время паники ей удастся проникнуть на борт какого-нибудь заграничного судна и убежать из СССР. В КГБ подозревали, что пожар мог устроить я.

Про меня спрашивали у трех человек на допросах, пытаясь выяснить где я был, что делал. Спрашивали о времени, когда я спустился из кабины крана, как долго находился в

кране, с кем стоял в очереди, за сколько копеек обедал. Потом вызвали меня и сказали:

- Признайся по-хорошему, что это ты поджег.

Тогда я ответил очень гневно:

- Я вам не козел отпущения. Если вы считаете, что я преступник из-за того, что хочу учиться на священника, то арестуйте меня прямо сейчас.

Видя такую мою яростную реакцию, они смягчились и начали просить, чтобы я им помог разобраться в этом деле с поджогом. Тогда я им сказал:

- Мы с товарищами сообщили о пожаре. Больше я ничем помочь не могу.

После этих допросов, я прекратил учебу на два года, чтобы все утихло. Я снова начал ездить с хором по Латвии и Литве. Я ходил также на вечеринки и праздники латышей, чтобы отвести от себя подозрения. В 1966 году я был принят в семинарию по недосмотру. Тот сотрудник, который меня "опекал", был в отпуске, а остальные обо мне забыли. Когда мой куратор вернулся, то указал мне покинуть семинарию. В семинарии я был с сентября по декабрь 1966 года. Потом канцлер курии, позднее архиепископ, священник Ян Пуятс сказал мне, что был звонок из КГБ, и я должен уйти из семинарии. Так закончилась моя духовная формация. Я, вероятно, один из немногих священников, а может быть и единственный, который так мало проучился в семинарии.

После отчисления я встретился со священником Хомицким, который был тогда настоятелем в Мурафе. Он, едучи к родственникам в Белосток, остановился ненадолго в Риге. Во время этого разговора он сказал, что поможет мне получить пресвитерское рукоположение, если я сдам экзамены в Польше и буду тайно служить под его руководством. Этим я очень утешился, и сказал ему, что на сто процентов выполню все то, что он скажет мне. Выяснилось, что мне надлежит ехать в родную Мурафу.

Там я буду органистом и тайком сдам остальные экзамены. Я не согласился. Я сказал, что до тех пор не уеду из Риги, пока не сдам всех дисциплин здесь. В конце концов, мы договорились. Он обещал похлопотать за меня в Польше.

Хомицкий был пламенным проповедником, его проникновенные слова пробудили многие души. Вместе с тем, он не любил лезть на рожон и дразнить власти своей независимостью. Но когда уполномоченный начинал наглеть, то Хомицкий спокойно и дипломатично отстаивал интересы Церкви. Его советы как вернуть закрытый храм или выхлопотать разрешение на приезд нового священника были очень мудры и помогли многим приходам.

Хомицкий усвоил, что если о чем-нибудь долго просить власти, то они обязательно сотворят обратное с чувством глубокого удовлетворения, что навредили церковникам. Когда уполномоченный решил его выдворить из Мурафы, то Хомицкий собрал приходской совет и заставил под диктовку написать на себя донос с требованием убрать себя с этого прихода по причине многих недостатков и нелюбви людей. Власти мстительно оставили его в Мурафе.

Однажды, в исполкоме издали распоряжение не служить Мессу в праздники, если они выпадают в будние дни, чтобы не отвлекать советских людей от труда в колхозе, и известили Хомицкого. В следующее воскресенье он во всеуслышанье объявил, что принял решение не служить в будни. В ближайший праздник люди не пошли на работу (даже многие работники административных учреждений), а устроили перед сельсоветом манифестацию против Хомицкого (которую тайно организовал он сам) с требованием убрать его за нарушение церковного устава. Раздраженные власти сказали ему потом: “Что там у вас происходит? Наладьте нормальные богослужения”.

Когда в шестидесятые годы хотели закрыть один храм в районе, то он научил людей перед приездом комиссии из Киева собраться в этом храм и лечь, распростершись крестом на полу. Пораженная комиссия разрешила храм не закрывать.

В селе Черновцы в закрытом храме расположился сельский клуб. По совету Хомицкого люди скупили все билеты на киносеанс, после которого никто оттуда не вышел; каждые сутки их сменяла другая группа. Так продолжалось около 9-ти месяцев до тех пор пока власти не согласились вернуть здание церкви.

Он научил верующих вставать на колени вокруг памятника Ленина с четками в руках и горько плакать и причитать, чтобы Ленин вразумил своих учеников, которые не разрешают молиться в храмах.

Когда его очень одолевали осведомители КГБ, которые ходили вокруг него кругами и что-то вынюхивали, то он звонил уполномоченному офицеру госбезопасности и говорил: “Уберите этих с прихода, они же не умеют хранить военной тайны. Ходят и хвастаются перед верующими, что они агенты КГБ и получили спецзадание следить за церковью”.

Одного активного агента он даже напоил и спустил с лестницы. А потом позвонил уполномоченному и пожаловался на него за разглашение секретных сведений в нетрезвом состоянии.

Ксендз Хомицкий смиренно трудился для блага Церкви, всегда оставаясь верным Христу.

В 1967 году произошло чудо. Я получил загранпаспорт и разрешение поехать в Польшу. Там я пробыл сорок дней. Вместе с Хомицким мы были у кардинала Стефана Вышинского в Ясной Гуре. Кардинал послал меня к священнику Кобылецкому в Люблин проверить знания. Мы поехали к Кобылецкому, но было уже мало времени - только три дня, чтобы подготовиться к экзаменам и

возможному посвящению. В этой ситуации мне было сказано, чтобы я вновь приехал в Польшу в следующем году на 30 дней и получил посвящение. К несчастью, мне этого не разрешили. Хомицкий настаивал, чтобы я поехал к нему без всяких гарантий и условий. Но я отказался. Я сказал, что пока не буду иметь определенной перспективы рукоположения, из Риги не уеду.

Во время отпуска я поехал к матери, которая продолжала жить в Мурафе и тяжело хворала. Она хотела в конце концов понять, учусь ли я на священника или нет. Мои приятели были уже священниками, а я нет. Это очень беспокоило маму. Я решил все держать в тайне. Мама часто ходила на первые мессы новопосвященных священников, моих приятелей, и плакала, когда думала обо мне. Я сказал матери, что КГБ не позволяет мне поступить в семинарию... В конце концов, я попрощался с ней и уехал в Ригу. Мама умерла в 1969 году. А так хотелось в жизни преподнести ей неожиданный подарок, но, увы!

Поиск священства

В Риге я дружил с хиповавшими молодыми людьми, которые вели бурную жизнь. Вскоре завязалось знакомство с баптистами. Виной тому был случай на производстве. Со мной работал один слесарь, который много пил и постоянно матерился. Но через некоторое время я заметил, что он стал другим. Я спросил его, почему он больше не ругается. Тогда он ответил, что стал баптистом. Это меня удивило и заинтриговало. Я попросил его провести на богослужение. Оно меня очень удивило. Пение и духовная атмосфера мне понравились. После богослужения я подошел к пастору, поздоровался и поблагодарил за возможность участия в богослужении, прекрасную проповедь и пение хора.

С этого времени я начал к ним ходить часто. Там было очень много молодых людей. Молодежь читала Священное

Писание и достаточно хорошо его знала. Они учились там истинам веры. Тогда и я захотел собирать молодежь, чтобы показать, что у нас, католиков, тоже есть молодые активные верующие. Вместе с несколькими друзьями мы встречались по воскресеньям. Эти встречи состояли из музыки, кофе и танцев. Мы немного говорили также о религиозных проблемах. Это было начало. Потом я постарался заинтересовать их Священным Писанием и примером протестантов. Я хотел, чтобы молодежь из католических семей увидела, как молятся баптисты. На мою квартиру, которую я снимал, стали захаживать хиппи. Я оставлял им ключи от квартиры, когда уезжал из города. Вскоре меня вызвали в милицию и потребовали объяснений почему на моей квартире обосновалась целая колония хиппи.

После того, как стало известно об этом, священник Иосиф Бородуля, которому я всегда прислуживал на мессе, один на один спросил меня, хочу ли я еще быть священником? А если хочу, то почему я так поступаю? Почему я устраиваю сборища на квартире?

Я ему ответил:

- Ни одному священнику я не обещал, что буду священником.

Тогда он спросил:

- Так чего ты хочешь?

Я ответил:

- Если Бог позволит, я буду священником, а не позволит, то пойду другой дорогой - женюсь.

Мой старичок очень рассердился и закричал:

- Сейчас как дам тебе в лоб! Ты столько вытерпел! А сколько сестры вытерпели, которые тебе помогали? Ты столько сделал, чтобы сдать экзамены, а сейчас хочешь уйти от своего призвания?

Я ничего ему не ответил. Все свои дела я хранил в глубокой тайне.

Однажды, ко мне приехал монах из Даугавпилса Витольд, который меня знал много лет. У него я останавливался, когда первый раз приезжал в Ригу. Он хотел поговорить о моих делах. Я признался, что я хожу к баптистам и на молодежные вечеринки. Я объяснил, что, поступая так, я хочу отвести от себя внимание КГБ.

Тогда он спросил меня в упор, хочу ли я быть священником?

- Конечно, - ответил я.

Мы разговаривали всю ночь напролет.

Духовный кризис

Каждый новый год я молился Господу такими словами: "Господи Иисусе, если Ты меня предназначил для другого пути, чем священство, например, для брака, то пошли мне такую болезнь, чтобы я до конца жизни не встал с постели.

Прошу Тебя об одном: если священство не для меня, то дай мне болезнь. Сделай, чтобы я до конца жизни страдал. Если Ты считаешь, что я должен вернуться в мир, то прошу Тебя об одном: сохрани во мне веру. Быть мне священником или нет, это Твое дело. Я хочу остаться в вере до конца жизни". Сейчас эти слова звучат необыкновенно драматично.

В этот период в Латвии и Литве от служения отказалось несколько священников, которые совсем ушли из Церкви под давлением КГБ. Я это сильно переживал. Между прочим, до такой степени, что даже заболел. Почему они так поступили? Почему отошли? Я понял это так, что если они отходят, то это означает, что Бог отнял у них силу благодати. Я был уверен, что существуют также причины, которых я не знаю, из-за которых у них была отнята благодать. "Если я хороший сын своего отца, - думал я, - то он меня не прогонит. Если они отошли от Бога, то это означает, что Бог их как-то оттолкнул, отобрал у них веру и силу." Я верил, что вера и набожность происходят от Бога. Я просил Бога, чтобы он мне позволил стать таким, как те, которые прошли все круги советских лагерей и не сломались. Я не хотел потерять Его благодать и любовь. Страшно было представить, что я тоже могу стать предателем и отступником.

Этот момент был в моей жизни периодом внутренней войны. Это не было моральным кризисом, но кризисом самой веры в Бога. Я размышлял так: Бог все видит, все знает, даже до скончания века. Он знает также, что я буду в аду или в раю. Если Бог все знает заранее, то Он видит,

может быть, что я уже в аду. Тогда возникает вопрос: какой смысл в пришествии Христа во плоти? Позднее, когда я прочитал больше книг, то узнал, что подобные мысли приходили в голову таким мыслителям, как Лютер, Кант и другим. Свой кризис я бы определил как путь на вершину горы. Человек идет и должен дойти до вершины. Если он до нее не дойдет, то повернет назад или упадет вниз. Если же дойдет, то окажется на другой стороне. Я дошел также до предположения, что, если я упал с этой вершины, то это значит, что Бог меня наказал. Все это я хотел получить, опираясь на свои собственные силы и собственный разум. Итак, я дошел до полного абсурда. Я спрашивал себя тогда, в чем был смысл послания Богом в этот мир Его Сына. Или это игра со стороны Бога или небывалое милосердие. Я стоял перед дилеммой "или-или". Вскоре я понял, что своим разумом ни в чем не разобрался и ничего не выяснил. Я хотел поговорить об этом с преподавателями, но вскоре понял, что нет смысла спрашивать об этом много, потому что они подумают, что я впал в ересь. Я сам должен был это как-то пережить. Закончилось все это тем, что я почувствовал полное угасание веры. Мне казалось, что я не дошел до вершины и скатился вниз. Я не переставал молиться. Это меня спасло. Я просил Бога, чтобы Он не отвратил меня от Себя, чтобы я не упал. Постепенно, понемногу кризис веры прошел, и душевная буря утихла.

Чтобы быть уверенным в том, что Бог меня простил, чтобы быть уверенным в Его любви и благодати, я просил его в молитве, чтобы он дал мне ясное знамение прощения.

Мои душевные страдания возобновились, когда я узнал, что некоторые из моих друзей опустились до пьянства. А может быть завтра почувствую тягу к водке и я?

Посвящение в сан

Мое знакомство с семинарией закончилось довольно печально. Уполномоченный приказал уволить ректора Рижской семинарии священника Леона Козловского. Мне сказали, что это из-за меня. Вплоть до 1980 года он служил где-то в глухих приходах на окраинах Латвии.

Чтобы чем-то себя занять, я поступил на заочное отделение Рижского филиала Ленинградского политехнического института и стал регулярно сдавать сессии.

В это время я вновь встретился с монахом Витольдом, и он велел мне ехать к епископу Викентию Сладкявичусу, который проживал в ссылке в глухой литовской деревушке, чтобы спросить, не посвятит ли он меня в сан. Ранее в разговоре с Витольдом епископ сказал, что я могу приехать для разговора. Я обрадовался и сразу-же выехал к нему со священником Иосифом Турбовичем. Епископ посоветовал мне поехать на Западную Украину, пожить у катакомбных епископов и стать греко-католическим священником. Я сказал, что с ними у меня нет никакой связи. Мы говорили еще довольно долго. Во время этого разговора епископ внимательно меня изучал взглядом. Под конец встречи он сказал:

- Хорошо. Приезжай через три месяца, а я за это время подумаю о возможности посвятить тебя в сан.

Через три месяца, как и договорились, я вновь приехал к нему. Епископ долго размышлял. Я смиренно произнес, что хотел бы, по крайней мере, умереть в священном сани. Он предложил перенести разговор на следующий день и к моей радости произнес:

- Готовься. Пройди реколлекции. Я еще подумаю, что и как сделать.

15 августа 1971 года я поехал в костел в Аглону, где находится почитаемая икона Пресвятой Богородицы, чтобы исповедоваться и отбыть недельные реколлекции. Я подошел к конфессионалу, очередь была огромной. Несмотря на это исповедник долго меня поучал. Его слова я запомнил на всю жизнь. Он сказал мне так: "Максимилиан Кольбе просил Бога, чтобы он сделал из него метлу. Чтобы эта метла была метлой в руках Божьих, чтобы она выметала грехи мира. Ты будешь такой метлой". После реколлекций я поехал к епископу. Когда я явился, после короткой беседы со мной, он сказал:

-Хорошо, пойдем в храм.

Было семь часов вечера. 1 сентября 1971 года я получил все низшие степени посвящения и стал иподиаконом. Епископ благословил меня на ношение сутаны. Я вернулся в Ригу с огромной радостью в сердце. Я заказал себе сутану, но не признался, что для себя, а сказал,

что для одного священника из Литвы. Священническая хиротония ожидалась в конце сентября. В оговоренный час я приехал на собеседование перед посвящением в диаконы. Тогда он к моему изумлению сказал:

- Сегодня вечером получишь и диаконство и священническое посвящение. Знакомые люди предупредили меня, что КГБ что-то знает и следит за мной. Итак, в течение одного дня 11 сентября 1971 года я получил сан диакона и священническое рукоположение. При посвящении присутствовал священник Иосиф Турбович, теперь настоятель одного из храмов в Гродно.

Когда епископ начал готовиться к Святой Мессе, во время которой меня должны были посвятить, в сердце моем возникло искунительное сомнение: "Этот человек, который рукоположит меня, действительно ли он епископ?" Даже, в таком торжестве, меня не покидали сомнения. Хотя я давно знал, что он - епископ в изгнании, мною владело беспокойство. В моей голове вновь появились мысли: "А может он сам назвался епископом? Может, это какой-то авантюрист?" В конце концов, я сказал себе: "Даже если это и так, то это его грех. Вся ответственность ложится на него".

Сегодня, когда я вспоминаю об этом переживании, то понимаю, что у меня не было никаких оснований сомневаться в его святительском достоинстве. Тем более, что со мною был священник Турбович.

Епископ был в митре и полном облачении. У него не было только епископского посоха. В конце концов, я

принял посвящение и успокоился. По окончании литургии епископ запретил кому-либо говорить о рукоположении до особого разрешения. Потом он пригласил меня и отца Турбовича попить чайку. На следующий день я возвратился в Ригу и пошел, как обыкновенно, на работу. Через месяц я по секрету сказал священнику Иосифу Бородуле (тому самому старцу, который хотел мне дать в лоб), что я уже священник. К моему удивлению он не разделил моей радости, а только сказал:

- Зачем это тебе? Кому это нужно? Чтобы большие деньги зарабатывать?

Он сказал мне еще нечто такое, что очень меня разозлило. Я даже поклонился ему и сказал:

- Я доверил Вам свою тайну потому, что очень Вам верил, а Вы мне так отплатили. Разве я заслужил такое оскорбление? Что же я уже никому не должен доверять? Вы 25 лет провели в лагерях и меня хорошо знаете. Неужели Вы так обо мне подумали? У меня нет никакой корысти.

С тоской на сердце, не попрощавшись, я ушел.

Отец Иосиф немедленно сообщил о моем рукоположении в епископскую Курию. Мне казалось, это было настоящим предательством с его стороны.

Я срочно выехал в Мурафу, где в это время служил ксендз Хомицкий. Там я встретил своего друга юности отца Викентия Витко, уже несколько лет бывшего священником. Он без малейшего сомнения поверил моему слову о

рукоположении. Благодаря ему отец Хомицкий допустил меня до служения “примиции” - первой Святой Мессы новопресвитера. Он пригласил два десятка надежных людей, которые 16 сентября присутствовали на моей первой службе. Среди них была моя сестра, которая увидела меня только тогда, когда я уже облачился в ризу. Вторую мессу я служил у священника Дажичко, а третью - в Городке, Хмельницкой области у своего приятеля священника Франциска Карасевича. Франек принял меня с большой радостью и сердечностью. Мы сразу договорились о том, что я смогу к нему приезжать в любое время для пастырской работы.

Он много мне рассказывал о том, как сложно сосуществовать с советскими властями. Однажды, его вызвали для длительной беседы о лояльности к государству в облисполком. Стоило сотруднику, ведущему с ним беседу немного отвлечься, как Франек выскользнул из его кабинета и покинул здание через окно туалета за неимением пропуска. После этого пытались доставить в исполком принудительно. Но прихожане выделили ему десяток крепких мужиков для охраны.

Однажды, чтобы сорвать богослужение, власти поставили у костела наряд милиции, а его самого хотели задержать в автомобиле на подъездах к городу силами ГАИ. Карасевич добирался, поочередно пересаживаясь на другие автомашины, как Штирлиц в фильме “17 мгновений весны”. За километр до храма он переоделся в старый длинный плащ, надвинул шапку на глаза и, став похожим на

охотника, огородами пошел дальше. Он зашел в храм с черного хода. Люди стояли очень плотно, никого не пропуская внутрь. Отслужив торжественную Мессу, он громко, чтобы слышали сотрудники КГБ, объявил, что сейчас будет исповедывать, а через полчаса за ним приедет машина. После этого он в толпе быстро ушел из храма.

Его приход в Городке насчитывал около 5 тысяч человек. Исповедывать всех одному было невыносимо, поэтому он приглашал на помощь подпольных священников (среди них были и греко-католики). Он сажал их в шкафы с дырочками. Такие импровизированные исповедальни стояли в сакристии и верхних помещениях храма. Священники приходили в штатской одежде и в определенное время садились в эти шкафы. Снаружи к шкафам подходили верующие и исповедывались, говоря в дырочки стенки. Даже если бы власти оцепили костел и устроили проверку, то они бы никого законно не задержали и ничего бы не доказали. Священник выходил из шкафа, и сразу становился похожим на обычного человека, случайно зашедшего в храм. Во время богослужения в храме находились сотни мужчин, всех проверить невозможно. Прихожане сами наблюдали за подозрительными пришельцами и сообщали настоятелю о появлении милиции или сотрудников уполномоченного по делам религии. Я приезжал и в другие приходы на Украине и там тайком исповедовал. Я изменял свой внешний облик и садился в самом дальнем конфессионале. В течение двух лет я исповедовал более двенадцати тысяч человек. А в

один из дней Страстной недели 1972 года ко мне подошло 311 человек. Я просил священников, чтобы они присылали ко мне на катехизацию прежде всего молодых людей, особенно студентов. Молодые удивлялись, откуда я так хорошо знаю студенческую жизнь, а также сведения из области техники и высшей математики.

Летом 1972 года я одиннадцать раз летал самолетом Рига-Киев. Большинство священников в Риге не знали о моем тайном рукоположении и служении в Украине. Догадывался лишь старый священник, которому я прислуживал министрантом на мессе в костеле св. Альберта. Он это понял, когда я перестал приступать к святому Причастию, ибо ежедневно сам служил литургию у себя дома. Однажды я принес ему пожертвование на мессу, а он спросил, почему я сам не отслужу? Я тогда ответил: «Отче, не шутите, пожалуйста» - и увел разговор в иную сторону.

Знакомое духовенство часто меня спрашивало:

- Ну, как Ваши священнические дела?

Они провоцировали меня признаться, что я рукоположен. На эти провокации я не реагировал, а только загадочно улыбался.

Я продолжал ходить к баптистам и вести духовные беседы с группой молодежи. Я хотел воспитать в них любовь к Католической церкви. Я предлагал им, как пример для подражания баптистов и адвентистов. Я говорил им:

- Смотрите, это искренние люди. Как они хотят говорить о Боге, в любом месте и в любое время. Почему мы не можем быть такими же откровенными, как они.

Было больно, что католики в церкви ведут себя как посетители, не проявляя никакой живой веры. У протестантов этому было можно и нужно поучиться.

Ко мне стали приходить сотрудники КГБ и спрашивать: "Так ты уже священник или нет?" Я отвечал: "Ведь вы знаете, что я работаю на производстве, как другие советские люди. Кроме того, учусь заочно в Политехническом институте». Они отвечали, что до них дошла некая информация, а дыма без огня не бывает.

Я пошел на прием к канцлеру курии священнику Лаздану, который ранее предупредил рижское духовенство не позволять мне служить в храмах. Я заверил, что никогда не служил публично и, вообще, скрываю, что я священник. Почему он плохо ко мне настроен? Неужели хочет, чтобы КГБ арестовал меня и отправил в лагерь?

Чекисты продолжали опекать меня. В конце 1972 года они вновь вызвали меня и спрашивали, зачем я часто езжу в Киев. Я ответил им «правдоподобно»: "У меня в Киеве девушка, и в свободные выходные езжу к ней". Они не поверили и стали задавать другие наводящие вопросы: не принял ли я тайно священство, не занимаюсь ли подпольным служением. Они меня окончательно довели, в нервном возбуждении я с ними поругался. Тогда они меня успокоили. Сказали, что верят мне. Разговаривали

культурно. Даже спросили, не нужны ли мне деньги на поездки? Если мне что нужно, то они могли бы помочь. Только чтобы я с ними "дружил". А дружить с ними, это означало доносить. Этого они мне уже могли не говорить. Об этом я сам знал очень хорошо. Последний раз они были уж слишком добры и деликатны со мной, даже подали мне мое пальто.

Экуменический кружок Сандра Риги

Часто я спрашивал себя, почему католики не стремятся так свидетельствовать о Боге, как протестанты? Когда я начинал разговаривать с баптистами, то они сразу пытались меня обратить. Мы спорили иногда по несколько часов. Я опирался на рационализм и католическое богословие в оправдание своей веры. В ходе споров я заметил, что они опираются исключительно на Священное Писание. Баптисты попрекали нас, католиков, что мы крестим детей, что исповедуем. Они говорили, что этого нет в Священном Писании. Тогда я начал им показывать, что это не так. Вначале они считали даже, что я осведомитель КГБ, но вскоре убедились, что я просто католик, и даже могу с Библией в руке защитить свои взгляды. Тогда они стали нервничать. Поэтому я предложил: "Давайте не будем спорить, а только дружить." К баптистам в Ригу приезжали их единоверцы из иных городов, в том числе из Москвы.

Вскоре я познакомился с их духовным лидером Александром. Я удивил его и заинтриговал своей открытостью, а также приветливым отношением к ним. Он согласился с тем, чтобы их молодежь в Риге встречалась с католической молодежью. Я привел их в костел, объяснил им значение различных символов и знаков. Александр говорил мне, что он многократно говорил со священниками, но это были только, как он выразился, «беседы с порога». Во время нашего знакомства, после его многократных приглашений, я поехал в их общину в Москву. Во время одного из разговоров он сказал мне, что хотел бы работать для сближения католиков, православных и протестантов. Мне это очень понравилось. Но он многого не понимал в католическом христианстве.

Мы поехали в Москву вместе с префектом семинарии, очень образованным священником. Мы были там два дня. Мы вели долгие разговоры на разные догматические темы. Слушая эти дискуссии, я убедился, что если они продлятся еще немного, то добрым отношениям с Александром придет конец. Не захочет он больше встречаться с нами. В этих дискуссиях были "острые углы", которые никто не мог обойти. Речь касалась учения Церкви. Чувствуя, что все может плохо кончиться, я прервал эти беседы, и мы выехали из Москвы. Перед отъездом я спросил Александра, когда он будет в Риге. Тогда он ответил мне вопросом на вопрос, могли бы он исповедоваться. Это меня несколько озадачило. Однако, я сказал ему, что да, но что это будет означать, что он сделал выбор в пользу католичества. Я спросил его

также, не делает ли он это, например, из симпатии ко мне? Действительно ли он убежден, что должен сделать этот необыкновенно важный шаг? Я сказал ему, что для такого решения нужно дорасти.

Через некоторое время Александр позвонил мне в Ригу и сказал, что он уже готов к исповеди, но ему нужно еще со мной поговорить, потому что у него много разных сомнений, которые он хотел бы выяснить.

Я быстро нашел себе замену на кране и полетел самолетом в Москву. Во время полета я молился Духу Святому о просвещении для меня и для Александра. Как только я прилетел, мы начали обсуждать те "острые углы" и выяснять сомнения. Он не мог понять, что такое "непорочное зачатие". Он говорил:

- Вы делаете из Матери Божьей богиню без греха. А безгрешный только один Бог.

Я знал, что для него эта проблема очень важная, поэтому во время разговора я просил Бога, чтобы Он направлял мои слова и открыл понимание Александру.

- Церковь, - объяснял я ему, - не делает из Адама и Евы богов, хотя до грехопадения они были в состоянии освещающей благодати и имели свободную волю. Они могли грешить, могли и отвергнуть искушение. Мать Божия была в той же самой ситуации, как и наши прародители. Разница только в том, что Она не согрешила. Александр понял это, и, в конце концов, согласился с этой

истиной веры. Подобным образом дискутировали мы и о других догматах. Наш разговор длился с семи часов вечера до двух часов следующего дня. Потом мы пошли в парк, чтобы подышать свежим воздухом. Тогда он сказал, что готов исповедоваться. Его исповедь длилась два часа. Она была необыкновенно искренней и глубокой. После нее мы оба заплакали. Позже Сандр сказал членам своей группы, что он стал католиком, но это не значит, что и они должны последовать за ним.

13 октября 1973 года вместе со своей общиной Александр создал группу, которая имела характер общины-братства. К этой общине могли принадлежать все христиане, независимо от вероисповедания, но они должны были стремиться к единству. Независимо от существующих различий они намеревались молиться о сближении верующих во Христа. Я был очень заинтересован этим движением. В Риге у нас были библейские собрания, во время которых мы никого не критиковали. Задача была такая: "Если видим зло, то делаем добро". Так была создана группа христиан-экуменов. К ней принадлежало около двадцати человек. Эта группа развивалась в сторону монашеского братства. Александр написал правила для нее. Все, кто решали вступить в братство, должны были принять три обета: нищеты, послушания и чистоты. Несколько раз мы посылали правила папе Павлу VI. Папа несколько раз нас благословлял. Конституцию, которую написал Александр, я показывал преподавателям семинарии в Риге, спрашивая

их, не противоречит ли она учению Церкви. Это был практически светский апостолат экуменизма в жизни. Община эта должна была идти в сторону признания Папы как духовного пастыря всей Церкви. Эта группа дала импульс для разговоров с хиппи на тему веры. Много приезжало молодежи из Москвы на катехизацию и для того, чтобы принять крещение. Крестились дочери и сыновья высокопоставленных особ из Москве.

Вскоре опять пришли ко мне сотрудники органов и сказали, что знают о моих контактах с Александром. Пробовали выяснить, откуда я его знаю. Я сказал, что мы познакомились в костеле. Тогда они ответили, что если я не хочу иметь неприятностей с ними, то я должен перестать встречаться с Александром.

Подобного рода экуменические общины возникли в нескольких городах. Люди встречались, читали Священное Писание, обсуждали его, молились. Это были люди живой веры. Когда приходил кто-нибудь новый, неверующий или баптист, то говорили только об общих принципах православия, католичества и протестантизма. Человек сам должен был сделать выбор.

С целью привлечения широких кругов, особенно интеллигенции православной, католической и протестантской мы начали издавать в самиздате "Призыв", а позднее "Чашу общения". Когда после "перестройки" Горбачева в СССР настали лучшие времена, Александр ездил в Рим, где подробно докладывал о создании

движения. Его хотели даже посвятить в священника, но он отказался, сказав, что тогда он отпугнул бы протестантов, то есть они отошли бы от него.

К этим экуменическим общинам принадлежали сначала некоторые католические священники, получившие сан в подполье. Но когда КГБ начал особо усердный поиск, они мягко ушли в тень. За принадлежность к такой общине грозило уголовное дело. Александра, в конце концов, арестовали, он находился в заключении в течение трех лет. Его держали в психиатрической больнице. А известного поэта, который был участником этого движения, выслали за границу.

Однажды Александр рассказал мне о своей жизни. Он был художником, пьяницей и бунтарем. Ему не нравилось то, что делалось в СССР, особенно, в искусстве. У него было много друзей среди диссидентов. Он начал искать идеи, на которых мог бы строить новую жизнь. Так он вышел на баптистов и Библию. Баптисты были весьма активны в Москве и Риге, где он родился, и где жила его мать.

В заключении вера Александра подверглась огромному испытанию. После электрошока и сильнодействующих препаратов, которыми его напичкали психиатры-убийцы (а их следует так называть), медбратья смеялись над ним и говорили: "Ну, проси своего Христа, пусть придет и тебя освободит". Они говорили, что вера - это полная чепуха. "Ты - интеллигентный человек и дал себя одурманить, а что самое тяжелое, затягиваешь в эту дурь молодежь". После

этих тюремных психиатрических "реколлеций" Александр надолго ушел в себя и решился на одинокую жизнь.

Самые сильные и наиболее активные экуменические группы действовали в Киеве, Риге, Таллинне, Ленинграде, Львове, Самарканде и Житомире. В свободное время многие ездили автостопом от Прибалтики до Памира, проповедовали Евангелие, распространяли литературу. Мои добрые отношения с этими группами были одной из причин моего позднейшего ареста.

Пастырство на Украине

В 1973 году меня вызвали в КГБ и спросили:

- Ну ты поп или нет?

Тогда я ответил:

- Да, я священник.

- Кто тебя рукоположил?

- Это тайна, - отвечаю.

Тогда они мне начали угрожать:

- Здесь ты работать не будешь! Если хочешь, уезжай на Украину.

- Зачем я туда поеду? Кто меня примет? Местная власть не даст мне регистрации.

Тогда они перешли на другую тему:

- Но ведь ты учишься. Ты на четвертом курсе института? Что будет с вузом?

Я сказал, что если я не смогу служить священником, то буду работать инженером. А если позволят служить, то я брошу учебу в институте. На этом наш разговор закончился.

В 1973 году я поехал на очередную сессию. Мы жили тогда в войсковых казармах. Солдат не было. Я служил литургию в Ленинской комнате. Я раскладывал чертежи, как будто работаю, клал крест, расставлял сосуды и служил мессу. Вставал я всегда в 5 часов утра. Но однажды я проспал и пошел на риск, начав служить позже. Едва я закончил приготовления, вошли солдаты. Дело раскрылось. Сообщили в деканат о моем поступке. Я понимал, чем это кончится. Я заболел и лег в больницу. Через некоторое время пришло ко мне извещение из деканата, что я исключен из-за того, что не сдал сессию. Я, конечно, мог еще защищаться, но решил не тратить сил напрасно.

Кагебешники решили выдворить меня из Риги. В курии тоже настаивала на том, чтобы я уехал. Священник Ян Пуятс (позже стал епископом), с которым у меня были хорошие отношения, обещал уладить мое дело у епископа Юлиана Вайводса. Епископ отказался дать мне какой-либо документ о священстве. Он понимал, что если он даст какой-либо документ, то получится, что это он меня посвятил или же знает кто это сделал. За это ему грозило отрешение от служения.

В это время в очередной раз с Украины приехала делегация мирян за священником. Это были прихожане из Житомира и Новгорода Волынского. Священник Пуятс сказал им, чтобы они обратились ко мне. Если я соглашусь, то могу ехать на Украину. Верующие пришли ко мне и спросил, согласен ли я ехать для служения в Житомир? Я, конечно, согласился с условием, что епископ Вайводс даст мне хотя бы устное благословение. Измученный владыка Юлиан сказал: "Пусть едет". Делегация вернулась в Житомир и сообщила радостную весть отцу настоятелю. Я на всякий случай потянул с выездом, ожидая реакции КГБ. Наконец пришли ко мне представители властей и сказали, что я могу ехать.

Прибыл в Житомир. Вначале представился отцу настоятелю, а потом пошел в исполком. Там мне было сказано, чтобы я пришел через два часа. Как только я вновь вошел в здание, меня встретил сотрудник госбезопасности и сказал, что его коллега из Риги передает мне привет. Он повел меня в военную прокуратуру. Там он два часа меня мучил, чтобы я подписал бумагу о согласии на сотрудничество с КГБ. Я гордо отказался и сказал ему, что если я могу без всяких условий остаться служить в Житомире, то я останусь, а если нет, то вернусь в Ригу. Тогда он сказал:

- Хорошо, будешь служить.

Итак, я начал официальную священническую деятельность в качестве второго священника в

житомирском приходе. Мои родственники в Мурафе узнали об этом только через 4-5 месяцев. Настоятелем был священник Станислав Щипта. Мои перспективы были таковы: если все будет хорошо, и я буду справляться со своими священническими обязанностями, то смогу стать настоятелем в Новгороде Волынском. А для начала я должен пройти практику викария (помощника). Этого требовали советские власти.

Я почувствовал себя как птица, выпущенная из клетки. Настоятель вскоре поручил мне приготовить проповедь для сорокачасового моления, которую я должен был произнести уже на следующий день. Всю ночь я готовился к проповеди. Когда я поднимался на амвон, колени мои тряслись, и билось сердце. "Боже, помоги мне!" - молился я. Я говорил очень медленно, но люди меня слушали. Хотя настоятель позже сказал, что было очень интересно. Этот страх перед выходом на амвон я испытывал долгое время. Через некоторое время я успокоился.

Великим Постом я начал проповедовать на Пассиях. Уже во время первой проповеди я разволновался. Я начал говорить о бессмертности души. Я цитировал писателей, поэтов и русских мыслителей. Я обращался к мужчинам, чтобы они не продавали Христа за рюмку водки. "Не бичуйте Его, не заставляйте Его плакать кровавыми слезами!" - взывал я. Даже самому стало страшно, когда в Вербное Воскресенье все люди в церкви начали громко плакать. А я и не предполагал, что верующие будут так

реагировать. Мужчины подходили ко мне и виновато говорили:

- Что же, отче, теперь и рюмку в руки взять нельзя?

А я отвечал:

- Что слышали, то слышали.

Я вставал рано, чтобы исповедовать молодежь. Каждая исповедь длилась около двадцати минут. Люди всегда толпились возле исповедальни. За время Великого поста исповедывалось около 2000 человек.

Вскоре власти встревожились. Дело было в том, что люди, которые приходили в музей, заходили также и в костел. А я почти всегда сидел у входа. Когда они появлялись во вратах, я вежливо походил к ним и объяснял устройство храма, рассказывал о содержании икон и фресок. Так или иначе, всегда возникали вопросы о вере. Я говорил о существовании Бога и бессмертии человеческой души. Я собирал молодежь, приучал их ходить к исповеди. Часто задавал каждому вопрос:

- Скажи мне, действительно ли ты веришь в Бога? Не спеши с ответом, но говори только то, что действительно чувствуешь.

Некоторые удивлялись. Я объяснял им, что для меня вера - это живой контакт с Богом, а не стояние на коленках, не простое хождение на мессу. Вера - это, прежде всего, образ жизни. Не может быть так, чтобы мы молились в храме, становились на колени, а в жизни ничего не

менялось. Каждое воскресенье после службы я подолгу сидел в церковном саду, чтобы поговорить с людьми. Особенно много времени я тратил на детей и молодежь. Девушек я посылал в экуменических целях в православную церковь и к баптистам, чтобы потом посмотрели на католичество новыми глазами. Я просил Александра и баптистскую молодежь, чтобы они влияли на молодых католиков в том духе, что Церковь - это не только священники или свечи, но и живое общение с Богом. Я познакомил нашу прихожанку Зосю Беляк с московской молодежью из группы экуменистов, которые стали часто приезжать в Житомир. С Александром я встречался только в конфессионале, чтобы чекисты нас не выследили.

Моя проповедь, контакты с молодежью и экуменизм очень не нравились властям. Меня начали подолгу вызывать в КГБ. Мне говорили, что моя проповедь - это пропаганда, это выступление против власти, это подстрекательство людей к неповиновению. Они приказывали мне объяснить, зачем я так поступаю. Даже после этих наставлений я не прекращал своей деятельности. Чекисты вызывали меня к себе, но я не ходил. Как-то остановили меня на улице и сказали, что если не приду, то приедет за мной "черный ворон". В конце концов, пошел к ним, но с тем "товарищем", который меня вызывал, не стал говорить. Тогда пришел старший. Из этого разговора тоже ничего не вышло. Угрожал, что тюрьмы мне не избежать, если не буду с ними сотрудничать. "Уже сегодня, - говорил "старший", - у меня на тебя столько

материала, что могу сразу тебя выслать к "белым медведям". То, что ты молишься в костеле, - это твое дело, но и с нами нужно дружить." Я говорил с ним с двух часов дня до семи вечера. Расстались мы рассерженными. Он велел мне прийти на следующий день. Он хотел, чтобы мы с ним поехали в "одно место". Он говорил: "Поговорим, выпьем, в шахматы поиграем, отдохнем". "Приеду ли я оттуда живым?" - спросил я. Идя на каждую встречу с ними, я просил Господа Бога лучше умереть, чем предать. Не хотел быть предателем. "Предпочитаю смерть", - говорил я Господу Богу. На встречу в "одном месте" я не пошел. Вместо этого я написал письмо, что больше ни на какую встречу не приду.

"Я убежден, - писал я, - что вы все равно запретите мне спокойно служить, поэтому жалко время на пустые разговоры. Если, однако, будете и дальше меня вызывать, то приду в сопровождении нескольких мужиков. Я на все готов. Что хотите со мной делайте, но дружить с вами не буду. Можете выгнать меня из Житомира."

После этого письма я служил в Житомире еще полтора месяца. Ровно через год после моего приезда, 20 января 1974 года вызвали меня и приходской совет, т.н. двадцатку, в исполком и сообщили, что отныне я не могу служить как священник. За многочисленные нарушения я снят с регистрации.

Мессу стал служить у себя дома, а в церковь ходить и петь с людьми в хоре. Поступил на работу сторожем.

Приходила ко мне молодежь. Я устроил для них даже реколлеции. Ясно, что это не понравилось властям, поэтому они вызвали священника Владусевича из села Полонова Хмельницкой области. Ему сказали, что я собираю молодежь по домам как Александр, которым интересуется КГБ в Киеве. Угрожали, что, если это не прекратится, то все это плохо кончится. Просили священника Владусевича предупредить. "Лучше всего будет, - говорили они, - если он вообще уедет из Житомира, или пусть хоть успокоится, а то иначе дойдет до суда." К этому они добавили, что священник Щипта совершил ошибку, взяв меня викарием, потому что у меня нет документов, свидетельствующих о том, что епископ действительно рукоположил меня в священники. Они распространяли среди людей слухи, что я вообще не священник. То же самое говорили и настоятелю Щипте. Когда верующие узнали, что я собираюсь уехать из Житомира, то начали ходить к властям и просить об отмене этого распоряжения. Власти побеседовали с отцом Щиптой, после чего он сказал в костеле с амвона, что я уезжаю из Житомира только за документами о рукоположении, чтобы люди перестали по этому делу спорить. Но прихожане поняли это неправильно. Некоторые стали говорить, что я не священник. В тот момент меня не было на приходе. Я выехал в небольшую миссионерскую поездку. Когда я вернулся, люди пришли с плачем, что настоятель меня оговорил, сказав, что я не священник, что у меня нет священнических документов. Я им сказал, что этого не

могло быть, но они твердили, что настоятель настроил всех против меня.

Я понимал, что это было инспирировано уполномоченным и чекистами, который хотели меня поссорить с настоятелем, разделить людей между собой. Им это удалось. Некоторые из прихожан начали обращаться ко мне на "Вы", не употребляя слова "отец", даже те, кто ходил ко мне на исповедь. Разделился приходской совет, одни были за меня, другие против. Бучинский, председатель приходского совета назвал меня мошенником. Во время встречи с ним и приходским советом, я спросил его, что он имеет против меня? Если я его обманул, сказал неправду, то я готов просить на коленях прощения. И даже поклонился ему. Тогда он грубо меня толкнул, и сказал, что я не священник, несмотря на то, что люди мне исповедуются. Прихожане закричали на него, все заорали, началась паника. Возбуждение было так велико, что я едва уговорил их успокоиться. Весь приход наполнился слухами и пересудами.

Это был огромный успех КГБ. В это время из Мурафы приехал благочинный отец Хомицкий, обеспокоенный бурными событиями в житомирском приходе. Он долго думал и посоветовал мне уехать на другое место. Вот так драматично закончилась пастырская деятельность на первом моем приходе. Печально, что все так произошло, но Дух Святой уготовал мне другое место служения и, я верю, Пречистая Дева молилась за меня.

С любовью я вспоминаю отцов Мартына Высокинского, Дажичского, Хомыцкого, Бронислава Бернадского, Франциска Карасевича, Владислава Завальнюка, Яна Крапака, много потрудившихся во славу католической церкви в Украине.

Ксендз Крапак воспитал в Киеве, откуда его неоднократно пытались выслать местные власти, многих министрантов и семерых органистов.

Отца Владислава Завальнюка послали в Кишинев сразу после рукоположения, когда ему было 25 лет. Он постоянно ходил в сутане, что раздражало уполномоченного. Завальнюк создал молодежную общину, ездил по деревням и совершал богослужения для католиков, пытаясь создавать приходы. Один из храмов, который был им построен без разрешения исполком власти разрушили военными тягачами прямо у него на глазах. Потом два дня солдаты разбирали и увозили строительный мусор, не оставив камня на камне.

Чтобы избавиться от этого беспокойного священника, его решили призвать в армию, а он явился на сборный пункт в сутане. Когда он встал в строй, то началось народное возмущение: "Попа в армию берут!". Приехавший за призывниками майор даже поругался с начальником военкомата в Кишиневе. Когда все же его посадили в машину вместе с другими, то верующие перегородили путь и отбили своего священника, вынеся его на руках.

В Латвии он возрождал закрытые властями приходы. За ним охотились, пытались запугать и избить. Однажды он пошел в поликлинику и не вернулся. Его насильно госпитализировали и увезли на “Скорой” в психбольницу на принудительное лечение. Слезы его матери разжалобили главного врача, и он ослабил режим, благодаря чему Завальнюк бежал в женской одежде тоже на “Скорой”. Главного врача за это выгнали с работы. Позже он служил в Белоруссии и буквально вырвал у властей Красный костел в центре Минска, который ныне является кафедральным собором. Его пример воздвиг из основанных им приходов несколько священнических призваний.

Еще до отъезда я познакомился с отцом Иосифом Кучинским, который дал мне адреса в Средней Азии, где он когда-то служил. Ко мне приехал подпольный семинарист Антон Гей из Казахстана. Он сказал, что может поехать со мной, ибо хорошо знает районы, где живут католики. В ноябре 1976 года я выехал в теплые края.

Таджикистан, семидесятые годы

Мы приехали в поселок Таянгу. Антон привел меня к своей тетке и представил как священника. Она в течение целого часа спрашивала меня о разных ксендзах, желая убедиться, действительно ли я тот, за которого себя выдаю, а не какой-нибудь засланный агент КГБ. В конце концов, мы пошли туда, где молятся. Я увидел там священника Кашубу.

Как раз в это время местный приход получил регистрацию. Он мне сказал, чтобы я не задерживался и ехал дальше. Если власти узнают, что тут есть какой-то тайный священник, то могут лишитъ приход регистрации. Я поехал в Караганду, Алма-Ату и Фрунзе. Во всех этих землях проживали немцы, высланные из Поволжья. Во Фрунзе я был на службе, но к священнику решил не подходить, чтобы осведомители меня не заметили. Когда люди ушли, священник сам подошел ко мне. Так я познакомился с прелатом Михаилом Келлером, последним священником Тираспольской (Саратовской) римско-католической епархии. От него я узнал о священниках, которые официально и подпольно служили в огромном азиатском регионе Союза: Александре Бене из Кустаная, Кошубе из Кокчетава, Василии Рудке, редемптористе восточного обряда, из Прокопьевска что в Кузбассе и других. Позже, я со всеми познакомился.

Отец Михаил радушно принял меня, сам меня подстриг, сказав, что священник на приходе должен выглядеть аккуратно. Он чувствовал свою ответственность за все католические приходы и духовенство в Средней Азии и требовал от священнослужителей послушания. Отец Келлер отличался повышенным чувством гражданственности и ежемесячно платил 25 % приходских пожертвований в Фонд мира, что составляло около 300 рублей. В его сакристии на видном месте висели 2 похвальные грамоты за активное участие в миротворческой деятельности. Ни я, ни другие священники таких наград не

удостоились, ибо жертвовали в данный фонд всего 100 рублей ежегодно.

Отец Михаил в силу своего возраста и традиционного воспитания органически не понимал литургических новаций Второго ватиканского собора. Он служил по старому: лицом к алтарю и спиной к народу. В его присутствии я служил так же. Когда он позже приезжал в гости на мой приход, то я, чтобы сделать ему приятное, служил Тридентскую мессу, от чего отец Михаил приходил в духовный восторг. Его приезд на приход в Душанбе в 1978 году был тщательно подготовлен в духе дособорных уставов, и прошел на уровне канонической визитации, чем отец Михаил остался очень доволен. В другое время я совершал службы по новому уставу.

Его увлечением было составление досье на священников для личного архива. На каждого он заводил дело, которое за многие годы превращалось в пухлую книгу. Он мечтал послать в Ватикан характеристику на каждого известного ему священника, но, к сожалению, не успел. Он писал духовенству длиннющие назидательные послания. Кроме того, он направлял такие подметные письма мирянам в другие приходы. В отсутствие священника избранные прихожане должны были зачитывать послания отца Михаила вслух всему приходу. Он письменно опрашивал прихожан о нравственном облике и богослужебных обычаях того или иного настоятеля. Я узнал об этом только потому, что одна прихожанка, получившая

подобное письмо с запросом на меня, решила показать его мне.

После кончины Келлера в 1983 году отец Александр Бень много потрудился, сжигая труды старца, опасаясь, что они попадут в чужие руки. В не попавших в Ватикан характеристиках многих священников присутствовала пометка "горделивый".

Во время нашей первой встречи отец Келлер дал мне адрес верующих в Душанбе. Когда я туда приехал, люди приняли меня как родного. Я несколько раз ходил на кладбище, где немцы собирались на молитву. Через две недели я сказал им, что я - священник. Мессу служил ежедневно частным образом на квартире. В определенный момент люди сообщили властям, что у них есть священник, и власти позволили мне «духовно удовлетворять верующих». Дали регистрацию на 10 дней, потом на месяц и далее. Мы сразу купили дом недалеко от аэропорта.

Бывая в гостях у прихожан, я всегда видел домашние алтари в старом стиле с распятием и подсвечниками. Многие люди священника видели в первый раз, но заботливо сохраняли римскую традицию.

На мессу приходили только старые люди и немного детей. Молодежи не было. Поэтому я начал молиться о призвании молодежи. Я просил, чтобы хотя бы один молодой человек появился на литургии. Через три месяца было уже около пятнадцати парней и девчат. Я начал их собирать и катехизировать. Все это наше товарищество я

разделил на две группы: немецкую и русскоязычную. В эти группы я посылал новичков. В течении года мы изучали Священное Писание. Я пояснял, как появились Священные Книги, а также комментировал различные фрагменты как Ветхого, так и Нового Завета. Я хотел, чтобы мои молодые католики увидели, как на практике выглядит активное христианство. Итак, в течении целого года эта группа выросла в триста молодых людей. Они не были замкнуты, но приводили в свою среду всех желающих. Это было Душанбе. Позднее возникло еще несколько других групп. Каждая насчитывала по десять человек.

Уполномоченный по делам религии не позволял мне выезжать за пределы Душанбе. Я знал, что много католиков живет в окрестности. Однажды мне пришло в голову сказать в исполкоме, что туда приезжают униатские священники и священник из Литвы, которые ночами крестят, венчают и исповедуют (мой вымысел). "Хорошо ли это для нашей родной советской власти? Я думаю, - говорил я лицемерно (Бог простит), - что лучше для вас, если позволите мне действовать легально. Вы тогда будете знать, что делается на данной территории в религиозной сфере. Что для вас лучше? Явная или "подпольная" деятельность? Если позволите, то я буду туда сам ездить," - предлагал я. Уполномоченный не согласился. Тогда я позвонил в КГБ и предложил им это дело. После часового разговора они ответили мне: "Хорошо. Езжайте. Но Вы должны нас информировать о своей деятельности, а также о том, что думают люди." Я сказал: "Хорошо. Но я буду это

делать потом, вначале я должен познакомиться с людьми и выяснить обстановку."

Однажды, после Мессы я попросил выйти к алтарю молодых людей, желающих углубить и распространять свою веру. Их оказалось 24. Я разбил их на русскую и немецкую группу. Каждое воскресенье мы читали и обсуждали Священное Писание. Через год был письменный экзамен. Потом я поручил им создать т.н. "домашние церкви" – т.е. группы, которые бы собирались по домам для совместных молитв в отдаленных населенных пунктах. В такую группу приглашались не только практикующие верующие, но и их знакомые по работе или учебы и соседи. В 1978 году таких групп было 6. Они читали и обсуждали Евангелие, применительно к повседневной жизни, потом молились сокращенный Розарий (размышление над тайной, 1 "Отче наш", 1 "Радуйся, Мария"). Заканчивалось личной молитвой присутствующих.

Позже, начал ездить с молодежью из Душанбе, которую посылал по деревням, чтобы собирали местную молодежь. Они катехизировали как умели. Если они чего-то не понимали или говорили не так, как надо, то я ехал туда, поправлял их и пояснял. Молодые подготавливали и играли спектакли о Страстях Христовых. Эту прекрасную мистерию мы ставили также и в костеле в Душанбе. Мы закрывали церковь и ставили охрану, чтобы кто-нибудь не донес в КГБ о нашем представлении.

На венчании присутствовала вся молодежь прихода. Условием венчание был отказ от водки на свадебном пиру. Разрешалось лишь шампанское. Случаев, чтобы девушка, ходившая в храм, рожала вне брака, я не припоминаю.

Я долго под разными предлогами откладывал встречу с сотрудниками КГБ. Я говорил, что еще не познакомился достаточно с людьми, что еще не вошел к ним в доверие. Они не давили особенно сильно. Им было важно знать об эмиграционных настроениях в немецкой среде. Немцы активно требовали права уехать в Германию. В каждый приход я ездил примерно раз в месяц. В течении воскресенья я обслуживал три прихода, разбросанные по всему Таджикистану. Приход, расположенный на границе с Афганистаном находился на расстоянии 180 километров от Душанбе. Остальные приходы - на расстоянии примерно 140 км. Когда я ехал в приграничный приход, я должен был иметь пропуск, но часто ездил без пропуска окольными дорогами.

В это время я организовал на приходах не только молодежь, но также и людей постарше. Они занимались строительством церквей. Они построили церковь в Душанбе, а позднее, еще две других. Мы планировали и дальше строить церкви, но не вышло.

Задолго до знаменитой антиалкогольной кампании 1985 года я начал решительную борьбу с пьянством. Запретил питье водки на поминках. Не ходил на те похороны, где люди умирали без исповеди по вине

родственников. Я требовал, чтобы семья умершего приходила ко мне на исповедь, чтобы иметь христианские похороны для усопшего. Вначале люди бунтовали, но я их быстро убедил, что если кто-то серьезно заболел, то очень легко позвать священника, попросить его совершить необходимые таинства. В течение двух лет боролся, чтобы миряне сами не исповедовали, не крестили детей и не совершали сами над собой венчания. И добился. Нужно сказать, что очень большую роль тут играли пять молодежных групп и одна группа "терциариев". Это было нечто подобное современным католическим движениям. Юношей я принуждал к составлению катехетических наставлений, которые они потом произносили после Мессы. Привлекались также женщины. Это было нашим апостолатом мирян. Я просил молодежь и взрослых, чтобы перестали курить. Прошло четыре года, и я сказал, что уже не буду принимать к исповеди того, кто за 30 дней не бросит курение. Из двухсот курильщиков осталось пятнадцать. Бросившие до сих пор меня благодарят, что я их отучил от пагубной привычки. Свои требования я выводил из заповеди "Не убий!" Я убеждал их, что вред здоровью является формой самоубийства. А Церковь - это министерство здравоохранения. Были и такие, кто 50 лет курил и перестал. За мой радикализм люди меня критиковали, но я не отступал. Священное Писание я призывал читать в каждом доме. Торжественные миропомазания были праздником для всех. К миропомазанию все должны были знать наизусть 13 главу

из Первого послания апостола Павла Коринфянам, знать число всех книг Ветхого и Нового Завета. Они должны были знать все догматы и католические праздники.

Я пригласил в Среднюю Азию знакомых монахинь. Мы построили им монастырь и часовню. Я мечтал о том, чтобы у нас были священнические и монашеские призвания. Несколько девушек поступило в женский монашеский орден Святой Евхаристии и в другие ордена. Своих семинаристов я не воспитал, но опекал кандидатов в священники из Украины, которые учились в семинарии в Риге, чтобы позже приехать на служение в Таджикистан.

Как-то раз наши верующие стали жаловаться, что после воскресной Мессы к ним подходят приветливые люди и предлагают побеседовать о вере. Они усаживаются на скамейки, достают Библии и начинают рассказ о настоящем имени Бога. В следующее воскресенье из окна церкви я сам увидел, что они сидели на скамейках и ждали наших. Я вышел в штатском и подсел к ним. Одна женщина, не зная, что я священник заговорила со мной, достала Библию. Я посмотрел на часы и засек время. Она вдохновенно говорила о том, что настоящее имя Бога - "Иегова", что грядет Армагеддон и о том, что спасутся только 144 тысячи человек. Она проговорила часа 4 и обещала прийти на следующий день. В разговоре она сказала, что по профессии - врач, хотя, судя по уровню культуры, была скорее медсестрой. На следующий день, как только она пришла на встречу, я представился:

-Не успел Вам сказать вчера, что я - католический священник. Сегодня мне хотелось бы познакомить Вас с истинами нашего вероучения.

-Простите, я ошиблась и мне нужно идти.

-Но я вас слушал вчера целых 4 часа, теперь Ваша очередь слушать.

И я начал ей преподавать катехизис. Она некоторое время меня слушала, потом после двух часов моей проповеди стала вырываться, но я ее не пускал, требуя, чтобы она предъявила мне диплом о высшем медицинском образовании. Я пообещал, что найду ее. В следующие дни я обошел весь город. Когда ее нашел, то опять начал требовать, чтобы она показала диплом. Она стала кричать прохожим, что я к ней пристаю. Я шел за ней по пятам. На следующий день возле дома ко мне подошли ее братья по вере и попросили, чтобы я оставил ее в покое, пообещав, в свою очередь, что они больше никогда не будут проповедовать в районе католического храма. Так я охранил вверенное мне духовное стадо.

На приходе я вел книги со списками верующих, которые хранились в глубоком секрете.

Кураторы из КГБ стали вызывать меня чуть не каждую неделю. Они говорили мне: "Ты же не баптист, зачем так мучишь людей?" Действительно, я ставил перед людьми большие требования, но я хотел, чтобы при недостатке священников сами люди могли себе помочь в духовной

жизни. После каждой литургии оставался в храме и долго беседовал с людьми на религиозные темы. "Спрашивайте меня, - просил я, - а я буду отвечать. Если вопросов не будет, тогда вопросы буду задавать я". Я говорил им также то, что говорил Христос: "Будьте холодными или горячими". Часто я отталкивался от текста Священного Писания, который говорит, что если не возродитесь от Святого Духа, то не будете спасены.

Мы постились и молились, за тех, кто хотел бросить курить. Я даже говорил, что буду поститься до тех пор, пока все не бросят курить. "Я боюсь, - говорили женщины своим мужьям и сыновьям, - что священник упадет в голодный обморок при алтаре, поэтому бросайте курить". И так каждый месяц, в течение, наверное, полугода я ничего не ел по десять дней.

Когда приближался Новый год, я их очень просил, чтобы все пришли вначале на Мессу а уж потом к праздничному столу. К сожалению, многие из моих овец не хотели начинать Новый год с Богом. Поэтому после мессы я так молился с амвона: "Господи Боже, когда наступит Новый год, пошли мне в этот день какую-нибудь болезнь, чтобы я не мог с кровати встать и служить в этот день литургию. Я не хочу видеть пустую церковь, не хочу видеть, как люди не уважают Тебя." После моих слов в церкви начали плакать и охать.

- Отче, не говорите так, - просили люди прощение за непосещение служб на Новый год, - мы исправимся.

Когда я начинал великопостные реколлекции, то, прежде всего, я просил у людей прощение за свои недостатки. Я чувствовал себя ответственным за грехи прихожан, я говорил им, что это моя вина, если человек не начинает жить лучше. Присутствующие на мессе начинали волноваться и говорили:

- Отче, не унижайте Вы так себя перед нами, это мы виноваты.

Сотрудников КГБ все это очень нервировало. Они сказали мне, что не позволяют мне начинать строительство церквей. "Мы знаем, - говорили они, - что Вы ночами собираете молодежь. Мы не мешаем Вам." "Но ведь я всегда информирую вас куда и откуда еду, - отвечал я, - но вижу, что вы знаете больше меня. Вы приписываете мне больше, чем я сделал". Они упрекнули меня, что я не придерживаюсь данного им слова, что о многом умалчиваю. Они начали давить на меня и угрожать заключением, так же, как это было в Житомире. Становилось горячо.

Тогда я поехал к прелату Михаилу Келлеру, чтобы попроситься к нему в сотрудники. Я рассказал ему, что не вижу дальнейшей возможности работы в Душанбе и хочу уехать с этого прихода. Прелат согласился со мной и посоветовал уехать в Сибирь. "Большому кораблю – большое плавание" сказал мне наш добрый старец.

В Сибири было много селений, где жили католики, лишенные всякой пастырской опеки. "Наверное, там

можно будет создать не один, а несколько приходов", - сказал он. По возвращении в Душанбе, я сказал людям, что уезжаю. Был плач и стенание. Но к счастью вскоре там появился молодой священник, который принял приход и продолжил пастырскую работу с людьми. Я мог с чистой совестью оставить приход, в котором проработал пять лет. Через год в Душанбе объявилось несколько священников-подпольщиков, среди которых был отец Ян Ленга, нынешний Апостольский администратор Средней Азии.

Собратья-священники

Из всех священников, с которыми меня свела судьба в Средней Азии, вспоминаются отец Альбинас Домбляускас из Караганды и отец Георгий Потерейко из Алма-Аты.

Каунасский иезуит Альбинас приехал в Кустанай во второй половине 60-х годов по просьбе верующих. Официально удалось прослужить только три месяца, потом власти сняли его с регистрации. Домой он не поехал и устроился водителем на "Скорую помощь", совершая богослужения тайно. Вблизи импровизированного храма он купил жилой дом для устройства там женского монастыря. Так как подпольные монашеские общины не могли выехать в полном составе в Среднюю Азию, Альбинас уговорил нескольких монахинь написать заявления о выходе из ордена и приехать к нему. Всего набралось 16 сестер. Они приехали в Кустанай, где он составил для них собственный

устав, который оговаривал возможность в дальнейшем присоединиться к любому существующему женскому монашескому ордену. В общине, которая формально возглавлялась старшей сестрой, сам Альбинас играл роль духовника, которому сестры должны были беспрекословно подчиняться.

Так на улице Карла Маркса, 44 в Кустанае возник уставной женский монастырь без отрыва от производства, ибо все сестры кроме монашеского послушания работали в организациях и предприятиях, как обычные советские люди.

Сестры уезжали в миссионерские поездки с соблюдением всех правил конспирации: отправлявшаяся на вокзал была без вещей. Их несла вторая сестра окольными путями, которую через некоторое время сменяли другие. Сестры пытались обмануть бдительность КГБ. Так передвигался и сам Альбинас, который, работая по принципу: сутки на работе, трое дома; колесил по средней Азии и Сибири.

Власти вновь дали ему регистрацию в 78-м году и предложили возглавить недавно образовавшийся приход в Караганде. Альбинас переехал в этот крупный город со своими монахинями. Когда к этой общине присоединилось несколько местных призываний, он решил придать ей каноническую форму, для чего выписал из Вильнюса несколько сестер Конгрегации Святой Евхаристии во главе со старшей, которая объединила всех сестер в Караганде.

Вскоре у Альбинаса начались недоразумения с настоятельницей, которая, естественно стала требовать от сестер послушания себе. Альбинас же привык посылать сестер в миссионерские поездки по своему усмотрению.

Альбинас обиделся и даже решил создать новую, “послушную”, общину, но безрезультатно. Он порицал “неслушниц” с амвона и даже возглашал, что не начнет Мессы, пока “не повинующиеся законным церковным властям” не выйдут из храма. Советы других священников оставить сестер в покое не возымели действия, и карающая рука о. Альбинаса преподавала “неслушницам” Тело Христово под видом четверти Гостии (очевидно, пропорционально их вкладу в дело), в то время как миряне причащались под видом целой. Жалобы священноначалию не помогали. Мне казалось, что бедные сестры боялись его больше, чем чекистов. Когда я приезжал к ним в гости, они вели меня к себе тайными путями, чтобы не заметил “игумен”.

Успел ли он помириться с ними перед своей кончиной?

Торжественные богослужения, которые возглавлял Альбинас поражали своим благолепием. Каждое воскресенье на фоне обильного стечения молящихся при алтаре прислуживало до 70-ти министрантов и предстояли многие десятки девушек в белых платьях. Мессу сопровождал оркестр и многоголосный смешанный хор. Это очень утешало верующих, пробуждало в них чувство достоинства и уважения после многих лет преследований и

унижений. Благодаря ему и епископу Александру Хире этот приход стал духовным сердцем католичества в Средней Азии, не перечесть священнических и монашеских призваний оттуда. Сейчас многие верующие католики уехали из Караганды в Германию, и богослужения стали намного скромнее.

С иеромонахом редемптористом восточного обряда Георгием Потерейко я познакомился в 1978 году в Алма-Ате, где он жил в небольшом доме на окраине, служившим также и часовней. Одет он был очень скромно, хотя все равно можно было отметить, что “по одежке” он скорее был жителем Львова, чем Алма-Аты. В его комнате висела икона “Сердца Иисуса и Марии” и портрет Тараса Шевченко. Окружающие звали его Юрием Степановичем, а немцы “Pater Jorig”.

В богослужебном отношении отец Георгий слушался нашего старца Келлера. Его часовня выглядела точной копией церкви во Фрунзе. В его руках постоянно были четки, которые он перебирал. Его все время видели молящимся. Когда я приезжал к нему в гости, то всегда сначала была исповедь, потом краткий молебен и лишь потом мы садились за разговоры.

Был в наших отношениях такой случай: во время очередного приезда к нему, я увидел, что он повесил рядом с алтарем около иконы Иисуса Христа портрет папы Иоанна Павла II, которого тогда только что избрали. Я подошел и публично снял этот портрет и перевесил в коридор, сказав

при этом: “Когда этого папу провозгласят святым, тогда и повесим около алтаря”. Сейчас я думаю, что если бы так сделал кто-нибудь у меня, я бы не стерпел. Но отец Георгий не сказал мне ничего, смирясь с происшедшим. Из его прихода численностью около 600 человек 6 девушек пришли в монашество, из моего душанбинского прихода в 1200 человек – всего трое.

В конце 70-х его вызвали в КГБ и предложили для спокойной жизни подписать небольшую записку с согласием сотрудничать. В следующее воскресенье после Литургии он вышел к прихожанам и прочитал заявление следующего содержания: “Я, священник Католической церкви Георгий Потерейко, на основе церковных законов не имею права вступать, сотрудничать с тайной организацией, где бы она не находилась, и какие бы цели не преследовала. Поэтому я честно и открыто заявляю перед всеми вами, что не могу и не хочу служить двум господам”. Я сам держал в руках эту бумагу и удивлялся его смелости.

Последний раз мы виделись в апреле 1992 года в львовском монастыре Отцов редемптористов. Он совершал отпуст Литургии, выйдя из Царских врат. Он немного замешкался, думая где сказать отпуст: с амвона или от врат (за долгие годы подполья он отвык служить византийскую литургию в нормальном восточном храме с иконостасом). Увидев меня, он очень обрадовался и пригласил меня на трапезу, за которой мне прислуживал как гостю. Отпросившись у игумена, он пошел меня провожать. По

дороге он увлеченно рассказывал о достопримечательностях Львова, утешаясь, что дождался легализации Греко-католической церкви и вернулся в родной город. Мне почему-то вспомнилось, как в 80-м году он повез меня посмотреть на высокогорный каток Медео в Алма-Ате. С каким-то детским задором он тащил меня за руку на высоченную противоселевую дамбу, чтобы я мог полюбоваться величественным видом оттуда.

Можно было упомянуть об о. Томасе из Актюбинска, неутомимом прирожденном архитекторе и храмостроителе. Во время нахождения в ссылке, по его проекту было построено два моста. Потом он строил и реставрировал церкви и часовни в Латвии. Только приехав в Актюбинск, он сразу же принялся за строительство храма. Он спал обычно не более 4-х часов, никогда не бывал в отпуске. Не ездил даже в гости к друзьям-священникам, постоянно пребывая на приходе, занимаясь с молодежью.

Неутомим тружеником в винограднике Господнем был греко-католический священник о. Христофор. Его знали католики всех национальностей на Алтае и в Средней Азии. При 40 градусов мороза он ездил в кузовах грузовиков, чтобы успевать во время на службы. Когда его парализовало, он рассылал свои письма верующим.

Все они, колесившие от Калининграда до Владивостока, забывали о самом необходимом для себя, о сне, о вкусной и здоровой пище, об отдыхе, мягкой и

теплой постели, а словно замороженные собирали овец Христовых в Царство Небесное.

Сейчас многие уже упокоились в Господе. Свет Вечный да светит им!

Уполномоченные

Хочу вспомнить о тех, с кем долгие годы всегда был рядом: об уполномоченных по делам религии. Это, как правило, бывшие сотрудники КГБ. Первым, с кем мне пришлось встретиться, был товарищ Геращенко из Житомира. Геращенко работал в паре со своим помощником Топольницким. Последний совсем ничего не знал о религии и часто говорил совсем нелепые вещи. Иногда на проповедях я цитировал советских поэтов и писателей. От меня уполномоченный требовал объяснения, и Топольницкий, желая блеснуть своим интеллектом говорил:

- Вы что, хотите подлатать нашими ошибками религиозные догмы? Пропагандисты жалуются на вас.

И тут же Геращенко поправил его:

- Да-да, приходят к нам верующие и говорят: "Кого вы нам дали? Он же ведь комсомолец, он не Библию цитирует, а неизвестно что". Видите, Свидницкий, в каком мы положении оказываемся перед вашими прихожанами. Чтобы им доходчиво объяснить, в чем дело, мы и требуем ваших объяснений.

Геращенко "посоветовал" мне поехать в Киев или Москву к заместителю председателя совета по делам религий. Киевский чиновник сказал мне: "Вы много призывников благословили идти в армию! Уезжайте на два года с Украины. Мы вас все равно не восстановим". Он разговаривал очень пренебрежительно. Я поехал дальше. В Москве я записался на прием в Совет по делам религии. Заместитель Куроедова взял с собой стенографиста, и тот записывал все, что я говорю.

"Надо уметь жить с советской властью, а не подражать литовским экстремистам," – посоветовал мне высокопоставленный чиновник и закончил беседу.

С уполномоченными Самокрутовым и Шариповым из Душанбе я познакомился ближе, когда они вызвали меня в начале июня 1981 года. Тогда из городка Курган-Тюбе выгнали священника Яна Ленгу. Они мне сказали: "В воскресенье езжайте в Курган к верующим и удовлетворите их духовные потребности". В следующий вторник мне позвонил Самокрутов: "Завтра к 10 часам придите ко мне. Пропуск я на Вас закажу". В среду Самокрутов спросил:

- Вы были в воскресенье в Кургане?"

- Да, был.

- А кто Вам разрешил?

- Александр Иванович, вы же сами с Шариповым велели мне ехать, - ответил я.

И тут Самокрутов сказал:

- Я не разрешал, а сказал только, что нужен священник в Курган.

Когда приехал священник Ян Белецкий, то ему дали всего месяц пожить спокойно, а потом начали бесконечную неразбериху. Курганский уполномоченный посылал его в Душанбе, а душанбинский в Курган-Тюбе. По телефону звонили и ультимативно требовали, чтобы через два часа Белецкий уехал "по-хорошему". Белецкий уезжал в Душанбе и там жил у меня. Люди шли к уполномоченному при Совете Министров Таджикистана, тот звонил: "Белецкий, поезжайте и служите в Кургане." На следующий день от Белецкого опять требовали быть в Душанбе. В течении 10 дней уполномоченные 4 раза выгоняли и возвращали Белецкого. Последний раз Самокрутов приехал в душанбинскую церковь с курганскими верующими и сказал Белецкому при мне: "Никого не слушай по телефону, я сам буду в Кургане в 7 часов вечера." В это время к церкви пришло много людей.

Самокрутов приехал и обратился к людям: "В Библии написано, что в последние дни будет много лжепророков, вот один из них" - указал на Белецкого. Поднялся шум, и поняв, что ситуация может осложниться, Самокрутов направились к воротам, но здесь стоял заслон из сильных мужиков, требовавших ответа, почему уполномоченный оскорбил чувства верующих. Дети показывали на Самокрутова указательным пальцем и говорили «дурак». Уполномоченный, видя возмущенную толпу, обещал, что их

никто больше тревожить не будет, только пусть выпустят его.

20 января 1982 года я уехал из Душанбе насовсем. Перед отъездом был у уполномоченного, просил, чтобы он не приходил после моего отъезда в приход и не возбуждал верующих. Самокрутов дал "честное партийное", что не пойдет. Это слышал наш бухгалтер Карл. Двадцать шестого января Самокрутов пришел в приход, после службы собрал во дворе людей и объявил, что я украл из церковной кассы 3000 рублей и убежал. Поднялись крики, требовали объяснить им, о каких деньгах идет речь. Уполномоченный был не один, с ним была первый секретарь райкома узбечка по фамилии Бахрама. Устроив шум, он быстро ушел. Я думал, может быть, в Новосибирске уполномоченный попадется нормальный?

Там сидел длинный, сутуловатый 75-летний старик с седыми волосами. Запомнилась его лицемерная улыбка. Когда верующие получили разрешение на капитальный ремонт молитвенного дома, Николаев (так была фамилия уполномоченного) попросил у Лидии Ярыгиной архитектурный проект нового дома на три дня, якобы для того чтобы с ним детально ознакомиться. Это "ознакомление" продлилось три месяца и закончилось тем, что он "отдал проект в Москву". Так началось наше новое хождение по кабинетам, длившееся 9 месяцев. Однажды в сентябре 1983 года Николаев попросил меня изложить свои соображения относительно атеистической пропаганды, работе уполномоченных, об отношении властей к религии и

настроении верующих. Он просил меня зайти через три дня, чтобы мы вместе могли все обсудить. "Но будьте пожалуйста, откровеннее в своих записках." Я изложил свое мнение на семи машинописных листах. Там я писал, что ущемление прав верующих вызывает у них недоверие к советской власти, враждебность, что если немцам и впредь будут запрещать учиться в семинарии в Риге, то возникнут подпольные семинарии. Я также написал о недовольстве верующих тем, что разрешение на ремонт все время задерживается. Я предложил отдать православным пустующую церковь, чтобы не было давки в действующем соборе Святого Александра Невского. Я напомнил и о том, что закрытые церкви по всей территории СССР - это унижение, но не религии, а самих атеистов.

По словам Николаева, он должен был ознакомить с моим мнением Совет по делам религий, но обещанного обсуждения так и не состоялось, а мои записки послужили материалом для уголовного дела. 24 декабря 1983 года я просил верующих неукоснительно посещать богослужение в воскресные и праздничные дни. Уполномоченный же донес, что я призываю к нарушению трудового законодательства. Он также утверждал, что я не явился по вызову в райисполком. В областной газете для осужденных "Трудовые будни" в январе 1986 года о нем писали как об активном председателе городского совета ветеранов.

Новосибирск, начало восьмидесятых

Ища католические общины, я оказался в Новосибирске - городе ученых, как мне говорили. Вначале собралось только десять католиков. Я сказал им, что если их будет больше, то буду к ним приезжать, и даже поселюсь в Новосибирске. Затем я поехал в Омск, Томск и Челябинск. В каждом из этих городов я пытался организовать маленькие приходы. Я искал таких людей, которые могли бы заняться регистрацией и построить хотя бы маленькие церквушки.

В течение полугода я объездил главные города Поволжья, Кавказа, Урала, Сибири, Казахстана, Красноярского края до Байкала включительно. За семь месяцев я побывал в 93 населенных пунктах. Когда я вернулся на приход в Новосибирск, то имел за плечами 78 тысяч километров. Чуть ли не два раза я объехал земной шар вокруг. Я летал самолетами, ездил поездами. Поездами для того, чтобы чекистам было труднее следить за мной. При покупке билетов на самолет нужно было указывать личные сведения, что упрощало определение моего местонахождения. В конце концов, сотрудники КГБ все же напали на мой след, и я получил вызов в душанбинское управление. Они спросили, что я делаю и где нахожусь. Я ответил, что в Новосибирске, где создал приход. Они вздохнули с облегчением.

Часто я сам не знал куда полечу. Приезжал в аэропорт и спрашивал билеты на Москву или Ленинград.

-На Москву и Ленинград мест нет – отвечали мне

-А куда есть?

-Есть в Хабаровск.

-Тогда давайте в Хабаровск.

Приезжал в Хабаровск, доставал записную книжку, искал знакомых, навещал их. Потом опять покупал билет туда, куда были места.

В 1982 году по рекомендации отца Франциска Рачунаса я поехал в литовский город Тяльшай к Апостольскому администратору Вайчусу. Я рассказал ему о своих проблемах. Он на прощанье дал 14 тысяч рублей, на которые я купил в Челябинске дом для богослужений по улице Доменной.

Епископы Антон Вайчус и Сладкявичус были удивительной простоты, гостеприимства, непосредственности и открытости пастыри; встреча с ними надолго оставляла радостное впечатление.

После всех вояжей я вновь поехал в Душанбе. Туда на постоянное место жительства приехал священник из Литвы. В одно из воскресений я торжественно передал ему приход. Расставание длилось полдня. Я прощался со всеми долго и сердечно. От радости пришла вся местная власть, включая оперуполномоченных из госбезопасности. Разговаривая с ними после богослужения, я попросил дать бумагу, что я в течение пяти лет служил людям, что с властью у меня не было проблем, и что все складывалось хорошо. На мою просьбу они пожали плечами и сказали, что такой справки

не дадут. Тогда я их шокировал: "Если не хотите мне дать справки, то я не уеду, и каждый день буду служить литургию. Можете меня сажать в тюрьму, выслать в Сибирь, в лагерь". Тогда они выдали справку, что я был лояльным для властей человеком и хорошо работал как священник.

Эта справка нужна была мне для предоставления властям в Новосибирске. Когда я приехал в Новосибирск и показал им эту справку, те опрометчиво дали мне регистрацию. Потом они звонили по всем своим инстанциям, выясняя "наш" ли я человек, и уже через десять дней качали головами. До них дошел слух, что со мною "каши не сварить". Однако, выдав разрешение на священническую деятельность, они вынуждены были меня терпеть. Они начали расследовать, кто организовал людей, которые создали приход в Новосибирске и во многих других местах. По этому делу они вызывали многих, в том числе православных.

Быстро нашел дом около Площади Сибиряков-гвардейцев и купил его, даже с переплатой. Там мы соорудили часовню, а позднее рядом построили церковь, которая является своего рода памятником тогдашней борьбы.

Сознавая, что могу быть арестован, я не делал ничего, что могло бы раздражать власть. Вскоре я узнал, что Александра Ригу уже арестовали, и Зосю Беляк из Житомира тоже. О ней говорили, что она моя воспитанница, и что это я наставил ее на дурной путь. Я забеспокоился,

потом долго молился, чувство вины не покидало меня. Я понимал, что Зося арестовали из-за меня.

Прихожанам в Новосибирске я сказал, что если меня арестуют, они должны построить церковь и постараться найти священника, чтобы уполномоченный не разогнал приход. Я купил и привез много строительного материала. Нам нужно было два года на строительство.

Арест

В воскресенье 16 декабря 1984 года утром, она хозяйка дома, где я жил, пришла в слезах и сказала, что ей снилась черная туча, которая меня поглотила. Она утверждала, что ее сны всегда сбываются. Я не верю во сны, но что-то во мне вздрогнуло, я забеспокоился. Я подумал, на чем они могут меня поймать. Я не занимался политикой. Магнитофонные ленты, книжки, а так же фильмы, которые хранились у меня, касались только религии. Мне было жалко, что их заберут, однако, я не стал их прятать, чтобы успокоить хозяйку, что сны ничего не значат, как говорится: "sen mara, Bog wiara" (сон - ложь, а Бог правда). Тогда у меня был в гостях литовский священник из Актюбинска Ионас Зубрас. Я исповедовался у него. Благодать таинства вернула мне покой духа. Во время Мессы в храм пришли моих родственников, которые приехали с Украины в гости. Все это очень укрепило мой дух. Я произнес проповедь об Иоанне Крестителе и о Сократе. Я говорил, что истина от них потребовала полной самоотдачи, жертвы всеожжания. Смерть для них была ничто по сравнению с тем, что они проповедовали. Сократ явился точно в срок на место казни и с улыбкой попрощался со своими учениками, а тех, кто начал плакать, даже бранил

и стыдил, придавая им уверенность в скорой встрече с ним в том мире, о котором он им проповедовал. Для верующего не может быть страха ни перед чем, даже перед смертью.

Мы начали делать вертеп на Рождество. Я хотел, чтобы вертеп в этом году был интересным и красивым, чтобы доставить людям радость. Небо должно было быть темным, месяц среди сияющих звезд, пещера, пастыри и Святое Семейство. Мы добросовестно работали и на строительстве церкви. У нас было все - материалы, деньги. Только из-за мороза мы не могли работать с цементом.

17 декабря областная прокуратура возбудила против меня уголовное дело по статье 190 прим "Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих государственный и общественный строй" и статье 227 части 2: "незаконная религиозная деятельность". Поводом для первой статьи была брошюра "Явление Фатимской Божьей Матери". Эту книгу я давал читать Людмиле Петровне Герасимчук, сотруднице новосибирского Общества "Знание", которая была подослана ко мне за год до начала уголовного преследования. Она сказала мне, что интересуется учением Католической церкви. Как стало ясным из ее заявления в суд, она тщательно записывала все мои, даже вскользь сказанные, фразы о положении католиков и других верующих в Советском Союзе. Я говорил о запрете приема в семинарии, о трудностях в регистрации католических общин, о препятствиях, чинимых священникам в приходской деятельности. Особым обвинением против меня была "Молитва за Россию", помещенная в брошюре. Причиной второй статьи была работа с экуменическими молодежными группами во многих городах. В Душанбе было несколько групп молодежного Живого розария, но об экуменизме говорили мало. Не все даже знали значение слова "экуменизм". Статья 227 УК запрещает создавать нелегальные кружки и группы из числа верующих. По эту же статью подпадало

любое собрание верующих вне зарегистрированного приходского помещения. Статья 227 предполагает до 5 лет лишения свободы с последующей ссылкой на такой же срок или без ссылки, а также конфискацию имущества.

19 декабря в четыре часа утра я проводил своих родственников в аэропорт Толмачево. По дороге мы много говорили о возможности моего ареста. Душа чувствовала опасность. В шесть часов утра я пошел пешком за три километра в церковь, а в восемь начал готовиться к Мессе. Дверь распахнулась, и вошли незнакомые мне люди в штатском. Они не разрешили мне служить, предъявили удостоверения и взяли под руки. Поехали ко мне домой. "Там во всем разберемся" - сказали они. Я не мог поверить, что власти, зная о наступающем Рождестве, решат меня арестовать.

Дома они все осмотрели и забрали то, что, по их мнению, могло быть пригодным для материалов следствия. Во время обыска, который длился весь день, они позволяли себе очень злые выпады против религии и верующих. Вспоминаю брошенное мне слово: "Клевещешь?!"

После обыска я был доставлен в прокуратуру, и там состоялся первый допрос. Нужно также сказать, что в советской системе в то время существовал такой порядок: вначале арестованный был допрашиваем как свидетель, потом как подозреваемый, потом как обвиняемый, наконец, как подсудимый и, в конце концов, как осужденный. Задав несколько вопросов, прокурор приказал мне подождать в коридоре. Во время допроса я вспомнил, что у меня в кармане лежит записная книжка с адресами. Я очень боялся, что она попадет в руки следователя. Вначале я задумался над тем, как ее уничтожить. К счастью, от другого следователя вышла моя прихожанка, которой я незаметно передал записную книжку и попросил ее спрятать. Я сказал ей также, чтобы они продолжали строить церковь и старались найти другого священника, потому что я уже к

ним не вернусь. Только я успел ей это сказать, как меня вновь вызвали в кабинет, где и закончилась моя свобода. Меня взяли под охрану два милиционера с пистолетами и следователь.

Они отвезли меня в тюрьму на улице Коммунистической. Охранник, проверяя документы сказал: «Священник? Ну теперь взяли и за вашего брата». Позже я узнал, что в Новосибирске одновременно арестовали еще несколько священнослужителей различных конфессий.

Меня посадили в камеру предварительного заключения. Прошел необыкновенно тщательный обыск. У меня забрали все, что я имел при себе: часы, четки, крестик и всякую мелочь. Потом открыли железные, окованные двери и отвели меня на новое "место жительства". Это была камера № 5. Щелчок ключа. Я вошел в середину. "Клак, клак", - загремели засовы. И конец свободе. В КПЗ не покидали мысли: "Может быть ошиблись? Отпустят? Что же я сделал? За что? Что они от меня хотят?". Заснуть очень трудно, сна нет. Проходят дни, и все меньше думаешь, что власти ошиблись, все меньше ожидаешь освобождения. Ты - преступник. И к этому постепенно привыкаешь. Происходит психологическая перестройка. Ты сам себя понемногу низводишь на нижнюю ступень социального положения. Притупляется мысль, интерес к жизни. Ни о чем не охота думать. Перед тобой открывается доселе неизвестный мир грубости, жадности, стяжательства, жестокости, насилия и унижения. Именно здесь рассадник всех пороков. Многие, нормальные до посадки люди, опускаются здесь в бездну зла. Они принимают закон джунглей: "Умри ты сегодня, а я - завтра."

На допросах ставился вопрос: "Правда ли, что Вы вымогали у людей деньги?" На это тяжкое обвинение я ответил остро: "Этого не могли писать вам верующие католики. Это вам писали ваши верующие - коммунисты! Я знаю их. Как только я пришел на приход, мне люди пальцем

показали, кто здесь ваш сотрудник. Это смешно слышать, якобы я пел на службе "Святой Боже, Святой Крепкий, дай мне деньги". Такое может услышать только доносчик».

Очередным обвинением, которое против меня выдвигали, было то, что я противник советского строя, что я антикоммунист, а также, что я фанатичный католик. "Я не противник советского строя, но мне больно, что секретарь райкома партии получает 315 рублей в месяц, а старые люди получают пенсию от 15 до 29 рублей." Следователь серьезно ответил: "У нас еще не коммунизм, и не все могут получать поровну." "Я не религиозный фанатик, но я хочу, чтобы все люди были добрыми, вежливыми, чтобы не было пьяниц, и тюрьмы были пусты, чтобы те, кто всю жизнь гнул спину в колхозе и кормил нас, получал бы в старости достойную пенсию".

Очень им не нравилась моя экуменическая деятельность. "Ты, - говорили они, - хочешь под эгидой Ватикана объединить всех христиан! Сотрудничаешь с Александром. Он во всем сознался. Он проводил подпольную деятельность с баптистами, католиками и православными. Это преступление!" - кричал следователь. Не знаю почему, но моя экуменическая деятельность была одним из самых главных пунктов обвинения. Всех допрашиваемых по моему делу спрашивали, что такое экуменизм? Ответы были смешными. Одни говорили, что это слово имеет что-то общее с коммунизмом, другие, что это - экономика. А были и такие, что сказали, что в первый раз об этом слышат, что соответствовало истине. "Удивительно, - говорили следователю, - что не знаем, что это слово означает. Священник, - говорили они, - никогда нам значение этого слова не объяснял."

Обвиняли меня, что я организовал подпольную группу верующей молодежи, и что это противоречит советской конституции. Я не согласился с этим обвинением. Я пояснил, что это были молитвенные группы, где вместе

попились по четкам. В церкви это называется группа «Живого розария». Я только разбил на группы людей пожилых, средних, молодых и детей, потому что иногда было непонимание между молодежью и пожилыми. "Ты знаешь, - говорил следователь, - что за такую деятельность грозит наказание." Я согласился, что подпольная деятельность не согласна с кодексом, но твердил, что это была не деятельность, а только молитва. "Молитва не может быть, - говорил я, - ни антисоветской, ни антикитайской, ни антинемецкой. Она просто молитва, а двое или трое вместе это по Евангелию".

Следователь напомнил мне, что я говорил, будто католики в Советском Союзе преследуются. "Это правда, - согласился я, - мы в самом низу, мы - люди последней категории. В Томске власть признала православных сразу после войны, баптистов зарегистрировали в 1956 году. Католики собрали 1200 подписей, и уполномоченный не хочет зарегистрировать приход. Баптистов вы зарегистрировали, когда они собрали только 150 подписей. Я говорил на основании документов. В этих документах есть отписка, что нет оснований для регистрации католического прихода. Для баптистов, было основание, для католиков не было. Одна из общин ожидает уже 30 лет регистрации, другая - 17. Согласно советскому законодательству, должны разрешить в течение 30 дней. Получается, что нарушается свобода совести и вероисповедания, которые гарантированы конституцией СССР.

Тогда следователь сказал мне, что католицизм в России окончательно изжил себя, потому что Александр Невский воевал с католиками-крестоносцами. Тогда я сказал: "Разве католики Новосибирска виноваты в том, что делали крестоносцы? Это было 700 лет тому назад. Или за то, что тогда произошло будут карать людей, живущих на этой

земле еще тысячу лет? Каждый человек отвечает за то, что он сделал, а не за то, что другие сделали.

Обвиняли меня, опираясь на показания одного министранта, которого, вероятно, запугали, и Галины Журавской из Житомира, на основании показаний которой посадили Софью Беляк. Дело касалось, прежде всего, "Фатимского послания". Оно почему-то их очень пугало, особенно, молитва об обращении России. Главным свидетелем в этом деле была Людмила Петровна Герасимчук, которая ходила в новосибирскую общину. Оказалось, что она была подослана КГБ, чтобы нас контролировать. Она писала отчеты после собраний и моих проповедей. Кроме того, как я позднее понял, будучи у меня в доме, она обратила внимание на книжку о Фатиме и попросила почитать. Ничего не подозревая, я протянул ей книгу. Она вернула книгу через 30 дней, но этого было достаточно, чтобы обвинить меня в распространении антисоветской литературы и клевете на государственный строй.

После КПЗ меня привезли в тюрьму. В первой камере, куда меня привели конвоиры, я сказал обитателям, что я - священник. Заключенные отнеслись ко мне хорошо. Во второй камере люди были очень испорченными. Некоторые из них отсидели уже 35 лет и больше. Иногда они обзывали меня очень грязными словами, пока не привыкли ко мне. На их выпады я не реагировал. Это был лучший способ, чтобы оставили меня в покое.

Суд

Готовясь к суду, я написал несколько черновиков своего предполагаемого выступления. Я прочитал их заключенным. Они мне сказали, что если я так выступлю на процессе, то получу очень большой срок. Например, вместо четырех лет могу получить четырнадцать, и притом ничего

не докажу. И, пожалуй, они были правы. Я послушался их совета и перестроил заключительное слово.

Прокурор обвинял меня во всем, что мне было предъявлено на следствии. В конце концов, собрали все эти пункты обвинения, и дали срок согласно Уголовному кодексу. Я получил возможность для последнего слова. У меня был адвокат, который в советском суде не имел большого значения. Трудно было сказать, кого он защищал. Выступали также свидетели защиты. Когда они шли давать показания, то останавливались около того места, где я сидел, и просили благословения, встав на колени:

- Благослови, отче, чтобы я говорила правду, - и склоняли голову.

Я их благословлял. Судьям это не понравилось. Они говорили, что это не церковь, это не часовня, это суд. Но я на это не обращал внимания. На суд меня сопровождало девять конвоиров. Нормально сопровождают двое, трое. Это была также демонстрация. Люди это видели, когда меня вели через вестибюль. На вынесение приговора пришли адвентисты и баптисты. Были также православные.

Мое слово после приговора было коротким. Я благодарил КГБ, что позволили мне целый год работать в Житомире и пять лет в Душанбе, и за то, что без проблем приняли меня в Новосибирске, что я мог построить церковь в Таджикистане.

- Благодарю вас за это, - говорил я, - ведь вы могли мне ничего не позволить и раньше посадить в тюрьму. Не имею к вам никаких претензий, но согласиться с тем, что я преступник, не могу.

Однако, я был осужден. Мне грозило восемь с половиной лет лагерей. Поскольку я был осужден в первый раз и во время следствия и суда вел себя не агрессивно, а в последнем моем слове даже прозвучало: "Благодарю, что меня судите", прокурор потребовал двух лет. Судья увеличил срок до трех лет лагерей.

Полгода до суда я отсидел в следственном изоляторе, где в одной камере сидело 35 человек. Там была грязь, блохи, вши, клопы и все возможные паразиты. Заключенные подсчитали, что клопы и вши выпивали в этой тюрьме, где сидело 4 000 заключенных, пять литров крови ежедневно, то есть столько, сколько ее имеется у одного человека. Кто-то придумал сравнение: клопы здесь выпивают по зеку ежедневно. Сокамерники относились ко мне сносно. Только иногда меня кто-нибудь толкал.

Показания свидетелей обвинения

1. Галина Журавская из Житомира.

30/X-1984

Я, Журавская Галина, самого священника Свидницкого мало знала. Когда он был в Житомире ксендзом, мне тогда было десять лет. Я с мамой регулярно посещала котел, но со Свидницким контакта не было. Со временем я сошлась с Зосей Беляк и начала с ней дружить. Она часто с похвалой отзывалась о миссионере ксендзе Свидницком. В августе месяце 1981 г. Зося предложила мне поехать в гости в Душанбе и обещала, что ксендз нам оплатит дорогу. Мы провели у него две недели, жили при храме. По вечерам мы посещали молодежные группы, которые собирались у кого-нибудь на дому. На молодежных собраниях часто бывал Свидницкий. Он предупреждал молодежь никому не рассказывать об этих собраниях, в комсомол не вступать, не принимать участия в общественной жизни коллективов, где молодежь общается. Свидницкий говорил, что в СССР пьянка и разврат стали национальным бедствием. На

воскресных проповедях он говорил, что верующих в СССР преследуют за религиозные убеждения.

Когда мы уезжали, Свидницкий дал нам на дорогу по двести рублей каждой. Зосе он дал завернутую пачку денег, передать в Москве Сандру, дал нам по пять экземпляров антисоветской литературы "Логос", "Фатима". Журналы мы переслали домой по почте.

Весной 1982 года, в мае месяце, я уже сама ездила на миссию в Душанбе, и тогда Свидницкий тоже говорил в проповеди о преследованиях верующих и передал мне четыре экземпляра антисоветской литературы. Зося говорила мне, что их собирал часто Свидницкий.

13-го и 14-го мая 1985 года Журавская давала показания идентичные ее заявлению от 20 февраля 1985 года. Заявление от 30.X.84 года в деле не оказалось, а только от 20.II.85 года. Дело в том, что из Душанбе я уехал в конце января 1982 года, так что передать что-либо в мае месяце не мог. В это время в Душанбе был отец Казимир Брилис. В показаниях было много напутано.

14-го мая судья Зверева спросил Журавскую:

- Вы верите в Бога?

- Нет, - ответила Журавская.

- Что явилось причиной отхода от религии?

Журавская пожалала плечами и не знала, что отвечать, поэтому судья еще раз спросила:

- Вас часто вызывали в органы и беседовали с Вами?

- Да.

- Они помогли Вам разувериться?

- Да.

Когда Журавская начала утверждать, что я передал ей упомянутые журналы в мае 1982 года, я спросил у Журавской:

- Журавская, Вы расписались не давать ложных показаний. А что если Вам когда-нибудь придется ответить

перед судом за дачу ложных показаний, что Вы ответите тогда?

- Вы говорили на проповеди о преследованиях верующих.

- Вы сами это точно слышали, или Вам кажется, что Вы это слышали?

- Слышала.

- Назовите, пожалуйста, кто из Ваших знакомых еще слышал это от меня?

Журавская промолчала.

В это же день судья повторно спрашивала Журавскую:

- Вы слышали, что Свидницкий говорил, что в СССР пьянка и разврат - национальное бедствие, а атеизм в СССР - воинствующий?

- Да, он говорил, что у нас много пьяниц и неверующих.

- Журавская, вспомните, он говорил именно так, как я Вас спрашиваю? Это его слова, что в СССР пьянка - национальное бедствие или он говорил как-то иначе?

- Нет, он именно так не говорил, но говорил, что многие пьют.

- Вы от него слышали, что пьянка в СССР - национальное бедствие?

- Именно так не слышала.

- Как относились к нему люди в Житомире?

- Его уважали. Моя мама тоже очень уважала его, но отец нет.

- Ваш отец тоже посещает костел?

- Нет, только мама.

- Вы комсомолка?

- Да.

- Что Вы еще слышали о Свидницком?

- Зося мне рассказывала, что он агитировал молодежь не вступать в комсомол, часто собирал на квартире

молодежь. Говорил, что кесарево отдайте кесарю, а Божие - Богу.

- Разъясните, как Вы это понимали.

- Он читал Евангелие и объяснял его.

Журавская мялась и нечего больше ответить не могла. Судья предложила ей сесть.

2. Монастырский Ян Васильевич из Житомира.

Судья:

- Ваша фамилия, имя и отчество.

- Монастырский.....

- Суд Вас предупреждает, что в случае дачи ложных показаний или сокрытия правды, Вы будете отвечать по статье 67-й. От 3 до 7 лет лишения свободы. Распишитесь, что Вы предупреждены.

Судья:

- Вы верите в Бога?

- Нет.

- Свидницкого Вы давно знаете и откуда?

- Я Свидницкого знаю с 1974 года, когда он прибыл в Житомир и работал ксендзом.

- Что Вам известно о Свидницком.

- Он на проповедях говорил, чтобы верующие не смотрели телевизор, молодежь не ходила в кино и на танцы. Он часто собирал людей на хорах, учил религии, говорил, что не надо вступать в комсомол, что Советская власть преследует католиков, что надо бороться с атеизмом, что нужно тайно собираться по домам и углублять веру. Он говорил, что у молодежи повальная пьянка и разврат.

- Свидницкий, у Вас есть вопросы к свидетелю? - спросила судья Зверева.

Я сказал:

- Монастырский, сколько раз Вы лично были на наших "частых" собраниях?

- Два раза.

- Вы сказали, что Вы меня знаете с 1974 года, а я приехал в Житомир 20 января 1975 года.

- Вы приезжали за год до того, как стали работать в нашем костеле, и собирали молодежь.

- Это ложь, Монастырский, я познакомился лично с Вами весной, в апреле месяце. Вас с вашим братом привела мама. Вы сказали, что я запрещал верующим смотреть телевизор. Вы говорите, что Вы бывали у меня на квартире, и смотрели у меня телепередачи. Если я смотрел с Вами вместе телепередачи, то как я мог сказать людям не смотреть телевизор?

Монастырский промолчал.

- Монастырский, Вы расписались в том, что не будете давать ложных показаний. Но Вы даже годы попутали, как же Вы можете помнить, что я говорил десять лет тому назад? За ложь Вам придется когда-то ответить. Так что говорите суду правду, а не ложь.

- Монастырский, скажите суду, как долго Вы встречались со Свидницким?

- Я был у него только два раза, потому что я уехал в Киев поступать в институт.

- Свидницкий, чем Вы можете объяснить показания Монастырского? - спросила Зверева.

- Я могу объяснить его показания тем, что Монастырский говорит не от себя, а цитирует статью из газеты "Житомирская правда" от 7 октября 1983 года. Он может так же быть озлоблен на меня за мое письмо к нему, где я ругал его за его плохое отношение к родной матери.

- Свидницкий, чем Вы можете объяснить отрицательные отзывы о Вас уполномоченных из Душанбе и Новосибирска?

- С заявлением уполномоченного города Душанбе я не согласен, в нем сплошной вымысел. Если я в проповеди говорил, что Советская власть католиков преследует, то

почему я это узнал только здесь, в суде? Почему в заявлении уполномоченного не указано когда и где я такое говорил, и кто может подтвердить это? Если бы я такое говорил, то уполномоченный давно бы составил протокол, а о таком протоколе нигде не упомянуто. Насчет заявления уполномоченного Николаева (Новосибирск) могу пояснить следующее. Желая поддерживать с уполномоченным взаимопонимание, я сказал ему, что я уезжаю в Ригу 23 июля 1983 года на годовичные реколлекции, которые проводятся ежегодно с ведома Совета по делам религий. Кстати, это сугубо внутреннее дело Церкви. Николаев ответил мне, что он мне не разрешает, и если я хочу поехать, то пусть ему позвонит уполномоченный из Риги, и сообщит, что я там нужен. Я все-таки поехал, вопреки воле Николаева. Николаев мне отомстил, сфабриковав обвинение в "нарушении законодательства". Он сообщал об этом в Москву, а также написал об этом суду.

3. Заявление Рице Эрны

Рице Эрна, 68 лет, лютеранка, работала в кинотеатре им. Станиславского г. Новосибирска. Приходила в церковь в Переулке Мира 1-3 раза в месяц.

Судья Зверева 14-го мая зачитала заявление Рице.

- Вот что пишут о Вас Ваши верующие: "Я, Рице, посещала часто службу, которую вел священник Свидницкий. Он гордо вел себя. Во время службы он пел: "Люди давайте деньги на церковь". Поясните это заявление, подсудимый.

- Вы назвали Рице "нашей верующей". Это не наша верующая, а ваша. О том, что она служила властям, знает весь наш приход. Ее фамилию я раньше не знал, впервые услышал уже, будучи арестованным. Ее заявление, как Вы и сами из прочитанного могли бы заключить, мог написать только человек душевнобольной или в бредовом состоянии.

То, что священник поет во время службы известно всему миру. Ничего подобного у нас не было.

4. Заявление Герасимчук Людмилы Петровой.

Герасимчук 1952 г. рождения, сотрудница Общества "Знание". С ноября 1982 года приходила в церковь один раз в месяц "ради интереса", беседовала со священником.

Со Свидницким я познакомилась, когда курировала Кировский райисполком. В беседах со мной он говорил, что у нас в Союзе все рушится и трещит по швам, все бегут за границу, что в СССР 10 миллионов заключенных. От него веет антисоветчиной. Он дал мне прочитать "Фатимское послание", где есть клевета на советский строй, в частности слова: "При современном тоталитарном коммунистическом режиме СССР есть психбольницы, где содержат здоровых людей по политическим мотивам". Я много времени проводила с ним в беседах. От него я узнала, что в Америке остался сотрудник советского посольства некий Шевченко. Он осуждал в беседе со мной действия миротворческих вооруженных сил СССР в Афганистане.

Дорога в лагерь

Я долго ожидал, когда меня пошлют в какой-нибудь лагерь. Все это долго тянулось, целых девять месяцев, то есть 285 дней. С 1 октября 1985 года я ждал, когда меня возьмут на этап. День, в который это произошло, был хмурый, моросил мелкий дождичек. Начали выдавать обед. Я потянулся взять "косак" (т.е. миску), как раздался голос широкоплечего сержанта: "Свидницкий с вещами! На сборы одна минута!" Не прошло и минуты, как я должен был галопом вылететь из камеры номер 120. Всех, предназначенных на этап, поместили в камере номер 111,

или в "карантине". Нас было 35. Там я узнал, что нас везут в "двенашку", то есть в Куйбышев (Новосибирская обл.). Раньше этот город назывался Каинск. Еще на свободе я слышал, что в этом месте до 1928 года был костел и священник. По Божьей воле я должен был прибыть в эту землю через 56 лет после моего собрата по священству. На "карантине" я познакомился с осужденными, которые возвращались в лагерь из тюремного госпиталя. Самым веселым и певучим был молодой цыган Саша Скворцов. Он научил меня трем строфам цыганской песням. Всю ночь Саша пел и слал письма девушкам из соседней камеры при помощи "коня", то есть нитки с привязанной на конце запиской. Рекорд в пересылке писем в течение одной ночи побила 28-летняя Лена. Она выслала пять писем. Лена была осуждена уже в четвертый раз по статье 108 (разбой).

Всю ночь работал у нас также "телефон". Он состоял из батареи отопления и пустой металлической банки. Слегка постукивая банкой по батарее вызывали партнера, а приставив пустую банку обрезом к батарее, а дном к уху, можно было слушать, а в положении наоборот это становилось микрофоном. Это самая лучшая связь между камерами. С помощью такого "телефона" можно узнать, что делается в камерах, и не только. Еще одной системой связи был толчок - туалет. Записку клали в спичечный коробок, который заворачивался в полиэтиленовый пакет. Все это обвязывалось ниткой и погружалось в "очко". Такую же операцию проделывали в соседней камере. Потом одновременно спускалась вода. Коробочки в трубе переплетались нитками и вытаскивались в соседней камере. Так можно было передавать не только записки, но и мелкие предметы. В субботу, 5 октября, как мы и ожидали, нас повезли в боксы, откуда отправляли заключенных. Вечером, около девяти, быстро погрузили нас на воронки и повезли на платформу, где стоял пассажирский поезд, с прицепленным к нему "столыпином". Так сейчас называют

вагоны для перевозки заключенных. Инициатором строительства особых вагонов для добровольных переселенцев в Сибирь был премьер царской России Петр Столыпин. Первый вагон был построен в 1910 году. После революции по недоразумению "столыпинами" стали называться тюремные вагоны

Между двумя шеренгами в одного человека стояли солдаты и автоматами. Нам приказали бежать как можно быстрее из воронка к тюремному вагону. Вагон для заключенных, или "столыпин" выглядит так: с левой стороны - проход вдоль вагона, с правой - металлическая сетка, имеющая два уровня, разделяющаяся окованными дверями. Мы находились в трех отделениях. Верхние полки были сконструированы так, что на них можно было положить несколько мужчин. Еще дальше ехали зеки под особым надзором. Их везли из Уссурийска и Хабаровска в лагерь на Урал.

Когда уже всех посадили, нам дали немного хлеба, который мы съели с большим аппетитом. Вода была в баке около сетки. Поезд ехал очень медленно и часто останавливался, но мы ничего не видели. Окна были только со стороны прохода. Сопровождавшие нас солдаты ходили по коридору и без конца задавали вопросы: "За что сидишь? Где и почему тебя осудили?"

Среди моих товарищей по несчастью был дантист, ортопед, бухгалтер, а также главарь банды, который в свои тридцать лет уже четвертый раз из-за тюремной решетки смотрел на мир. После всех этих переживаний я хотел спать. Я свернулся в клубок и заснул. Разбудил меня крик дежурного солдата: "Всем подъем!" Было где-то около четырех часов утра, когда поезд приехал на станцию Барабинск. Нас погрузили в воронки (грузовые фургоны). Через двадцать минут езда машина остановилась. Перед нами был пятиэтажный дом. Мы пошли по коридору мимо проходной, где около каждого окна сидел солдат с

автоматом. Пройдя через этот коридор, мы оказались в тесном помещении, отгороженным от общей зоны деревянным забором с натянутой наверху в четыре ряда колючей проволокой. За ними была нейтральная зона, то есть ничейная земля, или земля смерти для того, кто ее пересекал. Дальше - бетонное ограждение с колючей проволокой и надписью, чтобы никто не приближался на расстоянии пяти метров. Вышка со стрелками, а вдоль бетонного ограждения колючая проволока с пропущенным током под напряжением 380 вольт. Общая ширина линии ограждения - "запретной зоны" - от 30 до 40 метров.

Конвоир провел нас в "карантин" и закрыл двери на ключ. Мы легли на настил. Я быстро заснул. Вскоре я, однако, проснулся, потому что у меня замерзли ноги. В семь часов утра нам дали какую-то еду из гороха. К сожалению, без ложек. Внимательно следили, чтобы вновь прибывшие не вступали в контакт со старыми лагерниками, чтобы ничего не могли передать им с воли. Около десяти часов нас повели на склад, чтобы мы получили лагерное одеяние. Нам сказали, что свои вещи мы можем выслать домой, но это была только теория. Нам выдали хлопчатобумажное белье, белые портянки-онучи, ботинки, телогрейку и шапку, так называемую "зечку", одинакового для всех размера. Ботинки никак не подбирались по размеру ног. Очень часто они были на два номера больше, или на два номера меньше. Мы получили два комплекта одежды, один для работы, другой "выходной".

Нас повели в помещение, откуда потом провели в баню. У входа конвоир, татарин Джамбура, все предметы одежды скидывал в одно место. Там оказался мой трикотажный костюм и олимпийка с замком-молнией. В моих бумагах Джамбура нашел копию приговора, стихи Державина, а также рисунок "Первый день творения". Он грозно посмотрел на меня и сказал: "Я тебя сейчас в карцер отправлю! Что пропагандируешь?" - и все забрал.

После того, как у нас все забрали, нас повели в баню. Там можно было побриться и помыться. Потом нас поставили перед комиссией. Там нас разделили на группы. Подразделений было пятнадцать: бригады, роты и т.д. Перед комиссией нужно было стоять голым. Комиссия состояла из семи чиновников. Это были люди занимающиеся администрированием, продуктами, политико-воспитательной работой, а также медики. Нас вызывали по одному. Входящий должен был представиться по определенной форме. "Я, осужденный Свидницкий Иосиф Антонович. Статья 190 прим и 227. Срок три года. Начало срока 19 декабря 1984 года, конец 19 декабря 1987 года." Когда я вошел, мои бумаги лежали на столе перед членами комиссии.

Спрашивали, где я работал. Верю ли я в Бога. Я улыбнулся. Спрашивающий увидел мою улыбку и так это прокомментировал: "Вот видишь, самому смешно, потому что ты не веришь в Бога." Я хотел что-нибудь ответить, но, посмотрев ему в глаза, понял, что не стоит. Это были пустые и злые глаза. Мне задали еще несколько вопросов об образовании, здоровье и т.д. Были эти вопросы чисто формальными. После опроса председатель комиссии с чувством глубокого достоинства сказал: "Вам предстоит свою вину перед Родиной искупить ударным трудом." Я чуть не засмеялся от этих слов и от всей этой нелепой торжественности, но серьезно ответил: "Работы не боюсь. Я думаю также, что никто не заставит меня работать сверх моих физических сил". Последовало предостережение относительно религиозной пропаганды. "Тут ее нельзя проводить, - сказал ответственный за политико-воспитательную работу, - Если Вы пренебрежете моим предупреждением, то это кончиться для Вас очень плохо."

После допроса меня определили в шестой производственный отдел первой бригады. Потом выдали мне матрац и постель. Кроме того, дали еще миску и ложку.

Потом отвели в мое отделение на этаже. И вот я оказался в месте, которое должно было стать моим домом. Тут я сразу познакомился с осужденным Ощепкиным и его помощником Котловым Сашей. Ощепкин был осужден за автобусную аварию, в которой погибли три человека. Ему дали восемь лет. Котлов получил четыре года за драку. Оба были из Новосибирска. Меня познакомили с моим бригадиром. Это был азербайджанец Байрам Мехтиев. Он получил шестилетний срок по 197 статье за мошенничество. Играл на людском доверии, обещал людям достать разные вещи. Он был из Новосибирска. Имел жену и троих детей. Его обвинили в том, что он выудил у людей около 13 тыс. рублей, что в те времена было огромной суммой. К сожалению, заключение ничему его не научило. Как только мог, он присваивал разные вещи заключенных.

Моим соседом в "спальне" был симпатичный москвич Миша Ширинин. Высокий, худой, у него был горбатый нос. Он был необыкновенно упрямым. Он работал на часовом заводе и был виновен в несчастном случае, в котором погиб человек. Ему дали пять лет.

Когда я оказался в "в своем кругу", то есть среди людей, с которыми должен был провести два года, меня обступили заключенные и стали подробно расспрашивать, как ко мне относился КГБ, за что осудили, кто на меня донес, кто оклеветал и т.д. В конце концов, попросили у меня на чифирь (крепкий чай), своего рода "причастие" для заключенных. Это общение зеков и знак некоторого единства. Когда приглашают на чифирь, особенно если приглашает блатной, то есть принадлежащий к лагерным верхам, то отказаться нельзя.

На второй день, сразу после завтрака мне было сказано, что меня срочно вызывает майор Кузнецов. Согласно правилам, я, стучась к нему, сказал: "Позвольте войти!" Как вошел, представился: "Я, осужденный Свидницкий Иосиф Антонович, статья 190 прим, срок три года..."

Майор Кузнецов сидел за столом, приземистый, лет около сорока, лицо круглое, густые, светлые, зачесанные назад волосы. С выражением безгливости и пренебрежения он сказал: "Так вот, осужденный Свидницкий. Я вызвал Вас, чтобы предупредить, что Ваша переписка будет ограничена. Только одно письмо в месяц и только к самым близким родственникам. Я знаю, что с самых первых дней тебе начнут писать братья и сестры по вере, слать петиции и т.п. Кроме того, на смей разводить тут свою пропаганду, потому что в противном случае я вынужден буду Вас наказать. Поосторожнее Свидницкий!"

И форма и содержание его слов вывели меня из равновесия. Поэтому я сказал ему достаточно жестко: "Гражданин начальник, я тут всего час. Я не успел еще осмотреться, а Вы ко мне так относитесь. Зачем этот крик и ругань? Почему у Вас столько презрения к людям? Напоминаю Вам, что я этого еще не заслужил. А кроме того, почему я не имею тех же прав, что и все прибывающие в лагерь? Все заключенные имеют право писать письма сколько хотят. А Вы мне запрещаете писать. Почему? Только потому, что я верующий? Или потому, что я священник?"

Майор повысил голос и сказал: "Будет так, как я решил. Если я Вам не нравлюсь, можете писать на меня жалобу." Потом он понизил тон и начал долго рассказывать, как живут священники, что он много их знал в послевоенное время. Он говорил, что даже выпивал с попами. Потом начал спрашивать меня о моей личной жизни. "У тебя есть жена, дети, женщины?" Я отвечал коротко: "Нет." Тогда он начал с "другого бока". "Я знаю, что ты имеешь достаточно много аргументов, чтобы убедить любого из заключенных, внушить им мысль о Боге". "Гражданин начальник", - сказал я, - я не фанатик и не собираюсь никого агитировать, но если кто-то спросит меня о том, почему я верю, я должен буду ему ответить. Этого требует мое человеческое

достоинство и мои убеждения. Кроме того, я знаю, что одни люди верят в Бога, а другие смеются над этим. Среди верующих есть много профессоров и выдающихся мыслителей. Не бойтесь, однако, я никого не буду агитировать. Вера - это не агитация. Вера - это внутренняя правда человека."

Кузнецов строго посмотрел на меня. Он был явно заинтересован расположить меня к откровенности и хотел что-то сказать что-то умное. Но не стал, потому что вошел политрук зоны Константин Иванов. Он сел и начал мне задавать каверзные и ехидные вопросы. "Как то я прочитал в одной книжке, - сказал он, - что если бы в Библии было написано, что человек проглотил кита, а не кит его, что верующие поверили бы Библии, а не науке." Он, вероятно, прочитал это в книге Ярославского "Библия для верующих и неверующих", хотя в разговоре это произведение не упоминал.

Потом Кузнецов, желая показать, что он знает физиологию, начал говорить нелепые вещи. Он говорил, что науке удалось измерить и взвесить мысль, что душа человеческая - это вымысел духовенства, которые стараются подчинить себе людей, пугая их адом и смертью. Разговор закончился своеобразной шуткой, что я могу всегда к нему придти и обо всем поговорить. Кузнецов не удержался и перед тем, чтобы добавить: "Если заметишь что-то подозрительное, то скажешь мне. А сейчас иди в казарму на обед." Это были его последние слова. Во время "беседы" никто из них не предложил мне сесть. Я стоял перед ними и только перекладывал шапку из руки в руку. Когда я вошел в казарму, то заметил, что по углам горит свет, и многие люди не спят. В каптерке, где сидели дежурные, Ощепкин и Котлов играли в шахматы. Оба были увлеченными шахматистами. Их интересовало, что это я так долго говорил с лагерным начальством.

Восьмого октября 1985 года был пасмурный день. После вечерней проверки (в 16-00) мы строем вышли на ворота (шлюзы). Здесь нас еще раз пересчитали по личным карточкам, а затем общим счетом по пятеркам. Просчитывает военизированный контроль жилой зоны, затем принимает нас военный конвой, который также нас пересчитал дважды по пятеркам. Выходим из зоны "на свободу". Здесь каждые двадцать пять метров стоят солдаты с заряженными автоматами, повернутыми в нашу сторону. В каждом из них было тридцать патронов, то есть тридцать смертей. Конвоиры внимательно следили за каждым нашим движением. Когда мы прошли строем 50 метров, нас остановили перед железными воротами производственной зоны. Тут нас снова пересчитали по пятеркам. Так мы попали в настоящий лагерь, то есть постоянное место работы.

Искупительный труд

Первое, что я очень болезненно ощутил на территории производственной зоны, это враждебность. Подозрительно и грозно смотрели солдаты, направившие на нас автоматы. Было так же несколько бессмысленных проверок. Нормальный человек плохо переносит враждебность, а еще хуже чувствует себя под дулом оружия. Вероятно, это была попытка психического террора. Взгляды конвоя и стрелков как будто говорили: "Ты - ничто. Все зависит от нас. Мы хозяева вашей жизни и смерти." И еще - это молчание, глубокое молчание. Только иногда слышались приказы конвоя. Понурый вид осужденных, идущих рядом со мной, выражал полную покорность. Но если посмотреть им в глаза, то можно было заметить в них насмешку, горькую

иронию, реже – брезгливость. Все, что было снаружи, парализовывало человека. Дорога, по которой мы шли, была сплошным болотом. Земля была вспахана гусеницами тракторов и разбита колесами машин. Хлюпанье болотной жижи, которое раздавалась из-под ног, было похоже на стон страдающего зверя. "Эта земля, - подумал я, - похожа на нас." Болотная жижа достигала нам до колен.

И, наконец, план. Выполнить план, выполнить любой ценой. Отдать ему все силы. Я быстро понял, что план в лагере, - это все. Оттого, как выполнишь план, зависит твой сегодняшний и завтрашний день, твое достоинство и, если можно так сказать, лагерное счастье. Поэтому там никто не прохлаждается, не говорит, не перекуривает. Прибывшие в производственный отдел зеки очень быстро разбегаются к рабочим местам. Так можно прихватить материал, оставшийся от первой смены. Можно так же осмотреться вокруг и утащить материал у соседа. По-другому нельзя. Тут каждый думает о себе. Каждый хочет захватить материал, чтобы выполнить план. Тут нет места человеческой солидарности и сотрудничеству. План в лагере это жизни заключенных.

Бригадир повел меня к мастеру, чтобы я расписался в книге за технику безопасности. Бригадир объяснил, чем занимается бригада. По дороге он говорил мне, что главное сохранить здоровье, только тогда человек имеет шанс выйти отсюда на свободу.

Первым моим рабочим местом в лагере была столовая. Там со мной работал Вася Пушкарев. "Помыть столы, посуду и пол. Я тебя, старый, в обиду не дам. - говорит бригадир, - Не бойся. Сделаю все, чтобы тебя не перевели на общие работы." Я сердечно его поблагодарил за помощь и доброе слово. Это был первый человеческий жест после того, как я прошел "шлюз". К сожалению, как оказалось позднее, это были только слова. Мехтиев оказался человеком "несерьезным". Он мог обещать неоднократно, но это было только "теплое слово". Но тогда это очень меня воодушевило. Столовая выглядела бедно. Это был деревянный барак с покосившимися стенами, к нему прилегал слева склад гвоздей, справа - инструменталка.

Внутренняя часть - зал, 8 метров на 18 метров, посередине стояли подгнившие деревянные столбы, под ногами - дырявый пол. Стены более менее заштукатурены и покрашены. Пол было ужасно грязный. Должна была быть какая-то проверочная комиссия, и требовалось во что бы то ни стало все хорошо вычистить и вымыть. Мы с Васей сразу принялись за работу. С шести часов вечера вплоть до одиннадцати мы трудились, но все еще были далеки от конца. Мехтиев прислал на полчаса двоих человек на помощь. Домывая пол я еле двигался, казалось, что вот-вот свалюсь, больно ныла спина, радикулит "кричал во всю глотку". Закончили мы все около часа ночи, а в 2 часа ночи был съём с работ. Усталый, я еле доплелся до ворот. Кроме нашей бригады в сорок человек здесь была бригада

промсвязи (делали почтовые ящики) в 60 человек. Они старались построиться первыми, а потом - мы. Было темно. Не разобравшись, где свои, я прошел и встал в шеренгу бригады промсвязи. Вдруг, сзади меня кто-то схватил за шиворот, да как метнет влево, а второй еще добавил, но так как это было в крайней шеренге, мне посчастливилось затормозиться на своих и не оказаться лежащим в грязи.

На воротах во время съема нам всегда приходилось почему-то подолгу ждать, хотя время съема было заведомо известно всем. Холод, дождь, ненастье здесь никто в расчет не принимает.

Итак было утро, настала ночь - день первый.

Своим место работы, я был, конечно, доволен. Здесь все-таки было тепло, а главное, никто не стоял над душой и не требовал плана. Бидоны пищи, хоть и весили они до 40 килограмм, но поднимали-то мы их вдвоем. Через несколько дней я начал втягиваться в работу. Спина перестало так резко ныть, как в первые дни.

После второй смены мы ложились или в полтретьего или около трех часов ночи, а подъем был без пятнадцати десять. Наша бригада была размещена с левой стороны казармы, шестьдесят вторая - с правой стороны. Их подъем был в пять тридцать. Постепенно я свыкся с шумом подъема соседней бригады.

Обстановка во многом напоминала мне армейскую казарму. Такие же двухъярусные кровати, те же команды

отбоя и подъема, та же гонка. Но кроме сходства была и значительная разница. Нагрудный знак, бригада, слова "осужденный", "гражданин начальник", а еще нечто, доселе мне не только неизвестное, но и неслыханное: "запомоенный", "петух", "гребень", "черт", "красная шапочка", "пидор" и другие. Всех не перечислишь. Каждое из этих слов определяло положение данного заключенного в тюремной иерархии. Нужно помнить, что в лагере всегда двоевластие. Одна власть, официальная - лагерное начальство, другая, внутренняя - власть сильного, способного подчинить себе других заключенных.

Во всех казармах есть "запомоенный" уголок, в столовой - отдельный стол для "запомоенных". Во главе строя идут преимущественно "запомоенные". "Запомоенный" - это особая группа осужденных. От них никто ничего не берет. Они, словно тряпка половая, используются для затычек разных неприглядных дыр. Уборная, туалеты - их резиденция и постоянное место работы. Ниже их в лагере никого нет.

Чаще всего "запомоенными" становятся на помойке. Пища скудная, ее не хватает, а работать нужно. Держится зек, держится, да и начнет подбирать недоеденное, недопитое, упавшее на землю. В контейнерах, наполненных отходами, на мусорке тоже частенько можно что-то найти, выбрать, очистить, или даже так съесть, а то и прихватить с собой в целлофановом пакете "на потом". Конечно, все это стараются делать в тайне. Но тайна эта неминуемо раскрывается. "Запомоенным" можно стать и за случайную

провинность. Достаточно что-то взять у "запомоенного", прикурить у него, напиться из его кружки, съесть с ним за одним столом хоть что-нибудь.

Второй способ "запомоивания" - насильственный. За воровство у своих ("крысятничество") могут ткнуть головой в толчок (унитаз). То же делается за невыполненное обещание и с проигравшимися. Могут брызнуть в лицо мочой, это тоже означает, что человек стал "запомоенным". И, конечно, педерастия, и любая извращенная форма полового акта. Это могут сделать насильственно, но это редко. Чаще добровольно за кусок хлеба. Несмотря на то, что с этим ведется беспощадная борьба - могут привлечь по 122 статье ч. 3 "за мужеложство" - тем не менее, это бытует и навряд ли когда-либо исчезнет.

Наивысший уровень лагерной иерархии - блатной. Это элита лагеря. Блатной ходит королем, не работает, ест и одевается на высшем уровне. Следующая группа - приблатненные. Они играют в блатных, часто их называют в зоне "голодные", но тем не менее они - масть, их слово - закон для остальных. Они имеют "слуг", рабов из числа "мужиков", но не всякий "мужик" может быть рабом. Им все принесут, с ними поделаются. Они если хотят - работают, но чаще всего нет. За них заправляют койку, приносят лучшие простыни, наволочки и полотенца. Блатные и приблатненные всегда имеют чай с воли. Почти не иссякают у них сало, конфеты, шоколад и многое другое. У них есть надежные связи с волей через охранников (солдат и офицеров). Для некоторых приблатненных и блатных, как я

заметил, на свободе лучше никогда не будет. На воле трудно заполучить бесплатную услугу, жить и ничего не делать, да и получать вполне законные деньги. А в зоне бригадир обязательно их липовый наряд "закроет", а в конце и в середине месяца, они первые отоварятся в пищевом ларьке. Если им не хватит, достаточно сделать намек, и мужики тотчас удовлетворят их "просьбу". Насильно не отбирают, в "просьбе" отказать нельзя. Ведь они могут заступиться в случае чего. С их поддержкой безопаснее будешь себя чувствовать в любом уединенном или затемненном углу. Иногда блатные проводят провокацию, объявляют, что в твое дежурство дневальным что-то ночью из их тумбочки пропало. Это значит, что с отоварки нужно отдать на 2-3 рубля, а то и на десять по его заказу.

В середине лагерной иерархии находятся мужики. Это те, кто "бери больше, кидай дальше, пока летит отдыхай".

Есть еще "козлы". Это те, кто хочет услужить администрации. За услуги администрация нередко угощает тайком плиткой спрессованного чая. Пачка чая в лагере - драгоценный товар. Начальник капитан сам научит, как этот чай спрятать. Это все, конечно, "не за так". Доносчики администрации очень нужны. Но везде им плата одна. Ты нужен, как посуда для отстоя нечистот, а потом можно и выбросить.

Лагерь - это сложно устроенный и причудливый мир. Там человек калечится духовно и психически. Нередко

сходят с ума. В лагере наглядно видно, что такое первородный грех, и его последствия. Лагерь общего режима – мир волков.

Разговоры с лагерным начальством и осужденными

Буквально на следующий день после прибытия в лагерь, 9 октября, меня вызвал к себе в кабинет начальник шестого отряда капитан Юдин Эдуард Петрович. Я представился, и он предложил мне сесть, что было чем-то необычным. Началось знакомство конечно, с меня. Кто я? Чем занимаюсь? И так далее. Во время беседы не было с его стороны ни тени пренебрежения и высокомерия, что так часто наблюдается у лиц подобного ранга. Разговор был вполне резонный, голос ровный. Одним словом чувствовалась простая человечность. Расспросив меня обо всем, он сказал мне, что есть несколько вакантных мест на тарном производстве: загонщиком автомашин. А то бывшие и теперешние загонщики постоянно переправляют с Воли запрещенные продукты. На все это можно было бы закрыть глаза, а вот главное, что провозят - водку. Есть еще место нормировщика и дежурного пожарника. В конце он добавил: "Я Вас устрою, и Вы можете нам в этом помочь".

Беседа продолжалась минут двадцать. За это время Юдин несколько раз поднимался, как-то странно отходил от стола и опять садился. Можно было заметить, что этот сорокапятiletний капитан страдает нервным

расстройством. По натуре он был справедлив. Короткие, но остроумные шутки в адрес критикуемых звучали особо в его устах. Походка была легкая, подвижная, рост около метра семидесяти, лицо чистое. При второй и третьей встречи я заметил в нем странную забывчивость, но возможно здесь сыграла свою роль нервозность. Последующие наши беседы затягивались иногда даже до целого часа. Часто он спрашивал, что пишет моя сестра, как дела дома, как самочувствие, работа. Работает он в этой системе и в этой зоне уже двадцать лет! Видел много, немало пропустил через себя человеческих судеб. Все написанное в приговоре осужденного было для него неоспоримой истиной. Видно было, что он не любил шестерок и сам тоже не подхалимничал.

Когда я к нему обратился с вопросом, могут ли приехать ко мне на общее свидание не родственники, а просто знакомые, он ответил, что я должен написать заявление с просьбой о разрешении. Я таких заявлений написал два и отдал ему. В течение полутора месяцев никакого ответа я не получил. Здесь проявилась его забывчивость, и, как выяснилось позже, незнание "Положения о заключенных". Ибо таких заявлений не требуется, а свидания разрешаются. Здесь для меня загадка. Я продолжаю считать его человеком справедливым, но почему такие изъяны? Но надо учитывать состояние его здоровья. Он мог пообещать и не сделать.

На работе дела шли своим чередом. Часто после уборки столовой меня приглашали в каптерку

инструментального склада на беседу, где постоянными слушателями были Байрам Мехтиев, Смирнов Вовка и Абрамов Валерка. Их очень интересовал духовный мир. Они спрашивали, существуют ли привидения, можно ли с ними войти в контакт? Что будет после смерти? Несколько раз Вовка просил молитву "от зубов".

Недели две ходил с нами во вторую смену прапорщик Сережа, лет двадцати пяти. Очень часто приглашал меня к электрику Полетаеву, где он грелся. Здесь было, конечно, совершенно безопасно, потому что начальник сам контролер. В его задачу как раз и входило контролировать, чтобы все были на местах. Прежде всего, его интересовала философия, и часто, он записывал философские изречения в свой блокнотик. Он был холост и его, естественно, интересовало, какой должна быть жена, ее характер и вкусы.

Работа на таре

Так продолжалось до двадцать седьмого октября 1985 года. В это день через 30 минут как пришли мы на работу, вызвал меня вместе с бригадиром в свой кабинет начальник производственной зоны Курдюков. В его кабинете сидели две женщины. Он спросил меня, кто я на воле и по какой статье я сижу. Я ему ответил, он же с нажимом и повышенным голосом ответил:

- Это серьезная статья. С такой статьей - только на норму, и, обращаясь к Мехтиеву, повелительно приказал, - В конце смены доложишь мне о результатах его работы.

Я получил молоток и приступил к сборке инструментального ящика с обтяжной двойной металлической лентой по торцам. В этот день с помощью помощника бригадира я сделал только сорок штук, вместо пятидесяти положенных по норме. Вообще на выполнение задания давалось три дня, а отчитываться за норму надо было на четвертый. На следующий день я сам, без посторонней помощи сделал тридцать шесть штук, на третий - двадцать пять, а во все последующие дни - 35-40.

Тарный цех представлял собой длинный деревянный барак с заколоченными наглухо окнами, без пола, вместо него утрамбованная глина, с уймой перекосов и выбоин. На стеллажах идет сборка ящиков. Завозят на тару круглый лес низшего сорта, пилорама распиливает. От пилорамы пыльщики переносят доски в пыльный цех. Доски торцуют, а затем распускают на полосы нужной ширины и толщины, еще раз торцуют на детали под ящик. Затем каждый сам себе набирает материал, а кто сильнее физически, тот набирает первым. Мне и здесь повезло, я стал набирать материал с горластым мужиком Генной Коваленко. Он был немного моложе меня, но мог ответить полным набором лагерных выражений.

В цеху поддерживалась температура +3С - +8С центральным отоплением. Мерзли ноги несколько недель,

пока не выдали валенки. Гвозди приносили холодными с улицы, доски - тоже мерзлые. И все-таки для нас это было благо, по сравнению с трудом пильщиков. Станки 30-х годов, вся транспортировка вручную. Доски мерзлые, пилы водит то вправо, то влево.

Стоит напарнику-приемщику чуть ослабить хватку 3-4 метровой доски, как она летит снарядом в подкатчика. И смотришь, то там, то тут, скорчившись, стонет зек. То один, то другой стонет от удара.

В первый день работы я раз или два ударил по пальцам левой руки. А в последующие дни, словно магнитом притягивало удар молотка к разбитым большому и указательному пальцам. Кожа на пальцах высохла, покрылась глубокими трещинами. Разбитые пальцы долго не заживали. Я подошел к Мехтиеву, туда, где обычно мы собирались, и показал ему свои пальцы. Мне трудно было удерживать гвоздь пятидесятку, и я попросил его, чтобы он поставил меня на другую операцию, пока заживут пальцы. Гневно и грубо он погнал меня работать дальше. И я и дальше бил и разбивал пальцы, кровью печатая готовую продукцию.

Часто офицеры подходили к моим ящикам и пристально искали брака, или из-за спины группами наблюдали, как я бью гвозди. Бригадир Мехтиев, по всей видимости, под давлением администрации, упрекал меня, что я не выполняю норму в 50 ящиков. Сам же он появлялся только к концу смены. Его не интересовало, что часто

материала не хватало, и станки не работали. У него все одно: "Почему нет нормы?". Иногда он пугал меня, что проверочная комиссия собирается посетить мое рабочее место.

- Почему так мало сделал? - спрашивал он.
- Сколько мог, столько и сделал, - отвечал я.
- Ты как со мной разговариваешь?!

На это я замолкал. Прошло три недели, и я начал собирать уже 50 штук. Здесь Мехтиев успокоился, а то, вроде бы как в шутку, мог и в спину пихнуть, притворившись, что это не он.

Нередко смена казалась мне годом. Носим, носим доски, ждем и не дождемся, когда погрузят на машину бачки. Вот она, долгожданная показалась. Еще 20-30 минут и - ужин. Хоть чуть-чуть передохнуть. Мало того, что доски тяжелые, а тут еще и напарники последними словами поносят, да угрожают: "Морду расквашу, это тебе не бабушек обманывать!" Ко всему этому еще и мороз безжалостно обжигал наши лица. Закутавшись во все, что можно, только оставив щелку для глаз, ползаешь по штабелю в поисках нужных досок. Наконец часть шарфика, покрывающая рот и нос, превращается в твердый обледеневший комок. Сопли ручьем текут из носа. Многие обмораживали и руки и ноги, а в казармах отрывали от пальцев ног примерзшие портянки. Мне и здесь повезло, прошла беда мимо, обошла. Хоть в первую же ночь у меня

из-под койки украли носки, у меня было еще две пары теплых носков.

Так я и дождался святого вечера 24 декабря 1985 года. Я же в уединенном углу был на свежем воздухе, в духе молился со своей паствой. Не было ни слез, ни стона, было какое-то тупое безразличие. Как есть, так и должно быть. Ты знал, на что шел. Все время за решеткой я пытался не пропускать своих ежедневных священнических обязанностей. Если утром не успел, продолжал на работе или после работы, заткнув уши ладонями, сидел на шконке, мысленно произнося ежедневные молитвы наизусть, или ходил по казарме перебирая пальцами самодельные четки из хлеба.

В первые недели я удивлялся и возмущался тем, что в 9 часов вечера, после еды в столовой, каждый искал, чтобы такое пожевать, или хотя бы кипятку выпить. Сейчас я не только внутренне согласился с этим, но и сам был не прочь сделать тоже самое.

В последние дни декабря месяца на меня обратил внимание осужденный азербайджанец Мамедов из бригады, которая влилась в нашу. Он был блатной. Он отсидел уже пять лет и скоро должен был освободиться. Он часто меня приглашал к блатным во время работы, угощал чифирем, а главное, интересовался моей верой. Почему-то я ему импонировал. Видя мое положение, он подходил к работавшим со мной молодым ребятам и часто им повторял: "Не обижайте старого". Мехтиева он ругал за

грубость ко мне и говорил ему, чтобы он мне дал другую работу. Мол, сколько лбов молодых, а ты на старом выезжаешь. Авторитет у Мамедова был большой, и слова его не были напрасны. Мехтиев его побаивался, и, конечно же, многое исполнял, что тот ему "советовал". Мамедов переселил меня с верхней шконки на нижнюю. Он угощал меня со своей отоварки. Более всего его интересовала его будущая жизнь, женитьба, и он без конца задавал вопросы. Он много сделал для меня. Одно его слово было для шпаны законом. Многие блатные даже подходили ко мне и спрашивали: "Никто не обижает? Скажи, если что, мы переговорим". Однажды на работе меня отозвал в сторонку Мехтиев. Его, вероятно, подговорил Мамедов. Мы сели подальше от пилорамы на бревно, и он начал со мной откровенничать: "Ты не будешь больше работать." Впервые после восьмого октября он со мной по-человечески поговорил, совершенно в ином тоне, чем до того. Мехтиев вдруг неузнаваемо изменился по отношению ко мне. Конечно, не бескорыстно. Он попросил меня послать кого-то из шоферов в Новосибирск к моим знакомым с запиской от меня с просьбой достать хотя бы 300 рублей. Он обещал меня одеть с ног до головы и кормить.

- Когда такая возможность будет, я тебе скажу. Ты напишешь и передашь мне, - закончил Мехтиев.

Весь декабрь и половину января наш начальник отряда болел, и его замещал лейтенант Степанов, начальник четырнадцатого отряда. Наш отряд за это время перевели во второй корпус и подселили к первому отряду, сбив всех

нас в один угол в три яруса. Здесь завхозом был Володя Гарлач со сроком десять лет за то, что в пьяном состоянии наехал на человека. Он был нервный, грубый и недалекий умом. Однажды, когда он развешивал бирки на шконках, я подошел к нему:

- К Вам можно обратиться? - спросил я. Еще и последнего слова не договорил, как он схватил меня за шиворот и как игрушку толкнул от себя. Я ударился в тумбочку, стоявшую у шконки. Очнувшись я сказал:

- Издевательство не пройдет, - и ушел в клуб-столовую.

Он опомнился, послал вслед за мной своего семьянина (вместе ели), и тот отозвал меня в сторонку, извинялся за случившееся и обещал, что такого больше никогда не повторится. Когда я вернулся в казарму, он меня поджидал, потому что все еще не был уверен в своей безопасности. А беспокоиться ему было о чем. Он ждал комиссии на "химию", и если бы администрация узнала о его поступке, то могло все измениться.

Он спокойно говорил со мной около 30 минут. Рассказывал о своем горе, о своей семье, о троих ребятишках. Ему было только 34 года

31-го декабря я впервые "отбился" в продовольственном ларьке на десять рублей. Взял консервы "ставрида", маргарин (основное богатство и сало неволи), пряники. Ко мне пристал татарин Аюп (20 лет, 3 года тюрьмы):

- Давай будем вместе встречать Новый год.

Я согласился. Сам Аюп на Новый год не отоваривался. Он все мое забрал в свою тумбочку. Когда я на Новый год глянул, что еще осталось у Аюпа из моих продуктов, то удивился. Из десяти консервных банок осталось только три, пряников уже не было. Еще с другими зеками решили устроить складчину из четырех человек. Один дал 5 рублей, другой 6. В течении трех месяцев ни один из них не предложил ни одной конфетки. Сам я принципиально ни у кого ничего не просил, а конечно, очень хотелось, когда все вокруг что-то жуют. Теперь я был на виду у многих. Степанов назойливо выпрашивал то маргарину ложечку, что конфетку для чифиря. И другие, Высоцкий, Гришко чуть ли не на коленях просили, чтобы дал что-нибудь.

В этой казарме делалась уборка за уборкой. Пол мыли в девять утра, полдвенадцатого, в четыре часа после обеда и в семь вечера. Все это не ради чистоты делалось, а ради "рекламы" перед начальством. Гарлач не разрешал пользоваться швабрами, потому что увидел, что так делается у его друга по соседней казарме. Он переломал все швабры, и мы должны были мыть пол тряпками. Открытые места мылись нормально, а под шконками мыть было очень трудно.

Шестнадцатого января мы опять перешли в свою прежнюю казарму. Степанов меня вызвал к себе и прочитал "Правила для осужденных". Оказалось, что заявление с прошением разрешения общего свидания я писал

напрасно. Напрасно я ждал более двух месяцев разрешения. Я тут же написал письмо в Новосибирск, что общее свидание мне разрешено на второе февраля восьмьдесят шестого года.

Если я вначале вызывал какой-то интерес, то с моим уходом на норму я ушел в тень. Некоторые начали пренебрежительно относиться ко мне, обзывали меня по всякому. Говорят, что на стройке сквернословие процветает, но я там проработал семь лет, а выражений, подобных лагерным не слышал. То ли от переутомления, то ли от скудости питания ночью очень часто ноги сводила судорога. Нога ниже колена твердела, мышцы становились натянутыми как струна. Казалось, что вот-вот и оборвется от напряжения. Жгучая боль отгоняла сон и заставляла вставать с кровати. Я вставал среди ночи и топал около шконки. Так продолжалось от момента ухода на норму до февраля месяца 1986 г. В это время (с ноября) я ощутил странное явление. Моя кожа стала мягкой и гладкой, словно кожа пятилетнего ребенка. Одновременно с этим я начал ощущать боли сердца, которые усилились в январе. Иногда просто невозможно сердце ныло под лопаткой, словно сверлило себе дыру. После беседы с Мехтиевым я начал подвозить материал (доски) сборщикам в цех, иногда к торцовочному станку. Я перевозил доски в санях, размером с письменный стол. Мороз с едким ветром обжигал лицо, ноги дубели. Молодые парни, делавшие тоже самое, что и я, выглядели как семидесятилетние старики. Сгорбившись, они еле передвигались по

территории даже без груза. "Папаша, замерзаю, помоги, нет больше сил и никто не верит", - заикаясь от дрожи, говорил то один, то другой. Бригадир, как фашистский палач из кинофильма, погонял их палкой и со всей злобой лупил их по спине или голове. Они скулили от ударов как щенки, но не намного быстрее перебирали застывшими ногами и заоченелыми кистями рук. Я тоже не раз, тягая тяжелые санки, падал, а в голове как будто звенели колокольчики. Бока болели. Сердце, казалось, вот-вот пробьет лопатку и с левой стороны выйдет наружу. Когда падал, вспоминал падение Христа под крестом. Чтобы сократить путь, я часто проезжал мимо окон прорабки. Много раз Мехтиев говорил: "Здесь не ездят". Но я не мог понять, почему. Позже оказалось, что я раздражаю мастеров и начальство. Их злило, что Мехтиев дает мне "легкую работу".

Постоянными спутниками заключенного является недостаток витаминов, а также чесотка, зуд, вши, клопы. Ни лишения, ни решетка и даже изнурительный труд и голод так тебя не съедают, как очерстевшие души вокруг, злоба, исходящая от них. Нужно немалое время, чтобы по освобождении войти в нормальную жизнь. Нет ничего страшнее этой душевной пустоты. На нулевом уровне удерживает веру, чтобы не скатилась она еще ниже, непрерывная молитва. Молишься потому, что это твоя обязанность. Первые встречи с верующими на свободе, а, тем более, с братьями по священству сразу вызывали в душе произвольный вопрос: "А веришь ли ты? Верите ли вы, братья? Они не верят. Это лишь игра актера на сцене.

А есть ли Бог? Действительно, есть ли Он? Где Он?" пройдут месяцы, пока сознание прояснится, когда начнешь смотреть в лицо другого священника спокойно и без назойливых мыслей: "Он не верит, да и я - тоже артист, как все остальные."

Это неестественное состояние порождает чувство двойственности, разбитость сердца. Бесы визжат в уши: "Ты врешь всем окружающим, ты притворяешься агнцем, а на самом деле ты - волк, ты хищник, чужая боль тебя не волнует."

Как часто, прогуливаясь вдоль казармы морозными вечерами, я смотрел в небо, и мне хотелось стать птицей, и улететь куда-нибудь, далеко-далеко. Тело мое в тюрьме, но дух мой - свободен. Для духа нет границы ни во времени, ни в пространстве. Я могу свободно перемещаться в своих мыслях, воспоминаниях. Да, оставлено зеку только свободное небо. Улететь бы, хотя бы не насовсем, а не надолго, только чтобы утихли в ушах нечеловеческие истерические крики завхоза, брань. Только бы не видеть унижительного презрения к слабому и тихому. Только чтобы очистились глаза и не видели пинков и затрещин, чтобы не видеть гордости тех, кто на воле и гроша ломаного не стоит, а здесь поднялся за счет блатных, и называется их "сынком".

Вот, например, такой блатной "сынок" - шпингалет Масляников. Скольких он зеков, что в полтора раза его больше, пнул, толкнул, и заставил за себя работать. Да ведь

если этот униженный вдруг восстанет, развернется, да вмажет, от этого шпаненка блатного только мокрое место останется. Но этого никогда не произойдет, потому как затопчут восставшего чернофуфаечники. Поэтому стиснув зубы, как раб он все терпит, и безмолвно исполняет приказы своего "господина". А "господин" этот, хоть и палец о палец не ударил на работе, гуляет из цеха в цех, в конце месяца обязательно отовариться, а если не отовариться, то нахально выпросит в два раза больше. И что самое странное, администрация поощрит его "химией" за хорошее поведение и за соблюдения режима. А того, кто в поте лица ежедневно трудился, еще и накажут за недобросовестное отношение. Что же исправляет исправительно-трудовая колония? Наглец и лодырь - это пуп земли, а скромный работяга должен быть унижен? Что вообще этот работяга? Человек, или мешок с болтающимися внутри кишками, печенью, почками, нередко отбитыми?

Многие выжили в зоне благодаря животным инстинктам. Здесь растеряли совесть, здесь утратили человечность. Вот почему многие, освободившись, не возвращаются к домашнему очагу и вместо долгожданной родной двери опять приходят к этой, кованой, снабженной "телевизором" и кормушкой со знакомым унылым глухим звуком открывающегося замка.

Через несколько дней после моего ухода из столовой на ящики вызвал меня к себе Юдин и начал объяснять, что в связи с нехваткой рабочих он сам меня перевел на норму, и

никто из администрации сюда не вмешивался. Это явно была попытка "отбелить" начальника тарного производства Курдюкова. Но Юдин не должен был, пользуясь авторитетом "справедливого", с таким нажимом убеждать меня. Да и навряд ли сам он верил, что я так легко поддаюсь внушению. А может быть это было фактическим проявлением того "благодатного" атеистического воспитания, в котором он вырос в семье сельских учителей.

Строки из писем

Первое письмо я послал в Новосибирск 6 октября 1985 года, а второе к своей сестре. Поздравление к Рождеству я написал сестре, в Новосибирск и в Душанбе. Мне вернули назад четыре конверта с прикрепленной запиской:

Осужденный Свидницкий, я Вас предупреждал, что Ваша переписка будет ограничена. Перестаньте писать всему Советскому Союзу!

Начальник оперчасти Кузнецов (подпись)

Следовательно, я не имел возможности отвечать на все письма, которые ко мне приходили. Все это было не только глупостью со стороны начальства, но и нарушением закона. Нарушая закон, они давали повод к его нарушению. Лазейки нашлись сами по себе. Через освобождающихся я передавал письма на волю. Все это стоило немалых сил. Я забивался в угол. Кто-то подстраховывал, а я "как вор"

торопливо строчил письмо без обратного адреса - "проездом". Когда начальство вызывало меня к себе, я всякий раз волновался, что я буду отвечать, если они покажут мне мое перехваченное письмо? Справедлива пословица "на вору шапка горит". И ко мне доходили не все письма, как я узнал позже. Первое письмо я получил из Литвы от приятельницы - сестры Эммы. Открытка и несколько утешительных фраз. Каждое письмо было "лучом света в темном царстве". Я читал и перечитывал одно и то же письмо много раз. Это было для меня встречей с ближними и дальними.

Второе письмо я получил из Душанбе.

Niech będzie pochwalony Jezus Chrystus!

Дорогой наш отец Иосиф!

Приветствуем мы Вас любовью Господа нашего Иисуса Христа!

Примите чистосердечный земной поклон и сердечную благодарность за Вашу искренность и человеческую доброту, которой нас окружали, и за все то, чему научили. За все это пусть Вас щедро вознаградит Бог.

Нет большей боли, чем мысль о Вашей ситуации. И как больно страдать безвинно!

Но, дорогой наш отец, не отчаивайтесь.

Христос тоже страдал и терпел невинно; за добродетель и любовь к людям.

Надеюсь одарит Вас Отец наш небесный силой, здоровьем и терпением. Его благодать везде и всегда с нами.

Ваша боль стала и нашей ежедневной болью. Но будем надеяться, что исцелит Господь эту боль и сотрет всякую слезу.

Многое есть о чем сказать, но ... ждем ответа.

Спаси Вас Господи.

Привет от всех.

Сестра Валя Марцинкевич

19/XI-85.

Душанбе.

Письма поступали из Литвы, даже от незнакомых. Особенно много было писем под Рождество и Новый год. Вот они, эти полные силы и света письма.

Здравствуйте наш дедушка Иосиф Антонович!

Мы все живые и здоровые. Очень все сочувствуют, спрашивают о Вас, предлагают свою помощь. Везде молятся за вас. Даже те кто и не знал Вас, спрашивают. Мы верим, что Бог даст Вам сил перенести все это, Его крест, и вернуться живым и здоровым опять к своим.

Передают Вам привет наши ойцове и все знакомые.

С поклоном сестра и племянники.

Ноябрь 1985 г. Винницкая обл. п. Мурафа.

Laudetur Jesus Christus!

Только сейчас узнала Ваш адрес.

Надеюсь, что получите это маленькое поздравление.

В молитвах всегда вспоминаю.

Богу угодно было Вас одарить самой высшей наградой, да восторжествует Его слава, а сам Ваш пример, как любовь Бога и ближнего до полной жертвы. Чудный Младенец да обогатит Вас Своей щедрой благодатью.

Здоровья, духовной радости от всей души желаю Вам.

С уважением - Гета

1985. XII

Любимый Патер,

радуйтесь, потому что никто не в силах отнять счастья Рождества ни у Вас, ни у меня, ни у верующего народа...

Gloria in excelsis Deo et in terra pax hominibus bona volentus!

С любовью

Робертас Гирас

1986. Рождество.

Любимый Ксёндз

Воскресшего Христа!

Утреннее "Аллилуйя" пусть помогает Вам верить, что возвращается истина, которая сегодня за решеткой, что побеждает любовь, которую неволя закаляет!

С сердечным уважением

и благодарностью многие католики Литвы!

В своих молитвах и борьбе мы с Вами!

Христос воскрес!

И нам нечего бояться!

1986.III.23

Ширвинтос

п.Кяуляй.

Слава Иисусу и Марии!

Дорогой брат в Иисусе

Иозеф,

*Извините, что без официального приглашения
стучусь к Вам. Поздравляю Вас и шлю Вам самые
наилучшие пожелания. Будьте счастливы! А счастлив
человек не тот, который сам для себя счастлив, а тот,
который других счастливыми делает...*

*Мы все знаем, что солнце одно всем светит, и ветры
у всех бывают...*

Иозеф, всем, всем

Алелюя!

С уважением Дакуте.

Вилкавишкис 86.III.17.

С праздником!

Аушра (Заря) из Литвы

Панявежис, 1986 г.

Дорогой pr. Josef!

Поздравляю Вас

с Рождеством!

С днем рождения

и с наилучшим Новым Годом Вас

*Так да светит свет ваш перед людьми,
чтобы они видели ваши добрые*

дела и прославляли Отца вашего Небесного

Матф. 5.16

г. Душанбе

Браун Люда.

27-11-86

Уважаемый господин Свидницкий!

Поздравляю с праздником

Рождества Христова и с Новым годом

Желаю Вам хорошего здоровья

С уважением

Роланд Левик

ФРГ Председатель международной амнистии.

Слава Иисусу Христу!

*Патер, поздравляю Вас с Рождеством и днем
рождения, желаю Вам всего доброго, а главное хорошего
здоровья.*

Патер, видим Вас на алтаре, слышим Ваш голос, ждем Вас и благословения Ваших рук.

Дай Бог, чтобы Вы скорее вернулись...

Посылаю Вам открытку рождественскую, чтобы она Вам счастья принесла и привела вас опять к нам, в наш город и дом.

Низко кланяюсь, целую руку, пишете, как себя чувствуете. Лидия. Новосибирск.

Гелёбт зай Езус Христус.

Здравствуйте Патер Иосиф. Пишет Вам Ваш любимый Женя.

Живем мы нормально, учусь в шестом классе, хожу на музыку. Мама ходит на работу, а Вова в садик, по воскресеньям ходим в церковь. Будьте нам родным отцом. Вы знаете, что мы без отца. Жду ответа.

Ваш Женя. Июль 1986 г.

Новосибирск.

L. Je. Chr.

Многоуважаемый Отец!

Поздравляю Вас с Рождеством Христовым и Новым годом!

Желаем здоровья, спокойствия души и никогда не унывать. Младенец Иисус в Вашей жертве даст Вам необходимые благодати. Ежедневно во время розария вспоминаем о Вас...

Все знающие передают Вам свои поздравления. Осталось Вам совсем немного. Надеемся до скорой встречи.

Оставайтесь с Богом

Ольга 17.12.86. Павфер

Дорогой ксёндз Иосиф,

уже давно мы не маем никакой извести о Тебе. Мы очень беспокоимся. Как твое здоровье? Какие болезни Ты маешь? Какие лекарства ты потребуешь? Можно тебе посылку послать? На какой адрес послать письма? Уже 2 роки прошли от 17 мая 1985 г. Заботится кто-то Тобой? Подай его адрес!

Целим сердцем мы с Тобой

Твой Друг Томаш. 87 г.

Ксёндз Йосип Свидницкий

Проспект Мира 2. Новосибирск

Католическая часовня

Sovietunion von Munchen.

ZSRR Куйбышев

Новосибирской обл.

УФ 91/12 отряд 6/61

Свидници Юзеф

Serdeczne pozdrowienia

z zapewnieniem o pamieci i modlitwie pszysylaja

pszyjociele z Polski.

Мое письмо в Новосибирск, написанное еще из тюрьмы.

Слава Иисусу Христу!

Гелёбт зай Езус Христус!

Приветствую вас всех искренне и сердечно, прежде всего разрешите всем вам низко поклониться до земли за все ваши заботы и беспокойства в отношении меня. Чем же я отблагодарю вас всех за вашу память и любовь?

Бедны словесные выражения, чтобы хоть отчасти передать мою признательность всем!

Молюсь неустанно за вас, не унывайте и не падайте духом. Так должно было случиться, я это заслужил, такова Воля Всевышнего, и главное состоит в том, чтобы мы сумели выстоять, еще сплотить свои ряды. Умоляю вас, не откажите мне в моей просьбе - во чтобы то ни стало постройте все, что намечено осуществить. Ищите пристера!

Оля, дорогая сестричка, все сделайте от вас зависящее, чтобы Кирхе была построена. Я не мыслю себе дня своей свободы без новой кирхе. Что мне не удалось, завершить осуществите сами. Ни одного рубля не жалейте из моих денег, все отдайте, все продайте, а кирхе должна стоять в славу нашего Бога.

Передайте мой искренний привет всем, благословляю всех вас своей пастырской рукою. Обнимаю вас все - своих братьев и сестер, своих духовных чад.

Оставайтесь в Божьем благословении

7 июля 1985 года.

Ваш пристер Йозеф.

Политико-воспитательная работа

В зоне есть общественные секции, которые по замыслу их создателей должны активно помогать администрации во

всех областях ее деятельности, то есть в воспитании заключенного на работе и в казарме. Поэтому администрация старается занять чем-то заключенных, и даже придать "демократичность" их жизни.

Секция правопорядка (СПП).

Дается задание завхозу, чтобы в каждой секции было столько-то членов. Уговаривают. Зек пишет заявление на имя начальника колонии с просьбой принять его в члены. Он обязуется честно выполнять свои обязанности. Председатель СПП по колонии не работает, у него в подчинении председатели отрядов. СПП - это внутренние дружинники. Они следят, чтобы никто не ходил без строя по зоне, не ходили из казармы в казарму. Нарушителей записывают, записанное передают администрации, а уж она решит, что сделать. Лишат свидания, посылки, бандероли, отоварки - одним словом примут меры. Любое взыскание снимается только поощрением. При наличии хотя бы одного замечания уже не пустят на "химию". А кто же не хочет быстрее вырваться из этого ада? Поэтому и вступают без принуждения в ту или иную секцию. Это дает шанс получить хорошую характеристику. Вот, мол, исправляется, активно участвует в общественной жизни коллектива.

Все эти секции на 90% только фикция. В каждой секции от шести до десяти человек. У каждого председателя толстая тетрадка с расписаниями, графиками и планами на месяц, с отчетами о проведении того или иного

мероприятия. Председатель секции отчитывается перед начальником отряда, тот перед замполитом, последний перед начальником политуправления Новосибирской области и так далее вплоть до Москвы. Никто не хочет заниматься писаниной, поэтому бригадир поручает кому-то вести секцию СПМР (производственно-массовая работа), хотя делать это должен он. Такой работой я занимался два месяца, потом Мехтиев занялся этим сам.

Многое в зоне делалось для отчетности. Существовал, скажем, коллектив воспитателей, которые должны были один раз в месяц собраться в кабинете начальника отряда. Потом начальник сидел до поздней ночи и писал отчеты о проведенных "воспитательных мероприятиях в отряде", о "проведении заседаний", и о "намеченных планах". Это стоило Юдину немало времени, бумаги и чернил.

Меня агитировали сразу в СПП, но я отказался, но согласился в КМС и СОК (культурно-массовая работа и общественный корреспондент). Это означало, что я должен участвовать в общественной самодеятельности, писать заметки о жизни и работе в газету "Трудовые будни". Начал я писать с декабря 1985 года, а в течении 1986 года было напечатано восемь моих заметок.

С 15 января 1986 г. я оформился с разрешения Юдина на курсы в ПТУ-3 внутри зоны. Группа занималась с августа месяца, а я включился позже и попал в группу плотников. Во всем я преследовал цель показать на что способен верующий, а также хотел иметь право голоса. В зоне есть и

библиотека, которой заведует наш брат - зек. Общественные корреспонденты имеют право в любой момент посетить ее, в то время как остальные могут посетить библиотеку только строем и чтобы кто-то обязательно был старшим. Заметки мог заказать библиотекарь и замполит, который был и цензором. В заметках должна была присутствовать также критика, но я обходил ее всегда. Это были безобидные призывы осознать свои ошибки или статьи "вообще", иногда стихи по поводу праздника, например:

Новый год

Тридцать первого числа

В зимний месяц декабря,

Вечер-пир у нас большой,

Старый год мы на покой

Провожаем всей семьей.

Приглашаем всех: придите,

Старца с нами вы почтите,

Дед Мороз к нам подойдет,

Всем подарки принесет.

"Что вас ждет" - на сей вопрос

Вам ответит Дед Мороз.

В конце пира - хоровод
К нам желанный гость придет,
Ему имя - Новый год.
Мальчик чудной красоты,
Он исполнит всех мечты
Всем довольны будем мы.

15.XII.1985 г.

Зима

Закончила осень свой день трудовой.
Для нив и полей - час покоя.
Спешили деревья раздеться скорей,
Надолго уснут они стоя.

В сером небе заиграл хоровод
Снежинок полет мириад.
Застыло как будто течение вод,
Укрывшись морозным нарядом.

Все тоном единым покрыто кругом,
Земля - кормилица, спит, отдыхает,
Пушистым и белым укрывшись ковром.
Сил новых к весне набирает.

Березы стоят и мечтают во сне
О жизни, тепле и о поле,
Людям желают добра по весне,
Плодами обильное поле.

16.XII.85.

День Советской Армии.

Двадцать третье февраля -
День Армии и Флота
Отмечает вся страна
С особою заботой.

Тебе, овеянная славой,
Желаем много славных лет.
В день рожденья твоего

Тебе наш, Армия, привет!
Многократно наш народ
Избавила ты от бед,
Как горные потоки вод -
Тебе столь славы и побед!

Статья за август 1986. "Трудовые будни".

О тех, кто рядом

НАСТОЯЩИЕ АКТИВИСТЫ

В нашем отряде немало добросовестных производственников и хороших общественников. Но даже среди них выделяются своей активностью двое - Сергей Смолин и Сергей Москалев. Обоих отличает корректность поведения, внимание к живущим рядом.

Смолин с первых дней пребывания в учреждении не стал отсиживаться за чужими спинами, а включился в общественную жизнь. И не случайно вскоре его выдвинули на пост председателя секции производственно-массовой работы. Время показало, что выбор сделан правильно. С приходом нового руководителя деятельность секции оживилась. Активисты стали проводить регулярные рейды и проверки рабочих мест, выяснять причины невыполнения плановых заданий.

Как правило, результаты проверок всегда находят отражение в радиожурнале "Трудовой ритм". Кстати,

Смолин был одним из его создателей, да и сейчас является самым активным членом редколлегии.

Находится время у общественника и для помощи совету библиотеки. Довольно часто он участвует в создании литературно-музыкальных композиций для тематических вечеров, проводимых советом библиотеки.

Большую общественную нагрузку несет и С.Москалев. Он является председателем секции культурно-массовой работы отряда, членом стенной газеты "За честь отряда". Помимо того, в свободное от работы время взялся оформить комнату политико-воспитательной работы. Скоро ответственное задание будет выполнено.

Остается добавить, что и Смолин и Москалев никогда не выделяют себя среди других осужденных. Наряду со всеми они соблюдают правила внутреннего распорядка, выполняют хозяйственные работы. Собственно, так и должны поступать настоящие активисты.

И. Свидницкий

общ. Корр.

Октябрь 1986

СТАРАЮТСЯ БЫТЬ НА ВЫСОТЕ

Осужденные нашего отряда, где начальником В.Б. Концевич, отнеслись к работе в третьем квартале серьезно, как и в предыдущем.

Основной участок у нас - пилорама. Здесь надо уметь работать быстро, четко, качественно. И при этом строго соблюдать правила техники безопасности. От работы пилорамщиков зависит норма продукции многих других бригад, что хорошо понимают В. Лебедев, А. Чешкин, А. Сальников, С. Шутов и С. Гришков, чья слаженная работа заслуживает особого внимания.

Также неплохо потрудились звенья тарного участка и столярки. Многие не только выполняли норму выработки, но и заметно перевыполняли. Здесь можно отметить таких производственников, как В. Калугин, П. Тавьенко, В. Тараканов, С. Брюханов, А. Монич, С. Компикей.

Иногда в работе приходилось испытывать определенные сложности, и тогда многие осужденные, среди которых А. Кондратьев и Н. Лукин, не оставались в стороне, за что были поощрены.

Многие из отряда учатся в школе и ПТУ, активно участвуют в общественной жизни колонии. Поэтому не случайно, видимо, в коллективе стало меньше нарушений режима отбывания наказания.

Быть на высоте постараемся и впредь.

И. Свидницкий.

Общ. корр.

(Начальник учреждения

В.Я. Худяков)

Действуют с подачи замполита и клубы "Меридиан" и "Патриот", да что толку? Иногда очень интересные выступления бывали пришедших с воли. Да и наш самодеятельный тюремный хор неплохо пел. Да все делается по принуждению. Если бы не приводили строем слушателей, то только стены слушали бы выступления. Что по принуждению, то не интересно. Но отчет о проделанной работе ведется. Несколько раз говорил я замполиту про это, но ничего не менялось. Мороки много, головой соображать надо. Зачем все это, когда и так сойдет?

Зоркий глаз дневального следит за каждым движением за окном. Стоит офицеру повернуть в сторону казарм, звучит команда:" Атас, менты!" Все окна казармы покрашены, чтобы дневальный не следил за офицерами. Удивительно, что тот, кто приказал покрасить окна, не смог сообразить, что у зека множество выходов из положения. Покрашенные окна не преграда. Достаточно иголкой в углу царапнуть - вот и готова незаметная щель для наблюдения. Зона есть зона. Колючая проволока придает контролерам, сотрудникам штаба и окружающей хозяина зоны элите уверенность. Ты только попади им под горячую руку, сразу

загремишь в "угол" (ШИЗО - штрафной изолятор). Там будешь заниматься физкультурой в обязательном порядке, чтобы не замерзнуть.

Первое свидание

Итак, наступил долгожданный день общего свидания - 3 февраля 1986 г. Я все перестирал, почти всю ночь не спал, все готовился. Утром в десять часов вызвал меня шнырь (посыльный) зоны в штаб зоны, расположенный в пятидесяти метрах от нашей казармы. Солнечное морозное утро. Мы, собранные со всех отрядов, простояли в коридоре около 40 минут, когда, наконец, прапорщик вывел нас, построил по десять человек и повел "на свиданку". Мы вошли в ту самую дверь, через которую нас 6 октября ввели в зону, повернули вправо. В маленькой комнатке мы разделись, выложили все из карманов, и в тапочках нас вывели в комнату, разделенную стеклянными рамами. По обе стороны стеклянной стенки были размещены столики, стульчики и телефонные трубки на столиках. Мы сели. Мое место было в самом конце комнаты. Через пять минут запустили с другой стороны стеклянной стенки наших посетителей. Первой показалась в дверях Лидия, а за ней - Оля. Впереди сидит дежурный у пульта с телефонной трубкой в руке. Он поочередно прослушивает наши разговоры. Первая радостная весть для меня - церковь построена, хоть власти все время "стояли над душой". Стройку завершили за два месяца - август и

сентябрь 1985 года. Недоумевало начальство, нервно чесал седую голову уполномоченный Николаев и бросал упрек работающим прихожанам: "Мы знаем, что он из тюрьмы дает вам свои указания, он вами руководит." Раньше он мне говорил, что мы никогда не построим церковь. "Хватит вам и нескольких метров, и успокойтесь". Подумать только, обошли и перехитрили его! Напрасно он требовал от меня объяснений, почему вблизи центра купили дом. Бедный, он предлагал нам другие места и "лучшие" условия. "Только не здесь!" А теперь... на тебе! Слава Богу! Первая победа на нашей стороне!

- Теперь срочно ищите патера, чтобы не остывали вера и дух, чтобы сохранить ритм духовной жизни.

Два часа протекло незаметно. Вольные удалились, а нас проверяли до последней ниточки, чтобы мы что-нибудь не пронесли в зону со Свободы от посетителей, хотя за нами постоянно следили два-три контролера. Иду со свидания, и легко, и тепло, и весело. Хоть остался без обеда, но что там обед! Этого не заменишь никакими яствами. Заряд бодрости на многие дни, как аккумулярованная энергия, будет питать меня.

Санчасть

В середине января я обратился к врачу с болью в сердце. Неделю делали мне уколы и давали таблетки, но боли не уменьшились. Через неделю после свидания я опять пошел к врачу. На сей раз мне повезло. Только что

устроился на работу новый врач и еще не пропитался лагерным духом. Он тщательно обследовал меня и сделал заключение: "Предынфарктное состояние, истощение". Меня положили в санчасть. Давления низкое, ноющие боли в сердце, и сил нет. В последнее время очень голодно. Пройдет час-два после обеда, и опять хочется есть. В столовой санчасти творилось то же самое, что в общей столовой. Зеки вбегают, хватают хлеб, стараются горбушку отломать от булки. Считается, что горбушка толще, чем остальное. Затем разливают себе чай. Первые льют по полной кружке, а остальным "не хватило". Раздатчик старается налить себе побольше и погуще, остальным - бульончик. Воруют кусочки рыбы, обделяют молоком. Мне, как старому, доставалось даже больше, чем положено. Я отказывался от лишнего, брал только столько, сколько мне по норме положено. Остальное в палате отдавал "обделенным". Здесь можно было вволю поспать и более-менее нормально поесть. Все-таки каждый день 25 грамм масла, полкружки молока. Так что за месяц можно было вполне поправиться. Из всех врачей мне запомнился рентгенолог, капитан Старовойтов (около 35-37 лет)

- Свидницкий? Ты поп, да? Советская власть тебе не нравилась, ты и здесь свою пропаганду ведешь. Почему же Бог тебя не излечит? Что ж ты к врачам обращаешься? Он же все может.

Пока меня просвечивал, все причитал, как бедная вдова над умершим мужем. Это - стандартный тип большинства работников административных и

воспитательных органов. Отсутствует здравый рассудок и логика. Отсутствует даже любопытство и простая культура общения. Эти реплики мне знакомы со школьной скамьи. То же самое было в армии, на работе и в институте. Тем более, в годы священнической деятельности.

В это самое время начальником санчасти был некто Аксенов. Просто нормальный человек. Он почему-то был даже уж слишком откровенен со мной. Рассказывал о своем прошлом и открывал свои планы на будущее. Перед выпиской из санчасти он по моей просьбе поставил меня на усиленный паек на весь март. В апреле я пришел с той же просьбой, но у Аксенова был Старовойтов, и он мне сказал: "Ты выглядишь нормально, не болеешь. Я ставлю только ослабевших и больных".

С этим я ушел. Когда заготовик сообщил мне, что я на усиленном, я не поверил, подумал, что он ошибся. Сам проверил - действительно. Последующие месяцы Аксенов меня встречал на улице и спрашивал: "Поставить тебя на усиленное?" Итак ставил меня на усиленное питание до июля месяца, пока не уволился. Дело не только в этом усиленном пайке, а в человеческом отношении, разговоре. Последний раз он меня встретил около библиотеки. Минут двадцать говорили. Он произнес:

- Мне надоела колючая проволока. А - врач. Я должен быть вежливым и сдержанным. А я могу даже заматериться. Человек здесь деградирует. Я отсюда и, вообще, из этой системы, уйду.

Борьба за жизнь

Я окреп на усиленном питании. В это время я делал винные ящики. В первый день я сделал 6 ящиков, при норме 45. Через неделю - 18, потом - 25. Я так надеялся, что за март Мехтиев мне хоть что-нибудь закроет, но, увы, всего 3 рубля 3копейки Я надеялся потому, что весь март отдавал Мехтиеву молоко. В начале апреля он мне обещал, что хорошо закроет в апреле. На этот раз он сдержал слово. Надо сказать, что после разговора на пилораме Мехтиев ни разу не поднял на меня голоса. Весь май я делал винные ящики, но больше 38 сделать не мог. Это забитых гвоздей - 2500-2800. Весь июнь мы собирали "химку" (тару для химической промышленности). Норма: 225 ящиков на пять человек. Трое подготавливали, а двое собирали. Собирал обычно я с Моничем или Калугиным. Не считая того, что нам надо "зарядиться", составить ящики, нарезать куски металлической ленты на восемь уголков, каждый из нас должен был забить 2150 гвоздей за семь часов, чтобы выполнить норму. То есть, готовый ящик для 20-литровых бутылей кислоты, должен был быть изготовлен за 50 секунд. Норму выполняли постоянно. Но в конце смены ходишь, как будто тебя по голове ударили. Чтобы сохранить темп, гвоздь необходимо было забивать с одного удара. В мае месяце сменился начальник отряда. Август и сентябрь я сбивал штакетник секциями по три метра длиной, а наша норма была 120 метров в день каждому. В ноябре меня поставили на станок округлять головки-днища под ящики голландского сыра. Здесь работать было куда лучше. Не

надо было бегать на перегонки за материалом. Здесь сборщики приносили головки и надо было делать из них круг. От того, насколько быстро я работал зависело время моего "перекура". Прошла неделя-другая и продукция каждую секунду отлетала от станка. С лета мою работу заметили как в бригаде, так и в администрации. На вопрос замполита я всегда мог ответить:

- Норму выполняю.

Хотя сердце временами ныло (от поднятия тяжестей или от вибрации пилы), но таких сильных болей, как в начале года не было. Я втянулся в работу. Новый завхоз Смоляк ко мне относился хорошо. В конце июня он, уходя на свободу, "передал" своему сменщику такое же отношение ко мне.

С октября месяца что-то больше обычного начали интересоваться мною прокуроры по надзору. Один раз в месяц обязательно вызовут в штаб. Все их интересовало, чем я буду заниматься после освобождения, что я и кому пишу, что пишут мне, как мое здоровье, как справляюсь с нормой и т.д.

К этому времени я уже сдал экзамены по трем курсам: мастер строительства, плотник, стропальщик. С сентября месяца я пошел на курсы "штукатур" и "каменщик". Преподаватели недоумевали: "Зачем тебе это?" "Чтобы время даром не терять", - отвечал я.

Зеки мне верили теперь гораздо больше, потому что убедились, что я на них не доношу. Смирнов Володя даже сказал мне следующее:

- Мы тебе верим. Мне майор Каравозов (зам начальника колонии) сказал: "Только попробуй помочь Свидницкому, сразу ответишь за все свои грехи."

А грехов у Смирнова и его друзей было много. Они отлынивали от работы, одевались и питались с Воли. Все это не могло не быть незамечено офицерами.

В конце июня я сидел в учительской ПТУ и заполнял аттестаты нескольким группам, закончившим курсы. Вдруг меня срочно вызвали в кабинет начальника оперативной части, где я был уже седьмого октября 1985 года. Я шел, а сердце бешено билось. Хотя я ничего за собой не знал, но все могло случиться. Ложный донос - не редкость. Степанов уже на меня доносил. Он мог сплести целую легенду, что я мол "агитирую на работе", что "занимаюсь антисоветчиной". После проверки его доносы не подтверждались. Когда я зашел в кабинет, то увидел, что там сидел капитан 36-38 лет со спокойным и умным, довольно приятным лицом с хитрым выражением глаз. Он предложил мне сесть и представился: "Барсуков".

"Значит того (Кузнецова) выгнали, этого поставили," - подумал я.

Барсуков отдал мне все задержанные письма за исключением тех, что были написаны на нерусском языке.

Он сказал мне, чтобы сегодня же написал всем, кому хочу, что они могут писать, но только по-русски. В процессе беседы он добавил, что его кабинет всегда для меня открыт. Это был знакомый намек. Потом Барсуков спросил:

- Если бы Вам представилась возможность дать интервью иностранным корреспондентам об исправительной системе, что бы Вы сказали о нас?

Я ответил ему так:

- А что изменится от этого интервью?

В середине октября начальник отряда подписал мне разрешение на общее свидание 17-го и 18-го ноября. Когда подошел срок свидания, оказалось, что тем, кто работал хуже, чем я, и не нес никакой общественной нагрузки, дали три дня личного свидания. Я обратился к начальнику отряда с просьбой добавить один день. Он согласился, но решать должен был начальник колонии. Последний посмотрел на мое прошение и вместо того, чтобы добавить день, вычеркнул один. Я решил сам выяснить почему. Начальник принял меня.

- Гражданин начальник, я выполняю норму на работе, выполняю много других поручений, как председатель СКМ, член совета коллектива отряда, учусь в ПТУ, я корреспондент, участник художественной самодеятельности. То есть я делаю именно то, за что ратует администрация. И вот Вы лишаете меня одного дня личного свидания с сестрой. Я считаю это наказанием для себя.

- Нет, это не наказание. Вас не за что наказывать. Просто у нас нет возможности. Если бы все осужденные были такими, как Вы. О вас хорошо отзываются и контролеры и прорабы. Так что к вам у нас претензий нет.

Хотел меня убедить, что я для них такой же, как и все. Но он меня не убедил в этом. Когда меня вызвали на свидание, я, в отличие от других, должен был целый час ждать в другой комнате. Раздался звонок, и начальник говорит мне:

- Свидницкий, почему Вы так себя ведете?

- Я не понял, в чем дело?

- Почему сестре не написал, как положено себя вести?

- Я в письме ей написал.

- Она обманывает, что у нее документы с деньгами украли. А оказалось, что она спрятала 22 рубля, потом призналась. Я могу Вам вообще не дать свидания за ее такое поведение.

- Гражданин начальник, как решите, так и будет. Я ничего от Вас не требую, все в вашей власти.

- Только уважая возраст сестры, ее состояние здоровья, разрешаю на одни сутки свидание. Идите.

Выяснилось, что деньги и паспорт у сестры действительно украли, а когда она стала шуметь, то ей все вернули. Если бы паспорт не нашелся, то свидания бы не было.

Меня полностью переодели и отправили в комнату №3. Мне навстречу вышла сестра, заплаканная и изнервничавшаяся. На столе лежали разрезанные пополам луковицы (5 кг), кастрюля домашней тушенки, батон за 22 копейки, 6 кг сахара, 2 кг картофеля, 3 кг масла, четверть получерствого серого хлеба, литровая банка клубничного варенья, 3 кг сала.

-Зачем все это и кому?!- спросил я ,- Выставка неплохая, но не для тюрьмы. Здесь бы баночку сметаны, бутылку кефира, пачку масла. Пол-литра тушенки вполне бы хватило. Захотелось повозить и поносить полные чемоданы?

Когда я уходил на свидание, мой сосед Сережа из Барабинска сказал мне:

- Сообщи своей сестре адрес моей матери, и что лишнее будет, пусть ей отнесут. Я на днях освобождаюсь. Все оставленное перешлю тебе в зону.

Я так и сделал. Оказалось, что этого Сергея перед освобождением опер Барсуков вызывал к себе, чтобы тот, пока еще в зоне, сделал Свидницкому "мешок". В тюрьме встречаешь людей, которые, пока в камере - друзья. Годами последней конфеткой делятся, а освобождаются, так словно их подменили. Как пересек ворота, так забыл, где час тому назад был. Так и этот Сережа. Заверял, обещал горы, а дал дырку от бублика. Ничего он не переслал.

В ноябре 1986 года наступили сильные морозы. Мороз обжигал лицо, хватал за ноги, скручивал пальцы рук. Ко всему этому еще и ветер наказывал нас. В конце последней декады ноября мне сказали, что на мое имя пришла бандероль из-за границы. Но вручить мне ее не спешили. Через восемнадцать дней Каравозов отдал мне длинные шерстяные теплые носки. Прокурор по надзору, который вызывал меня на беседу в сентябре, в октябре предложил написать письмо на Запад с "опровержением". За это мне обещали досрочное освобождение. Вот и в ноябре снова вызвал. Вызвали меня с работы.

-Пойдем, сейчас вернешься.

Я все оставил и пошел. Если не вернусь, то назавтра все пропадет - и материал и инструменты. Иду и бурчу себе под нос: "Чего они опять от меня хотят?".

- Свидницкий, срочно в прорабку.

- А я вернусь в цех?

- Там скажут. Вызывают в штаб.

- Надоели со своим штабом.

Кабинет начальника зоны. Ого, сколько их тут! Каравозов, замполит, прокурор.

- Здравствуйте, осужденный Свидницкий....

- Садитесь, Иосиф Антонович, - прерывает меня прокурор, указывая на чистенький стул.

- Извините меня, но я ведь в грязном. Разрешите стоять.

- Ладно, - кивает прокурор.

Передо мной серьезный мужчина, чернявый с сединой, густыми волосами, ростом метр семьдесят, нормального телосложения, медлительный, моего возраста.

- Как жизнь молодая? – ухмыляясь, спрашивает майор Каравозов.

- Нормально, - отвечаю я.

- Как работа? - левой рукой поправляет очки замполит.

- Норму выполняю ежедневно не ниже 110 %.

- Вам, Иосиф Антонович нельзя опускаться. Что это Вы? Зубы не чищены, не побрит, - говорит прокурор, - Осужденные не обижают?

- Нет. Иногда один-другой скажет обидное, но большинство уважает.

- В отряде вашем магеранят, махли наводят, вымогательством занимаются, воруют друг у друга? - спросил Каравозов.

- Я не видел. Таких случаев не знаю.

- А вот завхоз Афанасьев ежедневно в каптерке с друзьями консервы с воли жрет, сало и молоко, - продолжает Каравозов.

- Я всего этого не видел, а поэтому ничего насчет Афанасьева сказать не могу.

- Ну ты же видел, что ему носят в каптерку осужденные после отоварки? Один рыбу, тот повидло, тот чай.

- Нет не видел.

- Значит уменьшились преступления среди осужденных, если судить по твоим словам, - сказал замполит.

- Конечно, если не фиксировать нигде, - ответил я.

- Какие у Вас вопросы к нам, Иосиф Антонович? - спросил прокурор.

- Здесь находится почти вся администрация. Скажите пожалуйста, по какой причине меня до сих пор с июля месяца не поставили на улучшенное питание? Нас десять человек писало заявление, всех поставили, а меня нет? Потому обошли, что я священник? А ведь не все работают так, как я. Какие у администрации ко мне претензии? Свидание мне не положено. Директор ПТУ дважды за успеваемость подавал на поощрение - и ничего. Председатель СКК насколько раз подавал на поощрение - тишина.

- У нас к Вам претензий нет. Вами довольны мастера и прорабы, - говорит замполит.

- Мы Ваш вопрос рассмотрим и решим, - говорит прокурор.

- Вы решите, только не в мою пользу. Когда от меня администрации что-то нужно, то я всегда беспрекословно, а когда мне...

- Вам же Бог помогает, зачем Вам дополнительная помощь: - прокурор.

- Я требую не более того, что мне положено, и чем пользуются другие. За что переписку ограничивали столько месяцев?

- Сейчас ограничений нет? - спросил прокурор.

- Нет.

- У Вас были нарушения, я смотрел в деле.

- Гражданин прокурор, неужели открытка на польском языке и на немецком, свободно лежавшая на видном месте в моей тумбочке, это нарушение режима?

- Нет, потому что все равно все проходит через цензуру, - говорит прокурор.

- Значит, меня без вины наказали и лишили свидания восьмого июня, - говорю я.

На это никто ничего не сказал.

- Как объяснить, что Бог все видит и все может, все заранее знает. Он знает, кто пойдет на преступление и попадет в тюрьму. Зачем Он это допускает? - философствовал Каравозов.

- Человеку дана полная свобода выбора. Иначе он не был бы подобен Богу.

- Как ты считаешь, Иосиф, если бы мы были в семинарии, нас смогли бы убедить, что есть Бог? - Каравозов.

- Все зависит от намерения человека, от его объективного отношения к данному вопросу. Если вы задались бы целью на белое говорить, что это черное, то никакого бы результата не было.

- Как можно верить, если святые отцы такое творили, что уму не постижимо, как написано, например, в "Итальянских новеллах" и "Святом Вертепе"? - спросил замполит.

- А разве в вашей партии нет случайных людей?

- Ваши братья по вере нарушают наши законы, - замполит.

- А сколько случаев описано в нашей прессе, что невинно посадили, а спустя два года оправдали, как невинного?

- Вас осудили правильно.

- А зачем прокуратура собирала заведомо ложные показания против меня, разве правды не хватило? Скажите, пожалуйста, гражданин замполит, почему, если мы нарушаем, нас сажают, а вот чтобы за атеизм посадили, я такого не помню. По советскому законодательству общину

должны зарегистрировать в течении месяца. "Власти, - сказано в законодательстве, - препятствующие регистрации религиозной общины нарушают советский закон", почему никого не посадили за то, что католиков в Томске двадцать восемь лет, а в Новосибирске семнадцать лет не регистрировали?

- Не знаю, - ответил замполит.

- Чем думаете заняться после освобождения? - спросил прокурор.

- Вернусь к своему служению.

- Вас будут ограничивать власти.

- Я не подчинюсь никакому ограничению, буду судиться.

- С кем? С Советской властью?

- Вы лично еще не Советская власть, а с личностями можно судиться. Я священник и таковым останусь.

- Вы же проходили атеизм, неужели даже сомнений он у Вас не вызвал?

- Нет. Ваша антирелигиозная пропаганда имеет низкий уровень. Читаешь иногда статьи и удивляешься, пишет ее вроде бы грамотный человек, а все рассчитано на несведущих детей. Больно и стыдно становиться, что нас так дешево ценят. Если религия тормозит творческую активность личности, то почему существуют верующие ученые и деятели искусства?

- Мы проходили по цехам, проходили и мимо Вас, Иосиф Антонович. Я видел, как интенсивно Вы работаете на пиле. Даже страшно смотреть на такую скорость. Я дал распоряжение начальнику тары и вашему отрядному, чтобы сняли Вас с пилы и поставили на ящики. Там Вам будет спокойнее, а то, чего доброго, без рук останетесь. Сколько случаев в Вашей бригаде за этот год! Ну, у нас все. Вы свободны, Свидницкий. До следующей встречи, - закончил важно прокурор.

- Разрешите идти?! - произнес я четко, словно девятнадцатилетний солдат.

- Идите, - сказал Каравозов.

- До свидания, - Я повернулся на 180 градусов и пошел к выходу, держа шапку зечку в правой руке. Иду по коридору и как-то легко, словно сбросил с себя давно тяготевший на мне груз. Я сказал им то, что должен был сказать. Нечего мне перед ними молчать.

Замполит Константин Иванов сегодня ни разу не улыбнулся. Гордый человек. Слишком ценит свое звание и пост. Создает о себе мнение. По его заказу пишут о нем корреспонденты в "Трудовых буднях". Редакция газеты "пропагандирует опыт политико-воспитательной работы в учреждении, замполитом которого является К. Иванов".

Вскоре замполит организовал клуб выходного дня "Атеист". Каждый воскресный день, после дневной проверки в 11 часов брали из каждой бригады три пятерки,

и - вперед. Завели нас человек 50 в класс, зашли учитель в очках и учительница по химии. Разложили на столе свои записки и начался урок. Учителя разъяснили нам, что занятия будут очень интересными, что они нас просветят последними научными достижениями. Наконец нам прочитали брошюру, как церковники придумывали чудеса, чтобы одурманить простой народ. Хотя зеки народ подневольный, все же с этого занятия многие самовольно ушли, другие отпросились. Их уговаривали:

- Вы сами увидите, как обогатится ваше атеистическое мировоззрение.

В одно декабрьское воскресенье сосед по шконке рассказывал своим "семейным", что он встретил своего земляка, с которым провел детство, его поставили сейчас председателем СКК (Совет коллектива колонии). Раньше он был начальник ДСК в Новосибирске. Я прислушался. Один ДСК, который я знал и где бывал, находится недалеко от нашей церкви в Новосибирске на улице Горбатко. Я отправился к новому председателю СКК.

Вглядываюсь в лицо и узнаю Витю Лапуценко, вспоминаю наши встречи в ДСК, где я заказывал плиты, перекрытия, блоки, бетон. Это он. Вместо правого глаза - протез. Высокий рост (180 см). Я знал, что он слишком "смело" действовал с бетоном. Только один раз заказал у него, а потом отказался от дальнейших сделок. 18 ноября 1984 года, когда я взял у него один самосвал, я сказал прихожанке Ольге Штро:

- Больше у него не заказывайте. Влетим вместе с ним. У него документы фиктивные. Будет так делать - попадется.

- Витя, - начал я, - ты помнишь, что к тебе приходил священник католической церкви с Ольгой Яковлевной насчет ребристых плит, блоков?

- Да, конечно.

- Неужели ты не узнаешь меня?

- Так это ты?!

Витя вскочил, прижал к груди, повторяя в восторге слова: "Вот, даешь! Вот где встретились!"

Договорились, что наше знакомство останется в тайне.

- Да, Ольга Яковлевна чистейшей совести человек, я ее очень уважал. Она порядочная и честная женщина, - с улыбкой продолжал он, - вот скоро у меня личная свиданка. Обязательно расскажу жене.

Лапуценко закончил юридический и строительный институт. Его бабушка в юности уехала из Жмеринки в Сибирь. И вот ее потомок сейчас - сибирский каторжанин. Нынешняя должность Лапуценко была на первый взгляд завидной. Но для меня - лучше ящики колотить, чем ежедневно отчитываться у начальства. Если не угодишь начальству - разжалуют. А на ящиках - уж не ниже и не выше... На ящиках хорошо, если бы не надо было драться за материал. Я набил себе руку, могу гвоздь загнать за секунду. Иногда даже приятно становится, если сделал

норму первым. Посмотришь, как Александр Кондратьев "штампует" - диву даешься, что можно так быстро орудовать и левой и правой.

Слава Богу, работа спорится. Когда нет материала, я не сижу, а хожу и собираю дощечки из мусора, торцую и клепаю головки. Вплоть до нового года я ежедневно был впереди всех. Само начальство зачастило к моему стеллажу. Одни постоят и ничего не скажут. Другие молодцом назовут. Даже начальник тары Андрей Иванович Гаас спрашивает, не представить ли меня на комиссию на УДО. Мастер Петрович частый гость, он откровенно говорит мне, что в прорабке меня хвалят за работу. Так оно и должно быть.

Ветер свободы

Шел январь 1987 года. Мы в ПТУ готовились к экзаменам.

"Трудовые будни"

№ 3 (362). 23 января 1987 г.

В школах и ПТУ

СОСТОЯЛСЯ КОНКУРС

Недавно в группе каменщиков нашего ПТУ прошел конкурс на звание лучшего учащегося. Собранными были предложены не только теоретические вопросы, но и практические задания, предусмотренные учебной программой.

Авторитетное жюри в составе мастеров производственного обучения П.С. Буржака, А.А. Ботяева и С.И. Коновалова признало победителем И. Свидницкого. Он лучше других прошел все этапы нелегкого испытания, продемонстрировав незаурядные знания и практические навыки. Второе и третье места соответственно заняли В. Фелюшов и А. Мишаткин.

Р. Вагапов

общ. корр.

(Начальник учреждения

В.Я. Худяков)

Руководителем нашей группы был Петр Степанович Буржак. По годам он был пенсионер. 18-летним он уехал из Ивано-Франковской области на целину. Был шофером, комбайнером. Закончил Новосибирский техникум и стал преподавателем. Его дядя был греко-католическим священником. Человек он спокойный, мягкого характера, сочувствовал любому и готов был помочь. Он поставил меня старостой группы, и все делал, чтобы меня каким-то образом поощрить. Он просил меня принять участие в

конкурсе. Он говорил, что в Бога не верит, но очень уважает верующих. Экзамены мы сдавали через неделю после конкурса. Вначале февраля я сдал экзамен в группе штукатуров. Оба курса я сдал на "отлично". В середине февраля я записался в группу "плиточник-отделочник". Хотел я включиться и в группу "слесарь-сантехник", но не договорился с директором и завучем. Отказ они мотивировали тем, что плиточники и сантехники занимаются в одни и те же дни, что я уже много пропустил и что нужно издавать новый приказ.

22 января я с помощью Александра Кондратьева дал норму 200%. С конца января я был десять дней на бочках. Моя запинка был в натяжке малых колец, и я попросился на барабаны под "голландский сыр". Чувствовал я и в своем цехе и в других бригадах большее уважение, чем раньше. Чем это объяснить, не знаю. Если раньше обращались обычно Иосиф, то теперь почти все говорили Антонович. Никто у меня ничего не воровал. Ящики, гвозди и головки всегда оставались на месте так, как я их оставил. Завхоз в жилой зоне тоже меня не гонял. Даже когда на уборку всех выгоняли из казармы на улицу, я оставался в казарме. С октября месяца мне перестали посылать в наряд в столовую, не гоняли на очистку снега. Как только слышится команда "Выходи строиться!", со всеми иду и я, а бригадир или завхоз: "Антонович, иди в казарму, заполняй протоколы."

Однажды после второй смены мы ожидали съема в столовой тары. Станки мы убрали, цех был пустой, только

несколько человек из другой бригады курили в углу цеха. Были дни, что нам не выдавали гвоздей, а норму в конце смены требовали. Собирайте, мол, из-под ног. На стеллажах можно было насобирать оставленные гвозди. Считалось, что если после уборки что оставлено, то это ничье. Я зашел посмотреть, не оставлены ли гвозди. Мы использовали пятидесятку, а здесь лежали семидесятки. Я взял их и рассматривал, крутя в пальцах. Нас позвали на ворота, я завязал под подбородком шапку и направился на выход. За мной кто-то стоял из бригады промсвязи. И вдруг этот кто-то изо всей силы ударил меня по затылку кулаком. Я поехал юзом по полу, а в глазах засверкали искры. Я ошалел. Подобное же было и после первой моей трудовой смены. Меня ударил девятнадцатилетний парень. Позже я с ним беседовал, кто он. Мне было интересно, откуда у такого молодого столько злобы и жестокости, столько звериного? Он сирота. Его воспитывали родственники. Потом попал в общежитие. Выпивка, хулиганство. Три года тюрьмы. Я ему объяснил ситуацию, что было бы, если бы я написал на него докладную. Ему набавили бы год. Так и садятся повторно и по много раз. Иногда смотришь, как зеки бьют человека, думаешь: "Ну, после этого он ни за что сюда не вернется". Но увы! Вышел на "химию", сделал один-два прогула, и смотришь - опять в зоне. Может мало бьют, раз не понимают? "Да нет, - говорят Дима Якубовский и ему подобные, - Бьют достаточно, но скоро забываешь."

Почти около года нас выводили на работу в семь часов утра. В семь тридцать мы уже во всю трудились до 17.00.

Кто-то пожаловался в управление с волю, и нам сократили на один час рабочий день. На час позже начали выводить на работу. Одиннадцатого января в воскресенье мы даже устроили забастовку (несколько бригад). Уж слишком часто начали в воскресенье выводить на работу несмотря на то, что план мы выполняли. Как-то даже устраивала администрация "детские спектакли". Приходил бригадир, раздавал листочки, чтобы скопировать форму, данную в прорабке: "Начальнику... Худякову от осужденного Прошу в силу производственной необходимости вывести в воскресенье на работу." В таких случаях некоторые писали: "...работать буду, но сам лично не желаю". Но и в тех случаях, когда никто ничего не писал все равно выводили.

В тарном цеху для некоторых бригад сделали раздевалку. Но не было гарантии, что на следующий день найдешь во что переодеться, потому что бригады, выходящие во вторую смену могут украсть. Когда летом приезжала комиссия, то ходили по цехам и спрашивали, где мы пьем воду, где моем руки. Все отвечали - в столовой. А в действительности посудомойщикам было приказано никого не пускать в столовую. Часто пробки выбивали из системы водоснабжения, и тогда напивались вдоволь. Через год поставили под навесом бочки с водой. Кто хотел руки помыть, мыл в пожарной бочке или дожидался возвращения в казарму.

Настала долгожданная весна 1987 года, мороз ослабевал. Дни летели быстро. С самого утра думал об одном - как заготовить материал. Наколотил сегодня

норму, готовишь все, чтобы и завтра сделать. Чтобы меньше завидовали соседи, стараешься спрятать головки подальше от глаз.

Помилование

Завтра 19-е марта, а у меня уже сегодня к 15-ти часам 113% выработки, а впереди еще более чем два часа времени. Головок - днищ у меня на завтра хватает. Начинаю собирать каркасы. Мы изрядно надоели мастерам и контролерам:

- Начальник, командир, который час?

Кто пошутит, а кто и ответит. Непонятно, из каких соображений, часы иметь нам не положено. Ведь легче работать, если можешь сориентироваться во времени. С другой стороны, может они и правы. Куда нам спешить? Придет время, сообщат. Когда не смотришь на часы, время быстрее идет. Оказывается, это для нашего блага. Незаметно проходит время, а у меня полнормы готовы. А вот и норма есть, теперь можно выполнить свою "духовную норму". Сажусь в угол и перебираю нарезки деревянного колесика. Или мысленно служу мессу. Если кто подойдет, и спросит, почему не работаю, то вот - штабель ящиков, пусть считает.

Сегодня 24 марта. Надо спешить закончить норму и сделать часть задания на завтра. Неохота завтра нажимать. Праздник ведь Благовещения Пресвятой Богородицы. Головки на завтра уже готовы. Есть еще полнормы головок на четверг 26 марта. К обеду полностью закончим. Завтра сделаю пять-семь ящиков, а остальное время буду праздновать. По количеству ящиков определяю время - 11

часов. В цех зашел контролер. Я его впервые вижу. Он сделал несколько шагов от двери, остановился

- Кто Свидницкий?

- Я здесь.

- Пошли со мной в прорабку, быстрее.

- Опять меня, опять комиссия,... надоели, - кладу молоток под доски, прячу рукавицы.

Контролер идет вперед, я за ним. Думаю, зачем вызывают. Может ругать будут, или скажут что-нибудь неприятное, испортят настроение. Захожу в прорабку, здесь сидят 4 человека.

- Здравствуйте, осужденный Свидницкий.

Напротив двери сидит прапорщик и задает мне вопрос, который я сразу не понял:

- Что у тебя здесь на таре есть?

- Я здесь переодеваюсь. Сейчас в курилке моя чистая одежда.

- Переодевайся и забирай все отсюда.

- А что, я больше не вернусь на тару?

- Нет. Я буду тебя ждать здесь.

Спешу. Отнес молоток в инструменталку.

- Мужики, меня от вас забирают. Вот берите что кому. Алексей, забирай головки. Сережа, забирай круги. Не поминайте лихом, если не вернусь.

Спешно переодеваюсь, а бригадир повторяет: "Освобождают." Контролер впереди, я заложив руки за спину, шагаю за ним в зону, прямо в штаб. Подымаемся на второй этаж, и он указывает мне на знакомую дверь - "Начальник оперативной части". Захожу - начальник один в кабинете.

- Здравствуйте, осужденный Свидницкий..., - начинаю я скороговорку.

- Садитесь.

Я присаживаюсь за стол напротив.

- Вы не знаете, по какому поводу я Вас вызвал?

- Нет

- Мне выпала честь первым сообщить Вам приятную для Вас весть, - сказал Барсуков, - Решением Президиума Верховного Совета от 14 марта Вы помилованы в числе 150 священнослужителей.

- Что ж, спасибо Вам большое, гражданин начальник, за это сообщение.

- Ну, как Вы восприняли это?

- Естественно, с радостью.

- У Вас есть что-нибудь почище того, что на Вас?

- У меня есть новый костюм, сапоги, белье, а телогрейки чище нет. Я и в этой выйду.

- Нет, в этой Вы, Иосиф Антонович, не пойдете. Попросите у своего завхоза, если он не найдет, придете ко мне. Решение пришло в понедельник вечером, я передал нарядчику, чтобы Вас не заряжал не работу, но он забыл.

Сделав незначительную паузу, Барсуков продолжал, ухмыляясь:

- Ящиков Вы наделали до конца своего срока. Завтра мы Вас выпустим до обеда. А сегодня с Вами хочет начальство побеседовать.

- Если можно, я желал бы оставшееся время провести спокойно.

- Иосиф Антонович, в каком отношении Вы с прорабом Дудой? Мы знаем, что к нему приходили Ваши письма.

- Гражданин начальник, у меня с ним не было никаких отношений, только через других.

Барсуков достал из шкафа плитку шоколада, подал мне пиалу, налил крепкого чая и как равному сказал:

- Угощайтесь без стеснения.

Я выпил, и он еще одну налил. Видно было, что он не спешил и хотел, чтобы я выговорился.

- Иосиф Антонович, Вы день и ночь писали, наверное, у Вас есть воспоминания, свои наблюдения, выводы. Дайте, я прочитаю, я верну.

- Гражданин начальник, я действительно писал много, но это были письма к женам, матерям и подругам осужденных. Чтобы тех, кто отказался от своих, заставить изменить решение, возобновить прерванные отношения. Все это может помочь изменится оступившемуся человеку. Меня многие просили, и я им помогал писать. Иногда сам писал ответ на письма. Это было, а воспоминаний я не писал, у меня их нет. Есть кое-что, но это не цельное и разбросанное. Если нужно будет, я все восстановлю, и там обязательно будет Ваша фамилия. Помните, летом, когда Вы зашли в столовую и были не в духе, Вы меня спросил, почему я в столовой. Когда Вы ушли, мой напарник удивленно спросил: "Почему он таким тоном к тебе?" Мне просто нечего было ответить ему. Было просто за Вас перед ним неудобно. Я чье-то оправдательное ему сказал. Я думаю, что это была Ваша ошибка.

Барсуков опустил голову, оперся локтями на стол. Он видимо подыскивал достойную фразу для ответа. Не подымая головы он сказал:

- Я знаю... Я с удовольствием читал письма к Вам и от Вас...

Он помолчал, потом сказал:

- И все же, Ваши предложения. Я запишу.

И стал по пунктам записывать мои предложения. Я все без стеснения ему выложил. Наш разговор исчерпался. Он встал, подал мне руку и пожелал всего самого наилучшего.

У Каровозова я долго не задержался. Его интересовали конкретные лица из числа осужденных. Я ответил, что ничего ему не скажу.

- Видите ли, гражданин начальник, я избрал позицию нейтралитета. Если я с Вами буду не в контакте, я выживу, но если с осужденными, тогда мне туго придется. Поэтому я избрал середину.

- Ну ладно, не хочешь говорить, дело твое, - закончил он.

Нарядчик выдал мне обходной лист из восьми пунктов. А начальник спецчасти капитан Южанин уже меня ждал около пропускника. Идем опять на тару. Я должен выступить и попрощаться. Что же я скажу им?

Построили несколько бригад. И старых, и бригаду промсвязи. Южанин стоял с пачкой бумаг перед осужденными. Рядом стоял начальник тары Гаас, прорабы и я. За полтора года такое построение я видел впервые. Обычно уходящие на волю ни с кем не прощались, а мне выпала такая честь. Южанин развернул пустую папку, и, как будто читая, произнес:

- Указом Президиума Верховного Совета от 14 марта Свидницкий освобожден от дальнейшего отбывания наказания. Граждане осужденные, - продолжал Южанин, - Свидницкого вы знаете. Где бы мы его ни ставили, честно исполнял порученное ему дело, и когда пришел запрос на него из Москвы, мы дали на него самую лучшую

характеристику, ибо другой мы дать не могли. Каждый из вас может это заслужить.

Только закончил Южанин, выступил Гаас.

- Граждане осужденные, вы все знаете Свидницкого. Вы сами свидетели, как он работал. С начала мы его не понимали, а он нас, но в последнее время отношения между нами стали хорошими. Он заслужил свободу своим трудом и дисциплиной, пожелаем же ему всего наилучшего.

Начальство намекало, чтобы я им перед осужденными немного "покадил", но я знал отлично настроения осужденных по отношению к администрации. Хвалить ее нельзя, иначе обидишь заключенных. Я решил быть немногословным:

- Желаю вам, ребята, скорейшего освобождения. Счастливо вам и до свидания!

Капитан Южанин повернул направо, и я последовал за ним в зону.

Был тихий день, щедро сияло солнце на чистом и голубом небесном просторе. В некоторых местах уже чернела земля. С крыш обильно стекали капли тающего снега. Мы прошли запретную зону и разошлись с Южаниным. Он свернул влево к проходной, а я в штаб. Здесь предстояло сфотографироваться на справку об освобождении. После обеда ходил в баню, а заведующий выдал мне новое белье. Я побрился и собрал подписи

обходного листа. Так и прошел остаток дня. Бригада вернулась с работы.

После ужина раздал еду, что была в запасе. Дал свой новосибирский адрес тем, кто хотел. Некоторые были привязаны ко мне. Я смотрел на них и думал о том, как их устроить на свободе. Витя Протоп просился, чтобы я ему помог на воле. А Мыльника Колю? Отдать бы их в хорошие наши семьи, и можно сделать из них хороших мужей, горя они хлебнули предостаточно. Отличный парень Пожидаев Александр. Веселый и обходительный, трудолюбивый и простой, но слаб характером. На свободе работал прорабом. Родители даже не отвечают на его письма, а он твердит, что несмотря на то, что они его забыли, он будет о них заботиться. Он был нарядчиком в зоне. Когда я давал ему обходной лист, я пообещал ему, что напишу и помогу устроиться на свободе. Мы долго беседовали с ним. Ему осталось сидеть до июля.

- Куда ехать? Я боюсь жить в общежитии. Опять пьянки, а это обратный путь сюда, - говорил он.

Утро 25 марта. Почти всю ночь не спал. Утром собрал постель. Взял кружку, ложку и понес все каптеру. Почти новую телогрейку дал мне завхоз. Мороз был 8 градусов. Редкими порывами дул ветер. Жду вызова в коридоре штаба. Александр начертил мне план города. Где автостанция, где магазины, где центр. Время тянется медленно. Десять часов... Вот в дверях показался Южанин. Наверное за мной. Да, действительно. Он вперед, а я за

ним. Держу под мышкой газетный сверток. Это все мое имущество, нажитое за два с лишним года. Мои конспекты из СПТУ, записи, заметки. Ладно, путь проверяют, может, кое-что и отберут, но мне хочется вынести для будущего архива мои записи. Иду я не совсем по форме - руки опущены, а не за спиной. Солнце ласковыми лучами меня сопровождает. С каждым шагом все ближе граница воли и неволи.

Мы остановились у железно-решетчатой двери контрольно-пропускного пункта. Южанин открывает дверь и запускает меня в коридорчик. Справа решетка, стекло и открытая форточка-окошко. За ней сидит солдат и женщина в военной форме. Капитан подает ей какую-то бумажку. Мы стоим, видимо кого-то ждем. Вдруг открывается выходная глухая дверь и входит еще одна женщина в военной форме. Она закрывает за собой дверь наглухо, останавливается, разворачивает папку. Посмотрев в папку, называет мою фамилию:

- Свидницкий...

И я дальше продолжаю:

- Иосиф Антонович, рождение 25-го декабря 1937 года, статья 190 прим и 227, срок три года. Начало срока 19-го декабря 1984 года, окончание срока 19 декабря 1987 года.

Развернув продолговатый гербовый листок, она повернула его ко мне и спросила:

- Фотография Ваша?

- Моя, - ответил я.

Она подошла к окошку, протянула тот же самый листок женщине сидящей за окошком, расписалась и ушла. Южанин жестом пригласил меня к окну. Дежурная так же торжественно, как и первая сказала:

- Свидницкий...

И я продолжаю:

- Иосиф Антонович, рождение 25-го декабря.....

Развернув в мою сторону такой же самый листок, спросила:

- Ваша фотография?

- Моя.

Еще раз глянула на меня и на фото и протянула мне ручку расписаться на листе.

Окошко закрылось, и я последовал за Южаниным на выход.

"Почему меня не проверили, что я несу? Может, позже это сделают?" - думал я.

Мы вышли на улицу. Воля! Мы завернули налево к угловой двери управления и поднялись на второй этаж. Южанин зашел в бухгалтерию, а минут через семь позвал меня. Довольно длинный зал с двумя рядами столов, за которыми сидели женщины за бумагами. Он подвел меня к первой справа. Женщина была приятная и приветливая.

Она открыла мое "Дело", пересчитала мои документы. Я расписался в их получении. Она подала мне паспорт и четыре "корочки".

- Подождите меня у кассы. Я вам сейчас выпишу деньги.

Я с Южаниным вышел в коридор и встал у кассы. Распахнулось вовнутрь окошко. Бухгалтер протянула мне ведомость. "Деньги в сумме такой-то получил." Прежде чем выдать мне причитающуюся сумму, бухгалтер заботливо объяснила мне, как надо себя вести, чтобы у меня не вытащили деньги. Она пересчитала дважды и протянула мне пачку купюр. Ей явно хотелось поговорить.

- Мы вас выпускаем и за Вами еще двоих выпустят. Но мы их задержим, чтобы Вы могли за это время уехать. Смотрите на вокзале, чтобы у Вас деньги не вытащили, старайтесь подальше от толпы держаться. Ваш поезд в Новосибирск будет через час, в 13.00. Вы спокойно уедете. Мы сейчас едем в банк. Поезжайте с нами, мы Вас подвезем на автостанцию.

Здесь ее перебил Южанин:

- С ним еще хочет начальник встретиться.

- А Вы скажите, чтобы он его долго не держал. Мы будем ждать внизу в автобусе.

Я поблагодарил ее, и Южанин привел меня в приемную начальника. Здесь сидела накрашенная

секретарша, и несколько человек ждали, когда их примет Худяков. Я постоял 10 минут, и тут зашел Гаас.

- Вот Вы здесь, Свидницкий, здравствуйте. А я Вас ищу. Я хотел с Вами немного поговорить.

Мы вышли в коридор, и Гаас, заглянув в несколько кабинетов, остановился на одном из них. Мы вошли и сели за стол.

- Я хотел бы узнать Ваши замечания о нашей работе.

Он уже держал записную книжку и ручку. Я высказал свои соображения, а он поспешно записывал, иногда переспрашивал. Мы попрощались, и я вернулся в приемную. Прошло еще минут 15, и наступила моя очередь. Только я открыл двери кабинета, как Худяков встал и с приветливой улыбкой сказал:

- Здравствуйте, Иосиф Антонович, приветствую Вас, присаживайтесь. Ну вот, мы теперь с Вами равны. Вот мой коллега со строгого режима, - указал он на сидящего слева белокурого капитана, - Иосиф Антонович, я пригласил Вас, чтобы Вы поделились своими наблюдениями. Вы были здесь 18 месяцев, и Вам есть что сказать. Я еще молодой, и Ваши советы будут мне полезны в работе. Вот и товарищ послушает. На религиозные темы говорить не будем, я в религии не разбираюсь. Вы можете говорить обо всем откровенно, без стеснения.

- Чего стесняться, я политики не задеваю.

- Вы можете даже критиковать.

- Гражданин начальник, я столько времени провел здесь, что раньше можно было поинтересоваться моим мнением.

-Ну, видите, как ...Пожалуйста, Иосиф Антонович, я запишу хотя бы главное...- И начал записывать. Закончив писать, продолжал, - Вы уж братьям и сестрам своим по вере не жалуйтесь на нас. Я Вам желаю всего доброго. Если скучно будет, приезжайте ко мне в гости. Неплохо было бы, если бы Вы нам написали. Не попадайте больше сюда. Желаю Вам успеха, до свидания, всего доброго!

- До свидания!

Я вышел в коридор и, озираясь, направился к выходу. Неужели никто меня не проверит? Но напрасно я опасался, меня никто больше не задерживал. Коридор был безлюден, все были заняты своими делами. Я свободен! Перед учреждением не было ни одной машины. Они, наверное, давным-давно в банке. Я посмотрел направо и налево и пошел в направлении города.

Свобода!

Свобода! Какой великий дар! Только тот по-настоящему способен оценить его, кто вышел из-за колючей проволоки.

Я отошел от зоны на двести метров, повернулся и несколько раз крестным знаменем благословил ее.

Благословил тех, кто зарабатывает там деньги, благословил тех, кому дана власть воспитывать заключенных, благословил тех, кто здесь оказался случайно, и тех, кто сознательно сделал зло на свободе. Одним нужен разум и справедливость, другим покаяние и сила воли.

Мой путь к центру города лежал мимо каких-то заводов. Через час я был около магазина, который был помечен Пожидаевым в его плане. Было около двух часов дня. Я зашел в продуктовый магазин. Там, в зоне, все время был волчий аппетит, а здесь, видя обилие продуктов, есть почему-то не хотелось. Я очень хотел добраться до швейной фабрики, которая находилась в помещении бывшего костела. Мне показали, куда идти, и за 30 минут я добрался туда. Вот она. Я обошел здание со всех сторон. Мало что можно было распознать. Некоторые элементы арочных перекрытий проглядывали на стенах шестиметровой высоты. Забор же костела уцелел. Улица названа по фамилии какого-то поляка. Я помолился за тех, кто здесь служил, кто строил его, кто ходил в костел по этой улице. Вот ведь чудно. Давно я хотел приехать в бывшей Каинск, чтобы увидеть эту "швейную фабрику". О костеле этом я читал, еще будучи в Новосибирске. Пока я собирался, Бог распорядился по-другому, и вот я здесь. Я ушел от костела и начал искать православную церковь. Оказалось, что бывшая церковь находится в нескольких кварталах на север от костела. Вот и церковь. Красный кирпич. Кресты срезаны. Здесь какая-то кочегарка и еще что-то. Повсюду следы этого "атеистического просвещения". Здесь я тоже помолился. Я

отдал честь месту, где славилось Имя Божие и совершалась Вечеря Господня. Я снял шапку, обошел "крестным ходом" церковь и направился в центр города. Больно, очень больно, что нашлись люди, так варварски поступившие с церквями. А ведь не почтить церковь - значит не почтить труд и святыню своих предков. Эти стены они целовали когда-то. Сколько людей сюда приходило, и ссыльные, и переселенцы, пришедшие сюда в поисках клочка земли с юга Украины, из Белоруссии, с Прибалтики, Черноземья. Приехав сюда, они строили храмы, обживались. Их потомки по-прежнему живут здесь.

Я дошел до центра и сфотографировался в ателье в тюремной одежде. Это нужно для истории. Каждая страница должна быть сохранена. А эта - особенно важная. Я сел в автобус и отправился в Барабинск. На вокзале я был в пять часов. Солнце светило по-весеннему, и хотя мороз щипал щеки, снег таял. Я взял билет на шесть часов вечера до Прокопьевска. Надо было посетить отцов редemptористов греко-католиков Василия Рудку и Ярослава Сподара. Главное - исповедоваться. Надо очистить душу и сердце. Сел подальше от людей в зале ожидания. Нужно было мысленно отслужить мессу и прочитать "тюремный часослов" - розарий.

Сегодня 25 марта. Сейчас храмы в Прибалтике, в Белоруссии, на Украине, а тем более, за границей, полны народа. Звучат проповеди, служатся мессы. Одним словом - праздник Благовещения. И я хочу, чтобы мог ничтожный голос присоединился к этому потоку молитв Вселенской

церкви. Прими, Господь, и меня в сообщество чад твоих, в сообщество тех, кому Ты сказал: "Где двое или трое во Имя Мое, там и Я посреди них."

26-го марта в 14 часов я был у своих братьев в Прокопьевске. Они жили в старом доме среди угольных шахт. Часть дома служила часовней. Старенький отец Василий служил литургию для украинцев или мессу для немцев. Молодой отец Ярослав работал шахтером. От них я выехал домой в девять часов вечера.

Поезд прибыл в Новосибирск в шесть часов утра 27-го марта. Это была пятница. Я прошел по вокзалу, вышел на привокзальную площадь. Остановки автобусов оказались перенесенными в другое место. Было тихое утро. В серой дымке утопали отдаленные светильники уличных фонарей. Всего два с небольшим года меня не было здесь, а как все изменилось! Такси остановилось на один квартал раньше, и я пошел мимо знакомых домов по знакомым переулкам. А вот и дом, детище заветной мечты. Забор из белого кирпича с чередующимися столбиками, зеленые железные ворота и калитка. Деревянный тамбур из чистых лакированных реек. Фронтон завершает полукруглое окно с красной облицовкой. У соседнего магазина такая же очередь, как прежде, и даже те же самые люди. Я переступил порог и медленно опустился на колени. Слава Тебе, Господи, что позволил мне опять стоять на этом святом месте. Я поцеловал пол и поднялся. Потом посмотрел по сторонам. В церкви уже были некоторые из наших. Я осмотрел все, даже спустился в подвал. От

увиденного я был в восторге. Построили! И эта незабываемая встреча с нашими людьми.

В 9.00 я вышел служить мессу. Два года, три месяца и восемь дней я не держал в руках Святой Чаши и не видел риз.

"Господи, Ты опять дал мне узреть свет лампы, обонять запах свечей и благовония алтаря Твоего. Омою руки мои, а Тыними с меня наслоившиеся грехи."

- Возлюбленные братья и сестры, до земли кланяюсь вам. Целую ваши руки и ноги за ту радость, что глаза мои видят. Я мало сидел. Цена этому дому Божьему гораздо больше, чем я уплатил.

28-го в субботу на мессу пришли наблюдатели из райкома. Я попросил их, чтобы не тревожили ни меня, ни людей. 29-го апреля в 10 часов я вышел на воскресную литургию. В конце зала у входа стояла первый секретарь райисполкома Лидия Ивановна Дорохина и еще несколько человек с ней. На проповеди я еще раз поприветствовал своих прихожан и сказал также:

- Спасибо тем, кто меня посадил за решетку. Они еще возвысили мой авторитет не только в церкви, но и за ее пределами. Если раньше я был, образно выражаясь, как крохотный домишко, то теперь атеисты сами расстроили меня, как девятиэтажный дом. Я свою священническую миссию продолжал и среди преступников. А они меня научили более глубокой вере. Я показал всем неверующим

силу и мощь Евангелия. Меня хотели физически сломать, но от этого я стал только сильнее и физически, и духовно. Я никого не виню за то, что я сидел. Здесь была воля Творца. Если я хотя бы одному человеку проповедовал о Всевышнем, то это стоило того, чтобы мне оказаться за решеткой. Там я проповедовал многим, а не одному. Мы с вами молимся сегодня за наше правительство, за административные власти города. Им нужно озарение свыше, чтобы иметь мужество изменить свой устоявшийся образ мышления. Я приветствую всех и даже тех, кто лжесвидетельствовал против меня. А администрацию прошу проявить благоразумие, и не нагнетать искусственный психоз.

После окончания мессы, когда большинство людей разошлось, а я успел разоблачиться, в сакристию вошла Дорохина, ее муж, начальник милиции, и еще несколько человек. Здесь было и двое наших прихожан.

- Здравствуйте, Иосиф Антонович.

- Здравствуйте, Лидия Ивановна, - ответил я.

- Вы опять ищите на свою голову неприятностей? - раздраженным тоном сказала она.

- Какие неприятности?

- Кто разрешил Вам служить мессу?

- Когда епископ меня рукоположил, тогда он мне и разрешил служить мессу. И никто, кроме епископа, мне запретить служить не может.

- Здесь есть ксендз, и Вы не можете здесь хозяйничать.
- Вы не беспокойтесь, между собой мы договоримся.
- Вы доиграетесь, Иосиф Антонович.

- Вы, Лидия Ивановна меня не пугайте. Я Вас не боюсь. Я видел перед собой дуло автомата, решетку, и если нужно, я сегодня же вернусь в тюрьму. Так что напрасно меня пугаете. Меня отсюда взяли, поэтому я сюда вернулся. Мне конституция СССР гарантирует место жительства и право на жилплощадь. Мессу я служить буду, даже если вы будете угрожать мне новым арестом. Если я ее служил в тюрьме, в зоне, за станком, то тем более, буду служить здесь. Если Вы меня и людей не оставите в покое, то я подам на Вас в суд. Если будете меня травить, я дам телеграмму в Верховный Совет, чтобы отменил свое решение о моей амнистии. Я сам вернусь в тюрьму, мне свобода без алтаря не нужна. Не запугаете!

- Если бы на Вашей мессе было 2-3 человека, а то Вы на весь приход демонстрацию устроили.

- Эти люди заслужили, чтобы именно так я с ними встретился. Мне нечего прятаться от них. Да если бы я прятался, вы бы из этого новые аргументы нашли против меня. Вам вообще давно пора перестроиться. Когда меня выпускали, то говорили, что я в другой мир приду, совсем не такой, как прежде.

- Не все поддается перестройке.

- Я вас понимаю. Тогда и Вы по-человечески меня поймите, что я другим быть не могу.

- Вы уже третий день дома, могли бы нам хотя бы позвонить.

- У меня было важное дело. Я должен был выполнить поручения узников. Я должен был связаться с их семьями. Это мой священный долг, а уж потом вы.

- Завтра к 11 часам явитесь к нам на беседу.

- Хорошо.

Так закончилась первая после тюрьмы первая официальная встреча "в верхах". На следующий день я пошел к уполномоченному по делам религии Владимиру Леонидовичу Лымарю. Принял он меня слишком дружелюбно.

- Вам, Иосиф Антонович, желательно уехать из Новосибирска.

- Это просьба или приказ? - спросил я

- Просьба. Устройтесь в другом месте, отдохнете, навестите епископа, родственников. Я Вам помогу с билетами через облизполком. Мы Вас не выгоняем, но просим. Так будет лучше.

- А я, Владимир Леонидович, со своей стороны заявляю: если меня власти нигде не примут, вернусь в Новосибирск. Я не подчинюсь запретам, а буду служить.

Тут зашел в кабинет Николаев, который тогда возглавлял совет ветеранов. Его ехидная улыбка как всегда лицемерно приветствовала "классового врага". Он молча подал мне руку, на ходу обменялся несколькими фразами со своим учеником Лымарем. Беседа продолжилась. На этот раз нападающим был я.

- Несмотря на Вашу вежливость, Владимир Леонидович, я не могу к Вам относиться спокойно. Вы ведь ученик старого коммуниста, который все годы моего присутствия здесь непрерывно на меня писал ложные доносы. Он передал в прокуратуру то, что я написал лично ему. Допустим, я для него классовый враг, но он же своих коммунистов обманывал, ложно обвиняя меня в нарушении законодательства по религиозным культам.

- Надо по-христиански простить и быть снисходительным.

- Я простил, но недоумение остается. Остается вопрос без ответа. Вы, коммунисты считаете себя обладающими самым научным и прогрессивным мировоззрением. Значит, вы должны быть честнее и логичнее нас. Мы ведь для вас мусор, отбросы прогресса. Так покажите же нам свое превосходство не на словах, а в своем отношении к нам.

Лымарь терпеливо поддерживал разговор. Он хотел хотя бы что-нибудь вытянуть из меня.

- Иосиф Антонович, скажите пожалуйста, какой из католических орденов Вам больше всего импонирует?

- Мне любой орден по душе. Все мы составляем одно, и одно и то же проповедуем. У нас один Папа на всех.

Лымарь очень хотел узнать у меня, не состою ли я в каком-нибудь ордене.

- Какой орден Вы предпочитаете, доминиканцев или иезуитов?

- Владимир Леонидович, я вам обещаю, что если Вы выберете католичество и захотите стать иезуитом, я дам Вам рекомендацию. А что? Коммунисты проиграли, а мы победили. Вам остается одно - покаяться. Чем скорее присоединитесь к нам, католикам, тем лучше. Мы вас не предадим и не продадим.

- Почему Вы говорите о католиках, когда у нас православие.

- Я люблю православие. Это тоже наше христианство. Я говорю так потому, что коммунистам с православием удалось расправиться, а с нами не удалось. Мы для вас крепкий орешек. Вы на православных как на осла залезли и пятками погоняете. Они вам коммунистам на экуменических конгрессах осанну поют. С нами вам сложнее. Вы на нас за экуменизм дело заводите. На нас где сядешь, там и слезешь. Поэтому я предлагаю Вам Католическую церковь как несокрушимую скалу. Москва тоже Рим, но третий. На третьем месте после первого Рима.

Я говорил с ним на равных с зековской задиристостью. Лымарь целых два дня уговаривал меня, чтобы я уехал из Новосибирска. И я согласился.

Нельзя не отметить особой благодарностью Ольгу Штро. Ее упорство, смелость очень пригодились приходу в эти трудные годы. Она организовала стройку. Она больше других боролась с властями, она защищала честь священника. Сами власти мне говорили: она фанатично защищает Вас.

Лидия Николаевна Ярыгина была первой активисткой по организации прихода летом 1982 года. Она ежемесячно приносила мне передачи в Новосибирске, а потом привозила их за 300 км в Куйбышев.

Поездки по знакомым

Выйдя на свободу, я не переставал думать: "Что с молодой Зосей?" Пять лет своего срока она, наверное, уже отбыла, и сейчас должна быть в ссылке. Это еще пять лет. А что с Сандром? Я должен был их навестить.

Самолет прибыл в Киев поздно вечером 3 апреля 1987 года. В час ночи на Житомир шел поезд. В девять часов утра я переступил порог кафедрального житомирского собора. Ксендз Станислав Щипта служил мессу. Я встал в стороне от людей. Отходя от причастия, многие меня заметили и подошли. Оказалось, что Зося уже дома. Две недели тому

назад она вернулась из-за колючей проволоки. Это же моя родная духовная дочь, совесть нашей церкви. Теперь я мог с гордостью сказать своим братьям баптистам и пятидесятникам, что наша молодежь тоже сидит за Христа в советских тюрьмах. После ее ареста и суда над ней я говорил о ней в проповеди, как о добровольной жертве за честь католической веры, как о созревшем плоде любви Христовой. Правоохранительные органы готовы были на все, чтобы кнутом и пряником добиться своего, сломать жертву. Теперь уже не бьют, но "ласково уговаривают".

Герой 70-х годов диссидент отец Димитрий Дудко раскаялся публично, его покаяние показывали по телевизору. За это ему дали свободу, а бывшие его последователи рассеялись. "Поражу пастыря, и рассеются овцы стада". (От Матфея 26)

Есть и другие примеры. Роза из Душанбе, Ян Монастырский, Журавская, - это жертвы "воспитания" правоохранительных органов советской системы. Я переживал за Зося, готов был ехать в любую точку СССР, лишь бы с ней увидеться. Сколько выстрадала ее мама! С мамой я тоже встречался.

- Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, слава Пресвятой Троице, - произнесли мы одновременно с Зосей.

- Зося, как ты, твоя вера, настроение, здоровье?

- Все осталось прежним.

Моей радости не было предела.

- Зося, если ничего не случилось, если ничего не изменилось к худшему в твоей душе, то все начинаем сначала.

Зося не пала духом, слава Тебе, Творец!

Сандр Рига был освобожден из заключения 26 сентября 1987 года. Последним его местом заключения была Рижская городская психиатрическая больница. До этого его три с половиной года "лечили" в тюремной больнице Благовещенска. После обращения его мамы лично к Горбачеву, Сандра перевели в Ригу. Ему повезло, в отделении оказался знакомый врач, не надо было принимать лекарства. КГБ не удалось насильственным лечением вызвать у него болезнь, подорвать психику. Христос победил! А ведь многие из тех, кто сидел на тюремных иглах, покончили жизнь самоубийством.

Я побывал у своих родственников и Пасху 19 мая 1987 года отпраздновал у отца Франциска Карасевича с разрешения уполномоченного Бубякова их Хмельницкого. Бубяков сказал Франеку, что меня на Украине и в Белоруссии власти не примут.

К моему большому удивлению кардинал Вайводс и епископ Цакул приняли меня очень хорошо. Они заверили меня, что готовы предоставить мне место. Рига на сей раз повернулась ко мне христианским лицом. Полгода я отдыхал, принимал участие в реколлекциях. Те священники, что раньше смотрели на меня хмуро, на сей раз были приветливы.

Снова в Азии

В это время я ездил так же в Вильнюс. Священники уговаривали меня, чтобы я остался и служил где-нибудь под Вильнюсом или в Белоруссии. Епископ Викентий Сладкявичус обещал оставить при кафедральном соборе. Были даже несерьезные намеки на возможность получения епископства в Белоруссии. Я помнил об огромных сибирских просторах, где раскиданы потерянные для веры души.

В воскресенье 14 июня 1987 года я вылетел рейсом Рига-Душанбе. Как меня примет мой собрат отец Бенедикт, как примут люди? Гляжу в иллюминатор с высоты 10 000 метров. Пять лет я не был в Душанбе. Семь священников после меня служили в Таджикистане. Перебирая бусинку за бусинкой, читаю розарий. Полет длится 10 часов, можно вдоволь намолиться. Под крылом самолета заснеженные вершины Туркменского хребта, смыкающегося с горами Памир. Сколько раз я их видел, и на сей раз не могу оторвать взора от каньонов, утесов, ущелий, сверкающих серебряными нитями горных рек.

Жаркий июньский день. Душанбе лежит в котловине. Вокруг горы с заснеженными вершинами до 5 км высоты. Температура 40 градусов. Воскресенье - храм полон. Я всех приветствую в начале мессы, всех прощаю и сам прошу прощения у всех. После мессы радостные встречи. Почти

весь приход пожелал подойти ко мне и пожать руку. Посетив еще некоторые места Кавказа, Урала, Сибири, я лечу в Фергану. Опять люблюсь через иллюминатор панорамой гор. Одиннадцать лет назад я летел этой же трассой в поисках Христовых овечек. Теперь многих из них я знаю. Горы творят в сердце особое настроение. Под крылом самолета монументальность, массивность и таинственность. Подняв взор в лазурную синь неба, невольно ищешь чего-то большого, светлого, гораздо большего, чем может дать мать-земля. Сколько людей, ищущих неземного, но реального, ищущих Бога, приезжало со всех концов нашей Родины, чтобы пожить в этих пустынных безлюдных местах хотя бы несколько дней. Горы поражают своей таинственной тишиной и суровостью. Христос часто уходил на молитву в горы, а потом Его последователи устраивали себе обители в горах, покидая шумный мир, мир иллюзий и преходящей его красоты. Самолет медленно плывет над макушками гор. Какая удивительная Премудрость Божия, какие поразительные планы Провидения Творца! Много лет тому назад, в детстве, я читал о Ферганской долине в Средней Азии и мечтал хоть раз в жизни побывать там. Глядя на горы я тихо приветствовал их, а они величаво отвечали мне снизу. А сверху из небесной синевы, прорезая космические дали, тихо звучал в душе голос Бога: "Ты Мой солдат и путешественник. Я посылаю тебя сюда. Иди, ищи, собирай Моих рассеянных овец. Ищи души, затерянные среди этих гор, холмов и долин. Иди, ибо час пришел проснуться ото

сна". Сколько раз я задавал Господу вопрос: "Почему именно я?" Но ведь кто-то должен быть первым! "Избавь, Господи, меня от противления Твоей воле."

Идем на посадку. Самолет скользит по посадочной полосе и выруливает к стоянке. У выхода стоят встречающие с цветами. Прибывшие и ожидавшие улыбаются друг другу. Меня никто не встречает. Но меня ждут.

Воскресенье 14 июня. Жара 40 градусов. Метался с одной стороны улицы на другую, чтобы хоть чуть-чуть побыть в тени. Слава Тебе, Господи за новый приход, который Ты для меня готовишь. Земля Средней Азии щедро родит, если ее орошает вода. Здесь говорят, что не земля родит, а вода. Как вода, стекающая с гор, орошает землю, так и я с Твоей помощи и по Твоей воле должен оросить сердца людей Твоим словом. Я должен открыть их души навстречу Тебе. Они должны стать добрее, они должны стать обителью Творца, чтобы быть солью среди людей. Каким будет урожай человеческих душ? Позволит ли засохшая почва пропустить поток благодати Божьей? Фергана по-узбекски значит "красавица". Щедро и обильно кормит она людей своими плодами. Ох, как желал бы я увидеть плоды веры в сердцах людей. Кто знает, может быть здесь, в этой земле останутся кости мои. Но это не важно для меня. Мне безразлично, где истлеет мой временный дом.

Вечером, в 19 часов была первая святая месса в Фергане. Радости не было предела. В тот день было 15 человек, а храмом была 18-метровая комната. Власти разрешили мне пробыть здесь только 10 дней. По истечении срока заявили: "Не можем Вас зарегистрировать, потому что у Вас судимость." Я им серьезно ответил: "Прошу созвониться со всеми инстанциями вплоть до Москвы, и передать им мои слова. Я говорю: "Или алтарь, или тюрьма." Я даю срок семь дней. Не позволяйте служить, я дам телеграмму Горбачеву, что отказываюсь от свободы и возвращаюсь в лагерь. Я готов голодной смертью умереть у ворот лагеря. Так что решайте вы, представители Советской власти. А я для себя все решил. Прошло семь дней. Власти велели прописываться и служить. Так Фергана стала моим домом. Здесь мне предстояло пройти духовную реабилитацию. Почти полгода до конца 1987 года я отходил от внутренней пустоты.

Три месяца мы ютились в маленькой временке, а затем купили дом, и люди сделали капеллу на 200 человек. Изучая город, отстоящий от столицы Узбекистана Ташкента на 400 км в восточном направлении, я узнал, что католики появились здесь 100 лет тому назад. Здание католического храма и поныне стоит в центре города. Оно небольшое, человек на 100. Мне хотелось поскорее расширить наши границы. В течении года я побывал в трех городах Узбекистана и в двух местах Казахстана, граничащих с Узбекистаном. Через год в Узбекистане было 4 места собрания: Фергана, Ангрен, Чирчик и Ташкент. О Ташкенте

особый разговор. Мы с отцом Бенедиктом были приглашены туда на празднование Тысячелетия Крещения Руси. Стоя за билетами в авиакассе, я познакомился с Людмилой Владимировной, москвичкой, приехавшей в гости к своей сестре. Позже мы встретились с ней на заранее договоренной троллейбусной остановке. Она была с родственницей, которой поручила погулять с собакой, пока мы ездим в центр. Я предложил подождать 15 минут, пока Марина выгуляет собачку, а затем вместе поедим в город. Людмила Владимировна возражала. Она, мол, не нужна, и притом, неверующая. Мне именно поэтому и хотелось, чтобы она была с нами. Была суббота. Чтобы Марина увидела молящихся людей, я предложил сходить в молитвенный дом адвентистов, с которыми у меня были дружеские контакты. Прощаясь, я предложил Марине почитать катехизис.

- Через месяц, Марина, встретимся в 12-00 в аэропорту местных линий. Отдай мне книжечку.

Марина пришла в срок. Я дал ей другую книгу. Так мы встречались в течении 2-3-х месяцев. Мне хотелось знать ее мнение о книгах, но я ничего не спрашивал, а только давал новые книжки. В конце концов я предложил ей поехать на мессу, которая служилась в 30 км от города. Она согласилась. Потом была встреча у нее на квартире, было еще 3 соседки. Второй раз было 10 человек, третий - 20. Произошло еще несколько встреч, и можно было организовывать приход. Мы купили дом на имя Марины, и я начал регулярно служить литургию. Мы развешивали

объявления на остановках, и люди начали наполнять новую часовенку-капеллу. Ташкентская каплица, наверное, единственное место в мире, где под одной крышей собираются дети Авраама и Иисуса Христа. Синагога и католическая церковь, расположенные в разных половинах одного дома, похожи на Библию - в одной обложке Ветхий и Новый Завет.

Узбекистан дал Католической церкви многих монахинь. Марина и ее подруга стали монахинями в затворе. Фергана дала 2-х выпускниц Богословского факультета Краковской академии.

Не только горные воды расходились по городу оросительными арыками и живили влагой роскошные ачаиры, но и влага небесная орошала каменистую почву человеческих душ. Земля воскресала к новой жизни, доселе ей неведомой, и буйно распускала зеленые ветви, в тени которых зеленели новые ростки.

В Фергане я начал обрабатывать свои воспоминания .

Прозрачные зеленоватые потоки стремительно мчатся с гор. Их шум наполняет ущелья. Они несут прохладу. Свежесть на равнины Ферганской долины. Свежесть Духа Святого нисходит свыше на истомленные человеческие сердца. Во славу Пресвятой Троицы!

Я летел счастливый еще не зная о том, что спустя три года в Таджикистане начнется гражданская война. Мы оставим там несколько храмов, которые ранее

строили. В Курган-Тюбе во время Мессы начнется артобстрел, и когда верующие выйдут из храма, то в ужасе увидят, что их дома полыхают. Они побегут из города по шоссе с тем, что у них будет в руках. “Когда же увидите Иерусалим, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось запустение его: тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто в городе, выходи из него; и кто в окрестностях, не входи в него” (От Луки 21,20-21)

Экуменическое заключение

Моя жизнь с самого начала была связана с Католической церковью, я узнавал о Господе из великого предания Римской церкви, председательствующей в любви, как писал Святой Игнатий Антиохийский. В моих жилах течет кровь многих народов, в прошлом веке одним из моих предков был православным священником. В юности, встречаясь с греко-католическими священниками, я узнал о том, насколько богата наша традиция, которая включает в себя не только византийское христианство, но и армянское и сирийское. Ныне в Католической церкви существует семь видов крестного знамения, свыше двух десятков обрядов. В своем священническом служении я стремился преподать людям разных национальностей ту христианскую традицию, в которой они родились, к которой принадлежали их предки. Только так Католическая церковь может быть

подлинно вселенской, думал я, а не польской, немецкой или итальянской.

На Украине я пытался преподавать катехизис в костеле по-украински, родном языке большинства прихожан, но встретил благожелательное непонимание. Латинская церковь там часто воспринимается прежде всего как форпост польской культуры. В Закарпатье однажды мне пришлось заговорить с собратом-священником на латинском языке, ибо он демонстративно делал вид, что не понимает не по-украински, не по-польски, а только по-венгерски. Форпост венгерского влияния. Все это печально, ибо однажды власть предержащие слово “форпост” могут произнести как “пятая колонна”. “Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое; а если как Христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь”. (1 Петра 4,16)

Большим утешением для меня является то, что на Римской кафедре восседает ныне Иоанн Павел II, который стремится служить как апостол Павел всем народам и культурам в раскрытии Евангелия. “Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых”. (1 Коринфянам 9,22).

В 1972 году я прочитал книгу “Сын Человеческий”, которая мне очень понравилась. Кто-то мне сказал, что за псевдонимом Эммануил Светлов скрывается православный священник Александр Мень из Подмосковья. В трудное для

меня время, когда мне власти запретили служить, я поехал в Новую Деревню поговорить с ним. Наша встреча была недолгой, он рассказал мне, например, что к нему часто приезжают католические священники из-за границы под видом туристов и привозят книги. В это время к нему заехало несколько собратьев священников. Он представил меня как батюшку из Украины. «Я из Житомирской епархии» - подтвердил я. Украинские священники часто были без бороды, поэтому мой необычный облик их не удивил. Отец Александр дал мне православные облачения, и мы пошли в церковь соборно совершать какой-то молебен. Я стоял с молитвенником в руках и часто крестился. Я не умел читать по-славянски, но с важным видом смотрел в служебник, ища знакомые буквы.

Последний раз я видел о. Александра в Риме в 1989 году в семинарии «Руссикум», где он остановился. Его смерть в сентябре 1990 года потрясла меня, воистину он – мученик экуменизма.

Некоторые из духовных чад о. Александра нашли себя в католичестве. В 1987 году в Москве я участвовал в организации русскоязычной католической общины, состоящей в основном из русскоязычной еврейской интеллигенции. В любом городе, куда приезжал, я обязательно посещал православную церковь и знакомился со священнослужителями.

Когда я приехал священником в Житомир, то был принят местным православным Владыкой, которого потом

часто навещал. Хорошие отношения сложились с отцом Иоанном из Житомирской епархии РПЦ, который часто ходил к нам на богослужения. С протоиереем Николаем Васьковским, настоятелем кафедрального собора в Житомире постоянно обменивались посланиями.

Во время служения в Новосибирске прекрасные отношения были архиепископом Гедеоном (Докукиным) и настоятелем собора протоиереем Дмитрием Будько (ныне он епископ Кемеровский) Вспоминаю свое участие в экуменических молодежных собраниях в Риге в конце шестидесятых. Евангелие объединяло христиан многих конфессий.

В Средней Азии я бывал у многих владык и священников. В Душанбе у местного православного батюшки отца Алексея я принимал участие в крестных ходах. Однажды, в 70-е годы мы приехали к нему с ксендзом Яном Ленгой на какой-то праздник. Он вынес нам епитрахили и фелони, мы облачились и сослужили ему.

Сколько было надежд с началом гласности и открытости на еще большее потепление отношений между христианами! В 1988 году радостным событием для католиков стал приезд в Красноярск, Новосибирск и Среднюю Азию епископа из Польши Романа Анджеевского. Я с радостью ожидал приезда священнослужителей из других стран, которые помогли бы открыть воистину вселенский лик Католической церкви.

Период наибольшей духовной деятельности в Москве, на мой взгляд, связан с именем о. Франциска Рачунаса, когда возникали и регистрировались новые общины, начали приезжать зарубежные священники. Пошли жалобы от знакомых прихожан, не сумевших идти в ногу со временем. Их смущало, что новые пастыри не носят сутан, после Мессы не молятся, а выходят курить. Перед левой калиткой ограды храма Святого Людовика образовалась курилка. Наиболее часто традиционные прихожане жаловались на католические движения, которые с 1990 года начали проповедь в Москве в духе II Ватиканского собора. После служб, совершаемых на ломанном русском языке, священники угощали мирян сигаретами, баночным пивом и даже крепкими спиртными напитками. Это происходило на фоне экономического кризиса, когда банка “Кока Колы” стоила ползарплаты библиотекаря. Иностранцам было трудно понять, что Россия – не Новая Гвинея. Здесь католические священники давали обет не пить вина, а сутана был символом свободы и независимости Церкви. Я брал в руки “Постановления II Ватиканского собора”, чтобы прочитать там о разрешении на курение и винопитие для священников, но не нашел. “Очевидно, говорилось в устных дискуссиях”, - подумал я.

Чуть позже подобное происходило в Новосибирске. У меня было мучительное желание загрузить курящих священников в самолет и отправить в их родные палестины. Ограничивался устными замечаниями.

В 1979 году к нам стали негласно приезжать священники из ГДР. Мы с отцом Яном Ленгой записали их службы, а также воскресные чтения на магнитофон. Потом многократно гоняли эту пленку, пытаюсь выучить правильное произношение и ударение немецких слов, делали специальные пометки в книгах.

Когда начали прибывать отцы-миссионеры из-за рубежа, то я предлагал им пройти месячную стажировку у местного священника чтобы выучить правильное произношение и приходские обычаи. Но они наняли учителей русского языка. В результате, сейчас мало кто может прочесть даже самую короткую 2-ю евхаристическую молитву Мессы (обычно только ее и читают) без ошибок. Низко кланяюсь вам, оставившим свои благополучные страны ради служения в России, но и вы, пожалуйста, уважайте наших верующих.

Жаль ныне редко можно увидеть священника в сутане и присутствовать на торжественных Мессах с пением и чтением Римского канона; обычно служатся короткие читанные службы минут за 20. Блажен наш старец прелат Келлер, что он не дожил до этого.

Можно ли сблизиться с православием на почве пренебрежения обрядов?

В 1988 году я был в Киеве на обеде у моего приятеля отца Яна Крапака по случаю 1000-летия Крещения Руси. Были приглашены также католические епископы из Италии и Германии. Они меня уверяли, что знают Русскую

Православную церковь лучше меня и сумеют с ней в ближайшее время договориться об объединении. А в это время в Западной Украине на улицах уже открыто служили греко-католики.

Я всегда понимал, что расправа с греко-католиками в 1946 году – каинов грех Московской патриархии. С юности я встречался с украинскими священниками, не принявшими решений Львовского собора. Они рассказывали, что офицеры НКВД открыто предлагали им перейти в Московское православие в обмен на свободу и сытое существование на приходе. Они были вынуждены жить в подполье, но остались несломленными, готовыми идти на жертвы за Христа. Следует вспомнить греко-католического епископа Александра Хиру, который после амнистии в 1956 году остался в Караганде, где служил для верующих разных национальностей в восточном и латинском обрядах. Он воспитал многих католических священников, среди которых Владыка Иосиф Верт, нынешний Апостольский администратор в Новосибирске. Епископ Александр умер 26 мая 1983 года, так и не дождавшись выхода из подполья греко-католической церкви.

Экуменизм, на мой взгляд, прежде всего доброе отношение и терпимость к взглядам другого человека, братское общение и признание за каждым человеком права на собственное мнение. Это не имеет ничего общего с торговлей верой в обмен на деньги или интересы других людей. Как бы люди не пытались обмануть сами себя, все

будет так, как Господь предуготовил, “ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий”. (От Луки 12,40)

Я всего лишь обычный служитель Вселенской церкви, несу в меру своих немощей дар священства и пытаюсь передать дары святого Духа окружающим. Радуетя сердце, когда этот дар проникает в чью-то душу - это цена твоих усилий и плата за твой труд. Сжавшись от боли, удались в потаенное место ради целостности твоих трудов, ради мира и единства: не им, а Ему - служение твое!

1987-1998 гг.